

66(1) 2023

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ НЕЭГАЛИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО
- ◆ РАСКОЛ СОВРЕМЕННОСТИ
- ◆ НОМО РЕНТИКУС
- ◆ НЕПОКОРНЫЕ НОВООБРАЩЕННЫЕ
- ◆ ПОЛИФОНИЯ ВАРИАЦИЙ
- ◆ ИСТФАЛЬСКИЙ ПОРЯДОК
- ◆ СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 66. № 1/2023

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Даллмайр Ф.Р.**, д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии факта гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-корр. РАО, президент МГПУ; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор **Дубровский Д.И.**

Научный редактор **Винник Д.В.**

Редактор отдела культурологии и религиоведения **Дуркин Р.А.**

Литературный редактор **Романова Е.В.**

Верстка: **Топилина В.М.**

Директор по развитию **Смирнов М.Н.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор **Мариносян Х.Э.**

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 66. No. 1/2023

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Arshinov V.I., D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RAS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Romanova E.V.

Page Layout: Topilina V.M.

Development Director Smirnov M.N.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinossyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Вызовы современности.

Новая парадигма образования ■

<i>О.Н. СМОЛИН</i>	Служение vs услуги в образовательной политике и законодательстве	7
<i>Л.Т. РЕТЮНСКИХ</i>	Образование как мышление, или Место философии в системе образования	24
<i>А.О. КАРПОВ</i>	Высшее образование в России: несбыточные надежды?	51

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Трансформация социума и человека

в исторической динамике ■

<i>В.И. СПИРИДОНОВА</i>	Цивилизационная самоидентификация как ответ на неолиберальный кризис	77
<i>Г.Г. МАЛИНЕЦКИЙ, В.Э. ВОЙЦЕХОВИЧ (Тверь), И.Н. ВОЛЬНОВ</i>	Идеи Гегеля и Энгельса в контексте теории самоорганизации	98
<i>О.Е. МАКЕЕВА</i>	Преображение человека в эпоху глобальных перемен в философии космизма А.К. Горского и Н.А. Сетницкого	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

<i>П.Н. КОНДРАШОВ (Екатеринбург)</i>	Рентное общество: становление, реальность и перспективы (рецензия на книгу: <i>Фишман Л.Г., Мартынов В.С., Давыдов Д.А.</i> Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019)	134
--------------------------------------	--	-----

Конференции, семинары,

круглые столы ■

<i>Е.А. СОЛОШЕНКО</i>	Международная научная конференция «Федор Михайлович Достоевский и европейская культура: к 200-летию великого русского писателя». Апрель 16–23, 2021	148
-----------------------	---	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY OF EDUCATION

Challenges of the Present.

New Education Paradigm ■

<i>O.N. SMOLIN</i>	Is Education only in Parochial Schools? or Once More on the Role of the Conception of Services in Educational Policy and Legislation	7
<i>L.T. RETYUNSKIKH</i>	Education as Thinking, or The Role of Philosophy in the Educational System	24
<i>A.O. KARPOV</i>	Higher Education in Russia: Unrealizable Hopes?	51

REALITY AND PERSPECTIVES OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Transformation of Society and Man

in Historical Dynamics ■

<i>V.I. SPIRIDONOVA</i>	Civilizational Self-Identification as a Response to the Neoliberal Crisis	77
<i>G.G. MALINETSKIY, V.E. VOITSEKHOVICH (Tver), I.N. VOLNOV</i>	The Ideas of Hegel and Engels in the Context of the Self-Organization Theory	98
<i>O.E. MAKEEVA</i>	Human Transformation in the Epoch of Global Changes in the Philosophy of Cosmism of A.K. Gorsky and N.A. Setnitsky	120

SCIENTIFIC LIFE

Invitation to Reflection ■

<i>P.N. KONDRASHOV (Yekaterinburg)</i>	Formation, Reality, and Prospects of the Society of Benefits and Privileges (Book review: L.G. Fishman, V.S. Martyanov, & D.A. Davydov. <i>Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy</i> . Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019)	134
--	--	-----

Conferences, Seminars, Round Tables ■

<i>E.A. SOLOSHENKO</i>	“Fyodor Mikhailovich Dostoevsky and European Culture: On the 200 th Anniversary of the Great Russian Writer” International Scientific Conference. April 16–23, 2021	148
------------------------	--	-----

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Вызовы современности. Новая парадигма образования

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-7-23

Оригинальная научная статья

Original research paper

Образование – только в ЦПП? **или Еще раз о месте концепции услуг в** **образовательной политике и законодательстве**

О.Н. Смолин

Государственная дума Федерального Собрания, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена одной из актуальных идеологических проблем современной отечественной образовательной политики – месту и роли концепции т.н. образовательных услуг в действующем законодательстве. Автор утверждает, что дискуссия в российском обществе, в научной и публицистической литературе, а также во властных структурах, посвященная этой теме, имеет не сугубо теоретическое содержание, но включает в себя важнейшие практико-ориентированные аспекты, прямо связана с представлением о целях образования, содержанием выстраиваемой системы образовательных отношений и, более того, с характером сложившейся в России общественной системы в целом. По мнению автора, на концепции услуг во многом основывается стремление исключить из образования человеческий фактор, что противоречит сущности образовательных отношений, которая представляет собой влияние личности на личность, формирование человека человеком. Основное содержание статьи составляет анализ альтернативных законопроектов, направленных на частичное или полное исключение концепции образовательных услуг из законодательства. В статье анализируется история вопроса, аргументация сторонников и противников концепции образовательных услуг, а также парламентская борьба и ее итоги. Автор обосновывает, что Федеральный закон № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» является в лучшем случае, половинчатым ре-

шением проблемы, и работа по совершенствованию федерального законодательства в данном направлении должна быть продолжена.

Ключевые слова: философия образования, «живое» образование, «мертвое» образование, сфера образования, образовательные услуги, педагогическая деятельность, образовательные отношения, человеческий потенциал, человеческий капитал.

Смолин Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию.

smolin@omgpu.ru

Для цитирования: Смолин О.Н. Образование – только в ЦППШ? или Еще раз о месте концепции услуг в образовательной политике и законодательстве // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 7–23.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-7-23

Is Education only in Parochial Schools? or Once More on the Role of the Conception of Services in Educational Policy and Legislation

O.N. Smolin

State Duma of the Federal Assembly, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the place and role of the conception of the so-called educational services in the Russian legislation, which is one of the topical ideological problems of modern Russian educational policy. The author argues that the discussion of this issue in Russian society, in scientific publications and media as well as in government structure does not have a purely theoretical content but includes the most important practice-oriented aspects and raises the issues of the goals of education, of the essence of the evolving system of educational relations, and, moreover, of the nature of the social system that has developed in Russia in general. According to the author, the conception of services is largely based on the desire to exclude the human factor from education, and it contradicts the specificity of educational relations, which implies the influence of a person on a person, the formation of a person by a person. The main content of the article is the analysis of alternative bills aimed at partial or complete exclusion of the conception of educational services from the legislation. The article analyzes the history of the issue, the arguments of supporters and opponents of the conception of educational services, as well as the parliamentary struggle and its results.

The author substantiates that the discussed amendments to the Federal Law *On Education in the Russian Federation* is at best a half-way solution to the problem, and the work to improve federal legislation in this direction should be continued.

Keywords: philosophy of education, “live” education, “dead” education, field of education, educational services, pedagogical activity, educational relations, human potential, human capital.

Oleg N. Smolin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education.

smolin@omgpu.ru

For citation: Smolin O.N. (2023) Is Education only in Parochial Schools? or Once More on the Role of the Conception of Services in Educational Policy and Legislation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 7–23.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-7-23

Введение

В российском обществе, в научной и публицистической литературе, а также во властных структурах в течение многих лет продолжается дискуссия о том, является ли образовательная (педагогическая) деятельность одним из видов оказания услуг (деятельностью по обслуживанию населения) или эта деятельность носит принципиально иной характер¹.

Эта дискуссия имеет отнюдь не абстрактное и не теоретическое содержание. Она включает в себя важнейшие практико-ориентированные аспекты, прямо связана с представлением о целях образования, содержанием выстраиваемой системы образовательных отношений, более того, с характером сложившейся в России общественной системы в целом.

Одно из отличий современного (цивилизованного, социального) капитализма – стремление реализовать т.н. теорию человеческих отношений. Среди прочего она предполагает попытки даже функциональным связям, включая отношения обслуживания, придать личностный окрас. Вышколенный обслуживающий персонал улыбается клиентам, обращается к ним по имени, проявляет интерес к человеку и старается

¹ Аргументация сторон рассмотрена автором в статье [Смолин 2020].

облагородить даже мимолетные и вполне функциональные отношения. Напротив, отличие примитивного капитализма – тенденция свести личностные по своей природе (в т.ч. нравственно-психологические) отношения к формальным отношениям обслуживания. При этом их содержание неизбежно выхолащивается. На смену «живому» образованию приходит образование «мертвое» (см. подробнее: [Смолин 2013]).

На концепции услуг во многом основано и порочное стремление исключить из образования человеческий фактор. Одно из проявлений такого стремления – формализованная оценка знаний с помощью тестоподобных заданий, на которой держался первоначальный вариант ЕГЭ и которая не преодолена до настоящего времени. Однако, по нашему мнению, при отсутствии личностных отношений может существовать дрессировка, даже в известных пределах обучение, но не образование, поскольку суть образования – это и есть влияние личности на личность, формирование человека человеком.

Отношение к концепции образовательных услуг прямо связано с представлением о целях образования. Так, признание последнего услугой коррелирует с идеей формирования квалифицированного потребителя как цели образования. Услуга как таковая предполагает именно потребление. Неслучайно о качестве услуг речь идет в законе о правах потребителей².

В последние несколько лет неоднократно представители российской законодательной и исполнительной власти говорили о том, что концепция образовательных услуг исключена из отечественного законодательства. Однако это утверждение является верным в лучшем случае наполовину, что находит подтверждение в настоящей статье. Идеологическим, нормативно-правовым проблемам преодоления данной концепции и посвящена статья.

История и предыстория законопроектов

По итогам заседания президиума Государственного Совета РФ 25 августа 2021 года Президентом России дано несколько по-

² Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.03.2019) «О защите прав потребителей».

ручений. Одно из них (№ Пр-1808ГС, п. 1 ж-1) гласит о том, что Правительству РФ совместно с комиссией Государственного Совета РФ по направлению «Образование» необходимо обеспечить рассмотрение вопросов «об исключении из законодательства об образовании понятия “образовательная услуга”».

31 августа 2021 года группой депутатов Государственной Думы VII созыва (Г.А. Зюгановым, И.И. Мельниковым, О.Н. Смолиным) был внесен подготовленный нами проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и другие законодательные акты Российской Федерации в части исключения понятия “образовательные услуги”». 14 апреля 2022 года группой сенаторов и депутатов, включая О.Н. Смолина, внесен еще один законопроект по этому же вопросу – «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” (в части исключения понятия “образовательная услуга”)».

Поскольку далее статья будет посвящена преимущественно критике второго законопроекта, следует ответить на вопрос о том, с учетом каких обстоятельств автор этих строк подписал их оба. Ответ заключается в том, что на протяжении многих лет работы в парламенте никогда не придерживался принципа «лучшее – враг хорошего»; напротив, поддерживал законы, которые содержали хотя бы небольшие шаги вперед в образовательной политике. Рассматриваемый случай не стал исключением. Однако следует осветить историю вопроса.

Приведенные выше законопроекты – это далеко не первые попытки исключить концепцию т.н. образовательных услуг из законодательства. Такая идея содержалась в двух разработанных автором настоящей статьи и его помощником В.А. Лазуткиным фундаментальных законопроектах. Первый – «О народном образовании» – внесен в парламент 25 января 2012 года. Второй – «Об образовании для всех» – внесен в Государственную Думу 4 мая 2016 года. Оба отклонены голосами исключительно фракции «Единая Россия».

13 марта 2019 года Государственная Дума VII созыва в основном голосами фракции «Единая Россия» отклонила под-

готовленный нами специальный проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и другие законодательные акты Российской Федерации в части исключения понятия “образовательные услуги”».

Как известно, против концепции образовательных услуг неоднократно высказывались экс-министр образования и науки (ныне – Президент Российской академии образования) О.Ю. Васильева³, а также предстоятель Русской православной церкви, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Приведем фрагмент его выступления: «Сдать одежду в химчистку и отвести ребенка в школу – это разнопорядковые величины, и если кто-то этого не понимает, то нам грозит беда. Ведь образование не сводится к “накачке” ребенка по-житейски полезными знаниями и информацией»⁴.

Противоположная позиция идеологически принадлежит отечественным «системным либералам» и ряду специалистов в области гражданского права, не осознающих, что образовательные отношения не принадлежат к отношениям гражданско-правовым. Данная позиция отражена, например, в следующих законодательных актах: п. 1 ст. 123.24 ч. 1 Гражданского кодекса (ГК) РФ, хотя другие статьи Кодекса, о чем пойдет речь далее, содержат иные нормы; подп. 14 п. 2. ст. 149 ч. 2 Налогового кодекса (НК) РФ⁵; ст. 19.30 Кодекса РФ об административных правонарушениях и др.

³ Ольга Васильева: нужно отказаться от термина «образовательные услуги» // РИА-Новости. 2016, 30 августа. – URL: <https://ria.ru/society/20160830/1475622923.html>. См. также выступление О.Ю. Васильевой на правительственном часе в Госдуме 28 сентября 2017 года.

⁴ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XIV Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Московского патриархата. 2010, 25 мая. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1166562.html>

⁵ Причем в обоих случаях речь идет не об образовательных услугах, но об услугах в сфере образования, что не одно и то же. Например, присмотр и уход за детьми в дошкольных образовательных организациях относятся к сфере образования, но не являются образовательной деятельностью и, соответственно, не могут считаться образовательными услугами.

Действующий Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273 «Об образовании в Российской Федерации» крайне не последователен в отношении понятия образовательных услуг: в определении понятия «образование» этот термин отсутствует, как и определение образовательных услуг отсутствует среди основных понятий, вынесенных в ст. 2; однако данный термин содержится в статьях, в которых речь идет об экономике и финансировании образования⁶. Выявленное противоречие и пытались устранить четыре профессора, чьи имена указаны под законопроектом «Об образовании для всех»: академик Российской академии наук, единственный в мире депутат парламента и одновременно лауреат Нобелевской премии Ж.И. Алферов; доктор философских наук Г.А. Зюганов; профессор Московского государственного университета имени М.И. Ломоносова И.И. Мельников; автор этих строк, доктор философских наук, академик Российской академии образования. При этом в соответствии с правилами юридической техники аналогичные изменения предлагалось внести отдельными законопроектами в ГК РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях и НК РФ.

Однако судьба законопроекта была предрешена: Правительство РФ не согласилось с профильным министром (О.Ю. Васильевой), но не отклонило позицию финансово-экономического блока, которому в случае принятия закона пришлось бы переписывать подзаконные акты. В процессе полемики в Государственной Думе VII созыва со стороны противников закона прозвучали две различные точки зрения. Официальный представитель Комитета Государственной Думы по образованию и науке Л.Н. Духанина утверждала, что образование – это не услуга; но законопроект не может быть принят, поскольку могут возникнуть проблемы у финансовых органов⁷. Напротив, представитель «Единой России» Г.Г. Онищенко доказывал, что теория т.н. услуг должна получить более полное отражение в законе об образовании, поскольку она позволяет родителям

⁶ См. ст. 2, п. 10; ст. 29, ч. 2, п. 4; ст. 32, ч. 4; ст. 35 ч. 3; ст. 36, ч. 15; ст. 47, ч. 3, п. 8; ст. 48, ч. 2; ст. 50, ч. 2; ст. 54, ч. 3, 4, 5, 7, 8, 9; ст. 56, ч. 2, п. 1, пп. а; ст. 61, ч. 4; ст. 78, ч. 3; ст. 88, ч. 2; ст. 99; ст. 101 Федерального закона от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации».

⁷ См. стенограмму пленарного заседания Госдумы от 13.03.2019.

оспаривать некачественные образовательные услуги через судебные и иные органы.

За пределами официальной дискуссии в адрес авторов законопроекта оппоненты высказали характерное обвинение: «Вы так и застряли на Чехове!» Полагаю, лучшего комплимента нельзя было и пожелать. По нашему убеждению, концепция т.н. образовательных услуг представляет собой часть философии «мертвого» образования, которое выхолащивает главное содержание образовательных отношений, т.е. их нравственно-психологический характер, и пытается формализовать эти отношения с помощью «мертвого» гражданского права.

Поручение Президента России, как может показаться на первый взгляд, должно было бы положить конец непреклонной позиции Правительства РФ. Однако разработанный автором и внесенный 31 августа 2021 года группой депутатов законопроект о полном исключении понятия образовательных услуг из законодательства вновь получил отрицательный отзыв Правительства РФ: «Использование в Федеральном законе понятия “образовательная услуга” связано прежде всего с регулированием вопросов финансового обеспечения образовательной деятельности, осуществляемой за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, а также по договорам об образовании за счет средств физических и (или) юридических лиц (платные образовательные услуги). Предлагаемые законопроектом изменения не согласуются с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом замена понятия “платные образовательные услуги” понятием “обучение на возмездной основе” не повлечет за собой изменения правовой природы указанного договора».

Более того, Комитет Государственной Думы VIII созыва по просвещению отказался признать два законопроекта альтернативными и вынес на голосование только проект, внесенный в апреле 2022 года.

Альтернативные законопроекты: сходство и различия

Оба законопроекта, о которых идет речь, имели одинаковую направленность: исключение из законодательства понятия

«образовательные услуги». Однако реализовали ее с разной степенью полноты и глубины, а также в значительной степени отличались аргументацией, которую использовали их авторы⁸. Излагая официальную позицию Комитета Государственной Думы по просвещению, заместитель председателя Комитета А.И. Аршинова в качестве единственного политико-идеологического аргумента повторяла сказанное Президентом России на заседании президиума Государственного Совета РФ 25 августа 2021 года. В частности, поскольку учителя считают для себя оскорбительным отнесение педагогической деятельности к услугам, это понятие из законодательства следует исключить⁹. Данный аргумент справедлив: сравнивать педагогическое творчество с оказанием, например, коммунальных услуг (водоотведением, вывозом мусора и т.п.) видится нелепым и для педагогов унижительным. Однако автором этих строк приведено еще два содержательных аргумента против концепции образовательных услуг¹⁰.

Первый аргумент – социально-экономический: образование не является частью сферы обслуживания, но принадлежит к сфере производства, причем наиболее важной – сфере воспроизводства самого человека. Согласно современным экономическим теориям, именно образование является главным фактором формирования человеческого потенциала, который все более и более становится ключевым фактором развития общества¹¹. Более того, некоторые экономисты доказывают, что в современном обществе образование занимает то место,

⁸ Поэтому выступление по поддержанному Правительством РФ законопроекту на пленарном заседании Государственной Думы 7 июня 2022 года автор этих строк начал с критики позиции коллег: «Я буду убеждать фракцию поддержать этот законопроект, хотя, с моей точки зрения, коллеги из Комитета по просвещению вели себя, мягко скажем, не очень прилично... У альтернативных законопроектов... предмет рассмотрения один – это исключение услуг. Но совершенно очевидно, что... законопроект, который был подготовлен нами, ближе к поручению Президента, чем тот, который мы сегодня рассматриваем».

⁹ См. стенограмму пленарного заседания Государственной Думы 7 июня 2022 года.

¹⁰ См. подробнее: [Смолин 2020].

¹¹ См. подробнее: [Денисон 1978; Смолин 2015а; Смолин 2015б].

которое ранее занимало первое подразделение общественного воспроизводства – тяжелое машиностроение¹². В такой ситуации представление о педагогической деятельности как о части сферы услуг выглядит анахронизмом. Парадоксально, что данная концепция характерна прежде всего для квазилиберального направления общественной мысли, представители которого считают себя сторонниками прогресса.

Второй аргумент – социально-правовой. Он состоит в том, что образовательные отношения принципиально отличаются от отношений обслуживания: результат оказания услуги целиком или практически целиком зависит от того, кто обслуживает, оказывает услугу; результат же образования – продукт отношений и взаимодействия обеих сторон. В образной форме это отражено в известном афоризме: если вам дали хорошее образование, это еще не значит, что вы его получили.

Наконец, еще один аргумент против концепции образовательных услуг привел член фракции «Справедливая Россия» А.А. Вассерман на пленарном заседании Государственной Думы 7 июня 2022 года при рассмотрении законопроекта в первом чтении. Суть этого аргумента сводится к следующему: услугу человек получает исключительно по доброй воле, причем ее содержание целиком определяется заказчиком; образование же на уровне средней школы в России обязательно, и даже на вузовском уровне определяется не желаниями студентов, но образовательными стандартами.

Все эти аргументы представителями Правительства РФ, Комитета Государственной Думы по просвещению и фракцией большинства не восприняты. В противном случае им пришлось бы пересматривать концепцию законопроекта.

Суть такой концепции и ее главное отличие от законопроекта, разработанного автором этих строк, состояла в следующем: из закона об образовании исключали только государственные образовательные услуги, т.е. нормы, относящиеся к образованию на бюджетной основе; положения касательно т.н. платных образовательных услуг сохранили в законодательстве в полном объеме. При этом никто не выдвинул ни одного возражения

¹² См., напр.: [Бузгалин, Колганов 2003, 63; Бузгалин, Колганов 2004, 83].

против предложенного автором аргумента о том, что характер образовательных отношений не зависит от того, кто платит за образование – государство, органы местного самоуправления, родители, студенты или юридические лица. Более того, представление о том, что настоящее образование возможно лишь на бюджетной (бесплатной для гражданина) основе, а платный сектор в образовании является услугой, создает массу неоднозначных ситуаций, на которые указал автор этих строк при обсуждении законопроекта во втором чтении.

Думская полемика: псевдоправо против логики

Законопроект, подготовленный правительственными юристами и внесенный группой членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, к которой по описанным выше причинам присоединился и автор этих строк, будучи своего рода шагом вперед, вызывает ассоциацию с героем сказки «Чебурашка» Э. Успенского, бюрократом Иваном Ивановичем. В частности, чиновник заявил строителям «Дома дружбы» о том, что он все делает наполовину, поскольку, если сделает, как надо, о нем будут говорить хорошо, а если не сделает ничего, о нем будут говорить плохо; если сделать все наполовину, о нем никто ничего не скажет.

Аналогично и в данном случае. Стремясь отчитаться об исполнении поручения Президента России, разработчики законопроекта исполнили его наполовину: они исключили понятие услуг во всех случаях, которые относятся к бюджетному (бесплатному) образованию, но сохранили в остальных, если речь идет об образовании внебюджетном, оплачиваемом физическими или юридическими лицами.

Учитывая, что политика есть искусство возможного, ко второму чтению законопроекта автор этих строк предложил компромиссный вариант. Последний позволил бы целиком исключить слово «услуги» из законодательства в сфере образования, не изменяя содержания ГК РФ и иных законодательных актов, в которых данный термин упоминается. Однако и это компромиссное предложение было отвергнуто. Представление о характере полемики и качестве аргументации сторон дает дис-

куссия в ходе пленарного заседания Государственной Думы от 28 июня 2022 года. В своем выступлении мною было отмечено: «Мы поддержали законопроект в первом чтении и намерены поддерживать его дальше, но при этом была договоренность, во-первых, что наш законопроект, ранее внесенный, будет рассматриваться как альтернативный, а во-вторых, что мы постараемся ко второму чтению доработать данный законопроект. К сожалению, обе эти договоренности соблюдены не были. В итоге этот законопроект делает... полшага вперед и немного боком. Напомню, в чем заключается концепция законопроекта, который сегодня принимаем: всё в образовании, что бесплатно, за счет бюджета, – всё это не услуги, это образование; всё в образовании, что за деньги, – это... услуги»¹³. Далее были приведены аргументы против понимания образования как услуги, равно относящиеся и к платному, и к бесплатному образованию. Во-первых, образование принадлежит к сфере производства, а не обслуживания; во-вторых, образовательные отношения есть отношения субъект-субъектные, где результат зависит от обеих сторон; в-третьих, концепция образовательных услуг унижает педагога, независимо от того, получают ли ученики и студенты образование на бюджетной или внебюджетной основе.

Поэтому было предложено дополнить статью¹⁴ закона «Об образовании...» пунктом 36, в котором было бы указано: «Образование на возмездной основе – осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об образовании на возмездной основе (применительно к гражданским правоотношениям – договорам об оказании платных образовательных услуг)». Таким образом, сохраняется возможность работы и в рамках ГК РФ, и в рамках законодательства о бюджете и налогах, в которых упоминается понятие платных образовательных услуг, чтобы из закона «Об образовании...» в полном объеме было исключено понятие «образовательные услуги».

¹³ Здесь и далее цитируется по стенограмме пленарного заседания Государственной Думы от 28.06.2022, вопрос № 36.

¹⁴ Статья 2 ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012

Однако Комитетом по просвещению, по словам его представителя В.В. Смирнова, не может быть поддержана эта поправка, поскольку, во-первых, она увязана с остальными поправками. Во-вторых, по словам В.В. Смирнова, в иерархии юридических законодательных актов кодексы имеют большую юридическую силу, чем федеральные законы, и, следовательно, нет необходимости вносить в закон «Об образовании...» поправки, противоречащие терминологии ГК РФ, во избежание путаницы. В-третьих, был приведен аргумент, что в сфере образования оказывают услуги, связанные с присмотром, уходом за детьми, и ряд других услуг, не связанных с реализацией федеральных государственных образовательных стандартов.

Между тем нельзя не обратить внимание на то, что услуги по присмотру и уходу за детьми не имеют отношения к т.н. образовательным услугам. Их можно назвать услугами в сфере образования, но не образовательными.

Далее следует указать, что в реальности Конституция РФ не знает ранжирования федеральных законов. Существуют Конституция РФ, законы о поправках в Конституцию РФ, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Все федеральные законы имеют равный статус. Относительно мнения о том, что кодексы обладают более высоким статусом, отметим, что за время работы Государственной Думы в Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273 «Об образовании в Российской Федерации» внесено 50 изменений (это очень много и говорит о несовершенстве данного закона, о том, что мы были правы, когда голосовали против него), в Гражданский кодекс – 45 изменений, в Налоговый кодекс – 192. Поэтому нецелесообразно полагать, что кодексы более устойчивы, чем другие законы. Интерес представляет и вопрос о том, что означает концепция принимаемого закона на практике.

Представим государственный детский сад, в котором дают образование; частный детский сад, в котором образования не дают, а оказывают услуги, хотя родители при этом получают компенсацию за воспитание детей в частном детском саду; государственную школу, в которой в основном дают образование; частную школу, в которой оказывают услуги. Тот, кто

был в частной школе, понимает, что отношения абсолютно аналогичны. Если в государственной школе появляются секции, кружки на платной основе, то в этом случае в них тоже не дают образования, а оказывают услуги. В музыкальных школах (детских школах искусств) – услуги, образования нет; в техникумах, колледжах одних ребят учат и воспитывают, других – обслуживают... При этом они могут находиться в одних и тех же группах? Профессор в университете студентов, которые обучаются на бюджетной основе, учит и воспитывает, остальных – обслуживает. Аналогичная ситуация наблюдается и в аспирантуре. Между тем в российских вузах только 40 % студентов обучаются за бюджетные деньги, а 60 % – за внебюджетные. В отношении частных высших учебных заведений отметим, что если выделяются бюджетные места, то прослеживается образование, в остальных случаях – обслуживание.

Сегодня политические элиты положительно отзываются о досоветских системах (политических и образовательных). Исходя из концепции закона, предлагаемого оппонента, получается, что настоящее образование было, например, в церковно-приходских школах (ЦПШ), поскольку оно было бесплатным, в университетах же было обслуживание, а не образование. Д.И. Менделеев, в частности, утверждавший, что обучение без воспитания – меч в руках сумасшедшего, оказывается, никого не учил и не воспитывал, он только оказывал услуги. Поэтому не следует впадать в юридический фетишизм, прежде всего нужно исходить из здравого смысла.

Касательно аргумента о якобы противоречии между предлагаемой мною поправкой и положениями Гражданского кодекса, то надо отметить, что ст. 779 ГК РФ не знает образовательных услуг. Данная статья гласит: «По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги...». Во второй части читаем: «Правила настоящей главы применяются к договорам оказания услуг связи, медицинских... услуг по обучению». Итак, ГК РФ не знает образовательных услуг, но знает договоры возмездного оказания услуг по обучению. Между тем образование, согласно статье 2 ФЗ № 273, есть процесс не только обучения, но и воспитания, причем

воспитание находится на первом месте. Поэтому необходимо продолжать работу над законом для того, чтобы концепция т.н. образовательных услуг из образовательного законодательства исчезла полностью.

В ответ В.В. Смирнов заявил, что на заседании Комитета обсуждались поправки, о которых шла дискуссия, было поддержано внесенное мною предложение о необходимости продолжения работы над Федеральным законом «Об образовании...», в том числе в аспекте уточнения положений, в которых используется договор об образовании. При этом, по его словам, в ст. 779 и 782 ГК РФ речь идет о договоре об обучении, а обучение – это иной термин, который самостоятельно закреплён в понятийном аппарате Федерального закона «Об образовании...».

Тем самым оппонент, во-первых, признал, что понятие «образовательные услуги» в Гражданском кодексе отсутствует, а следовательно, нельзя ссылаться на Гражданский кодекс как обоснование употребления этого термина в законе «Об образовании...». Во-вторых, оппонент согласился с необходимостью дальнейшей работы над образовательным законодательством в аспекте использования понятия образовательных услуг.

Исходя из опыта рассмотрения предыдущих законопроектов, полагаем, однако, что соответствующие структуры в Правительстве РФ отчитаются об исполнении президентского поручения, а дальнейшая работа в этом направлении будет тормозиться¹⁵.

Заключение

Концепция т.н. образовательных услуг является частью системы мертвого образования, где главное – отчеты, бумаги, деньги, а дети находятся на последнем месте. Как было мною отмечено в ходе рассмотрения закона в третьем чтении¹⁶, мы – сторонники образования живого. Позитивным видится тот факт,

¹⁵ В дополнение приведем результаты голосований о поправке № 1 (ключевой) для формирования более полного представления о позиции разных фракций. Во фракции КПрФ поддержали поправку 100 % депутатов, «Справедливая Россия» – 89,3 %, «Новые люди» – 13,3 %, «Единая Россия» – 1,6 %, депутаты фракций ЛДПР не голосовали.

¹⁶ См. стенограмму пленарного заседания Госдумы от 29 июня 2022 года.

что по крайней мере государством теперь образовательные услуги оказываться не будут.

Понятно, что теория услуг вымывает духовно-нравственное содержание образования. Вспомним Евангелие от Матфея: «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Соответственно, где услуги, там и мертвая система образования.

В заключение уместно обратить внимание на выступления Президента РФ на президиуме Государственного Совета РФ 25 августа 2021 года. Президент РФ, в частности, подчеркнул: «Многих из них (педагогов. – О. С.) задевает слово и термин “услуга”... Если это людей как-то задевает по отношению к учительскому труду и они считают, что это обедняет смысл этого труда и его высокую общественную значимость, давайте подумаем о том, чтобы проработать вопрос корректировки законодательства, чтобы это слово (услуги. – О. С.) никак не было связано с высоким званием учителя и использовалось только в бюджетно-финансовых документах». Закон об образовании – это не бюджетно-финансовый документ. Данный законопроект – шаг вперед, но поручение Президента РФ не выполнено. Поэтому работа по искоренению порочной концепции образовательных услуг из нашего законодательства будет продолжена.

Внесенный нами 31 августа 2021 года законопроект, предусматривающий полное исключение т.н. услуг из образовательного законодательства, спустя более чем год по-прежнему не рассмотрен Государственной Думой. Вместе с тем правительственные чиновники и депутаты от «партии власти» утверждают, что проблема на законодательном уровне решена, хотя в действительности в этом важном «матче» сыгран лишь «первый тайм».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бузгалин, Колганов 2003 – *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Теория социально-экономических трансформаций. – М.: Теис, 2003.

Бузгалин, Колганов 2004 – *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. – М.: УРФФ, 2004.

Денисон 1978 – *Денисон Э.Ф.* Вклад знаний в экономический рост: межстрановой анализ // Советско-американский симпозиум экономистов / под ред. Т.С. Хачатурова. – М.: Прогресс, 1978. С. 39–46.

Смолин 2013 – Смолин О.Н. Законодательное воплощение идеологии «мертвого» образования (к вступлению в силу ФЗ № 273) // Российский экономический журнал. 2013. № 4. С. 46–59.

Смолин 2015a – Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 91–101.

Смолин 2015b – Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 2) // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 30–37.

Смолин 2020 – Смолин О.Н. Услуга или служение? О некоторых философско-экономических основах образовательной политики // Народное образование. 2020. № 1. С. 7–30.

REFERENCES

Buzgalin A.V. & Kolganov A.I. (2003) *The Theory of Social and Economic Transformations*. Moscow: Teis (in Russian).

Buzgalin A.V. & Kolganov A.I. (2004) *Global Capital*. Moscow: URFF (in Russian).

Denison E.F. (1978) The Contribution of Knowledge to Economic Growth: An International Analysis. In: Khachaturov T.S. (Ed.) *Soviet-American Symposium of Economists* (pp. 39–46). Moscow: Progress (Russian translation).

Smolin O.N. (2013) The Legislative Embodiment of the “Dead” Education Ideology (On the Enactment of Federal Law No. 273). *Russian Economics Journal*. No. 4, pp. 46–59 (in Russian).

Smolin O.N. (2015a) Higher Education: Struggle for Quality or an Attack on Human Potential? (Part 1). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 91–101 (in Russian).

Smolin O.N. (2015b) Higher Education: Struggle for Quality or an Attack on Human Potential? (Part 2). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7, pp. 30–37 (in Russian).

Smolin O.N. (2020) Service or Ministry? On Some Philosophical and Economic Foundations of Educational Policy. *Narodnoye obrazovanie*. No. 1, pp. 7–30 (in Russian).

Образование как мышление, или Место философии в системе образования

Л.Т. Ретюнских

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

В статье исследуется образование с позиций его цели и функций. Предлагается считать развитие мышления целью и функцией образования, а процесс мышления – способом образования. Образование в широком смысле понимается как создание образа, в узком – как совокупность социальных институтов, осуществляющих образовательную деятельность. Выполняя функцию социализации, образование является одним из важнейших исторически сформированных механизмов «тренировки» и развития мышления, выступающего для вида *homo sapiens* главным инструментом его эволюционной стратегии. Анализируется онтологический статус мышления как атрибутивного свойства *homo sapiens*, созидającego человеческое бытие. Мышление – это психическая данность, укорененная в биологических процессах, фундаментальное основание всех познавательных и основанных на них процессов человеческой деятельности. Проводится философский анализ содержания понятий «мышление», «хорошее мышление», «качественное мышление» и «образование». Философствование рассматривается как особый тип мышления, анализируется его инструментальная функция, потенциальная способность продуцировать здравомыслие, благоразумие, аналитический подход к любой ситуации, способность к самостоятельному принятию решения. Общим для всех философствующих субъектов будет то, что они выступают в роли «демиургов» своего мира, который смогут наполнять собственными смыслами и ценностями. Философское мышление – свободное мышление, имеющее игровой характер, и потому оно может быть определено как игра смыслами. Описываются имеющиеся подходы к развитию философского образования детей. Фиксируется преимущество российской системы высшего образования в связи с обязательным преподаванием философии, ставится задача развития философского образования для школьников. Обосновывается, что философская составляющая образования на всех уровнях, от начальной школы до

вуза, является эффективным способом формирования качественного мышления у обучающихся.

Ключевые слова: философия образования, философское мышление, качественное мышление, социализация, философствование, философия для детей, преподавание философии.

Ретюнских Лариса Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

retunlar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2492-4884>

Для цитирования: Ретюнских Л.Т. Образование как мышление, или Место философии в системе образования // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 24–50. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-24-50

Education as Thinking, or The Role of Philosophy in the Educational System

L.T. Retyunskikh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article examines education from the perspective of its goals and functions. The development of thinking skills is considered as both the goal and function of education, and the process of thinking as a means of education. Education is broadly understood as the creation of an image, and narrowly as the complex of social institutions that carry out educational activity. As a mechanism of socialization, education is one of the most important historically formed tools for the training and development of thinking ability, which is the main instrument of the evolutionary strategy of *homo sapiens*. The article discusses the ontological status of thought as an attributive property of *homo sapiens* that defines human being. Thinking is a psychic reality rooted in biological processes, the fundamental basis of all cognitive and human activity-based processes. The author conducts a philosophical analysis of the concepts of thinking, good thinking, qualitative thought, and education. Philosophizing is considered as a special type of thinking, and the article researches its instrumental function, the potential ability to produce sanity, prudence, an analytical approach to any situation, and the ability to make independent decisions. Common to all philosophizing subjects will be that they will act as “demiurges” of their world, which they will be able to fill with their own meanings and values. Philosophical thinking is

free thinking, which has a playful character, and therefore it can be defined as a game of meanings. The article describes existing approaches to the development of the philosophical education of children. The author draws attention to the advantage of the Russian system of higher education in connection with the compulsory teaching of philosophy, and argues to develop philosophical education for schoolchildren. The article concludes that the philosophical component of education at all levels, from elementary school to university, is an effective way to form high-quality thinking among students.

Keywords: philosophy of education, philosophical thinking, qualitative thought, socialization, philosophizing, philosophy for children, teaching philosophy.

Larisa T. Retyunskikh – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of the Philosophy of Natural Sciences Faculties, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

retunlar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2492-4884>

For citation: Retyunskikh L.T. (2023) Education as Thinking, or The Role of Philosophy in the Educational System. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 24–50.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-24-50

...нельзя обучать философии; в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее узнать? Можно обучать только философствованию, т.е. упражнять талант разума на некоторых имеющихся примерах в следовании общим принципам его, однако всегда сохраняя право разума исследовать самые источники этих принципов и подтвердить эти принципы или опровергнуть их.

И. Кант

Введение

Образование традиционно является инструментом трансляции и самовоспроизводства культуры. Ученые, как философы, так и педагоги, определяя образование, часто адресуют читателя к Толковому словарю В.И. Даля, называющего образование созданием образа, т.е. формированием человека, его интеллектуального и морального облика. Перечисляя основные функции образования, учебники, как правило, фиксируют в качестве его базовой задачи социализацию. Социализация

предполагает усвоение индивидом норм и ценностей культуры и формирование индивидуальной жизненной стратегии, коррелированной с социальной реальностью (см., например: [Грехнев 2017; Геращенко, Геращенко 2022]). Это означает, что человек как *homo sapiens* с необходимостью пользуется имеющимся у него от природы механизмом – мышлением. Как и любая другая природная способность, будь то способность ходить, видеть и т.п., мышление используется для решения тех или иных задач и нуждается в специальных способах тренировки. Особенность мышления, в отличие от способности, например, видеть или передвигаться, заключается в его непосредственной зависимости от наличия социума. Следовательно, социализация в широком смысле включает в себя и формирование мышления. Выполняя функцию социализации, образование является одним из важнейших исторически сформированных механизмов «тренировки» и развития мышления, выступающего для вида *homo sapiens* главным инструментом его эволюционной стратегии.

В данном контексте образование понимается предельно широко как передача знаний, умений, навыков, опыта от человека к человеку, а мышление – как психофизическая деятельность человека, обеспечивающая этот процесс. Образование в узком смысле представлено в настоящей статье как совокупность социальных институтов, нацеленных на создание условий для систематического получения знаний, умений, навыков и формирования компетенций. Федеральным законом, например, образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»¹. Образовательная деятельность будет

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 2.1.

интерпретироваться не как общая совокупность действий (в том числе родительских), прямо или косвенно влияющих на формирование образа, а как профессиональная деятельность, связанная с процессом социально организованных действий по осуществлению образования.

Актуальность настоящего исследования обусловлена современными вызовами (цифровизацией, деиндивидуализацией культурного пространства и образования, стандартизацией сознания и др.), делающими развитие у людей способностей критического и творческого мышления способом сохранения человеческой самости через формирование линии противостояния указанным выше процессам, имеющим не только конструктивный (создание новых форм коммуникации, работа с информацией, эффективные методы обучения, единое информационное пространство и т.п.), но и ярко выраженный деструктивный характер (нивелировка личностных свойств, деформация социального пространства и форм общения и т.п.). Очевидно, что «жертвами» современных тенденций развития общества и образования в первую очередь становятся дети. Это обусловило обращение к проблеме образования для детей. Целью настоящей статьи является обоснование тезиса о том, что образование есть всегда формирование мышления, а усиление его философской составляющей позволит решать эту задачу с большей эффективностью.

Мышление как мирозидание

Мышление создает смысложизненное основание человеческого бытия, т.е. наполняет жизнь смыслом, фиксирует человеческую способность к преобразованию мира и представляет собой специфическую особенность человеческого способа ориентации в мире. Образование формирует качество и оформляет содержание мышления, поэтому рассмотрим те характерные качества мышления, на развитие которых должно быть ориентировано обучение философии.

Для европейской культуры, основанной на греческой традиции Логоса, характерна онтологизация мышления, которое многократно в философии провозглашается изначальным бытием,

объективным источником закономерности мира, признаком и условием существования человека и т.п. Гегель связывает с мышлением процесс мирозидания, тождественного миропознанию. В «Науке логики» он пишет: «Мышление в своей деятельности производит само себя – свои мысли. Деятельность мышления (движение мысли) и результаты его деятельности (готовые мысли) представляют собой одно и то же. Как результатом всей жизни человека для него самого, а не для других людей, является сама прожитая им жизнь, так и результатом деятельности мышления для него самого является сама проделанная им работа» [Гегель 1970, 97–99]. Онтологизация мышления в философии связана не только с его объективизацией, но и с его субъектностью. Линия софистов, провозгласивших человека мерой всех вещей, и следующая за ней традиция скептицизма, различных форм субъективизма связывают мышление с деятельностью субъекта и, что самое интересное, как и Гегель, фиксируют его мирозидательную функцию с той лишь разницей, что результатом является появление множества разных миров, а не одного, общего и единого для всех.

Что объединяет эти две тенденции? Наделение мышления процессуальными и инструментальными характеристиками. Мышление созидает, и результатом созидания становится нечто. В любом случае это – универсальный инструмент. Даже переведя такого рода рассуждения в плоскость практической деятельности, мы констатируем, что мышление позволяет первобытным людям создать первые орудия труда и произведения искусства, мышление лежит в основе освоения ребенком социальных навыков, мышление позволяет решать множество задач, неразрешимых без него. Знаменитое сравнение амебы и Эйнштейна в статье К. Поппера «Эволюционная эпистемология» показывает, что мыслящий Эйнштейн, обладающий дескриптивным языком, может ошибаться в процессе решения познавательных задач, изменять гипотезу и т.п., но оставаться таким же материальным объектом, что и до ошибки. Для амебы ценой ошибки является жизнь. Организм, не обладающий мыслительной функцией, этим универсальным инструментом мирозидания и самозидания, осуществляет познание путем

непосредственного взаимодействия со средой, а точнее, например, познание факта вредности света для себя амеба устанавливает ценой собственной жизни: столкнувшись со светом, она умирает. Мышление, будучи своеобразным буфером между человеком и окружающим миром, позволяет дистанцироваться от среды, моделируя ее, и тем самым приспосабливаться относительно безопасно [Поппер 2000]. Человек, безусловно, живет в другом мире по сравнению с амебой, муравьем и даже любимой собакой. Оставим за скобками идею мышления как демиурга или источника мировой закономерности. Сосредоточимся на понятии «человеческое мышление», учитывая, что даже в контексте объективистских концепций, как правило, человек провозглашается его носителем. Неслучайно Поппер обращает внимание на дескриптивный язык как важнейшее отличие Эйнштейна от амебы. Мышление, сопрягаемое с языком, можно считать аксиоматикой психологического и философского понимания мышления сегодня. Л.С. Выготский, предложив дефинировать мышление через тождество языку, полагал, что «мысль не оформляется, а формируется в слове», она приходит путь «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [Выготский 1982, 358]. Мысль, осуществленная в языке, подчиняется законам логики. Ж. Пиаже полагал, что логика есть аксиоматика разума [Пиаже 2003]. Логика есть порядок, определяющий направление мысли. Порядок может быть задан разный, упорядочение бытия при помощи мысли создает разные очертания реальности, которую воспроизводит и транслирует образование.

Иными словами, логическое основание мышления есть русло его осуществления, но мышление не ограничивается логической аксиоматикой. Попытаемся использовать традиционный образ реки и сравним логику с рекой, закованной в гранитные берега, а процесс мышления – со свободно бегущей речкой в окружении цветов и лугов, питающейся их красотой и свежестью. Обратим внимание на то, что речь идет о реке, имеющей свое русло, свои ограничения, которая вместе с тем безгранична и свободна. Это сравнение уместно даже в контексте идиомати-

ческих языковых конструкций: часто используют выражения «плавное течение мысли», «мысль течет», «растекаться мыслью по древу» и др.

Таким образом, мышление конституирует, оформляет и создает человеческое бытие через смыслы, заложенные в языке и культуре, фиксируя порядок и соразмерность его. Соответственно, образование в широком смысле, с одной стороны, осуществляется при помощи мышления, с другой – задает его критерии, формы и содержание. Иными словами, образование всегда есть формирование востребованного культурой типа мышления, о чем много говорили представители прагматизма [Джемс 2000].

Сегодня ученые и педагоги очень часто пишут и говорят о критическом мышлении как базовом типе мышления, отвечающем требованиям современности, дают различные определения этому типу мышления. Рассмотрим одно из них. Р.У. Пол полагает, что критическое мышление – дисциплинированное, самонаправленное мышление, которое демонстрирует развитие мысли, соответствующее специфическому способу или области мысли. Оно разделяется на две формы. Если дисциплинированно отвечать интересам индивидуума или группы, исключая других причастных людей и группы, то это – софистический или слабый смысл критического мышления. Если дисциплинированно учитывать интересы разных людей или групп, то это – справедливый или сильный смысл критического мышления [Paul 1990].

Далее Р.У. Пол выделяет три решающих измерения критической мысли: мастерство мысли, элементы мысли и области мысли, а также проводит сравнение качественного и некачественного мышления, выделяя их характерные качества в форме бинарных оппозиций («точность – неточность», «ясность – неясность», «тщательность – погрешность», «конкретность – неопределенность», «релевантность – нерелевантность», «последовательность – непоследовательность», «логичность – нелогичность», «глубина – поверхностность», «полнота – неполнота», «небанальность – банальность», «непредвзятость – предвзятость», «адекватность цели –

неадекватность»). Разумеется, качественное – это критическое мышление.

Предложенная классификация может быть транслирована в критериальный отбор целей образования. Если мы хотим сформировать качественное мышление, то в своей образовательной деятельности должны ориентироваться на его характеристики. Способность образовательной системы сформировать качественное мышление, на наш взгляд, и является критерием ее соответствия своим целям. Говоря о желании дать человеку хорошее (качественное) образование, мы подразумеваем, что имеем достаточно средств, чтобы научить его хорошо мыслить, в строгом соответствии со старым образом рыбака, а именно: если хочешь накормить человека, дай ему не рыбу, а удочку и научи его пользоваться. Справедливо утверждать, что образ фишинга – это и есть метафора современного образования, которое все больше начинает работать в терминах «компетенций» (умений), нежели информированности (знаний).

Американский философ М. Липман, опираясь на идеи Д. Дьюи, вводит термин «хорошее мышление», которое, по его мнению, является целью образования [Дьюи 2000; Lipman 1995]. Он пишет: «Когда мы призываем “учить мышлению”, мы не можем упускать из виду тот факт, что мы имеем в виду хорошее мышление. Но как определить хорошее мышление?» [Lipman 1995, 38]. И далее фиксирует следующие его черты: способность формулировать суждение, выстраивать рассуждение, предлагать сильные аргументы, способность задавать вопросы.

Приведенные выше мнения базируются на тезисе о необходимости формировать качественное (хорошее, правильное и т.п.) мышление средствами образования. Парадокс заключается в том, что мышление, объявляемое целью образования, служит в то же время и его средством. Для того, чтобы сформировать хорошее мышление, нам следует при помощи мышления создать программу, методику и т.п.; используя мыслительные механизмы обучающегося, привести в его мир требуемые знания, навыки и др. Совпадение цели средства образования в мышлении лишний раз свидетельствует о его бытийности, заявленной в начале настоящего исследования.

Вместе с тем реальная образовательная ситуация подсказывает, что мыслительные образовательные средства тоже имеют разные формы. К таким средствам можно отнести обучение счету и письму, умению делать сложные вычисления или проводить эмпирические исследования. Все это многообразие мыслительных операций объединяется в понятие систематического получения знаний, если речь идет об образовании в узком смысле. Поэтому целесообразно поставить вопрос: «Каким образом можно объединить и гармонизировать эту систему, чтобы она производила людей с хорошим (качественным) мышлением, удовлетворяющим требованиям времени?». Ответов может быть несколько. Приведем в качестве примера один из них. Таким систематизирующим основанием всей системы образования может стать философия. Философия, но не как набор сведений о философах, не как способ идеологической обработки для формирования «нужного» мировоззрения, а как живой эффективный инструмент мышления.

Философия как мышление: образовательный потенциал философии

Философия как основа образования – это далеко не новая идея. Ей как минимум две с половиной тысячи лет. С момента появления первых философских школ задачей философа было научить людей «добывать» знания при помощи мышления, рационального построения теорий, размышления. Эпикур писал: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, и в старости не устает заниматься философией; ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перезрелым для здоровья души» [Эпикур 1969, 354]. Философия понимается греками как рассуждение, ведущее к истине (либо не способное привести к единой истине, как у софистов). Это рассуждение опирается на логико-рациональные процедуры, осуществляется в понятиях, в отличие от художественных образов мифологии, оно есть естественное развитие человеческой способности мыслить. Причем использует для этого абстрактное мышление, которое Л.С. Выготский относил к числу высших психических функций. Со времен древних гре-

ков мало что изменилось, хотя философия чрезвычайно «разрослась» за счет появления новых картин мира, новых систем, многообразных и оригинальных оценок бытия и познания.

Философия была и остается способом мышления, мышления высшего порядка, позволяющего рассмотреть мир с высоты птичьего полета, наметить контуры своего понимания и отношения к реальности. В цитате, которая взята нами из трудов И. Канта в качестве эпиграфа к настоящей статье, четко говорится о том, что философия есть философствование, т.е. мышление, в результате которого появляется мысль (идея, тезис, позиция, концепт и т.д.) как итог, но этот итог всегда приводит нас к субъективному мнению, фундированному логическими (но не бесспорными) аргументами. Следовательно, метафизика, по мнению Канта, не может существовать как наука, т.е. она не дает объективную и достоверную истину. Кант пишет: «Система всякого философского познания есть философия. Мы берем ее объективно, если разумеем под ней образец критического рассмотрения всех попыток философствовать, имеющего целью рассмотреть всякую субъективную философию, здание которой столь многообразно и изменчиво. В этом смысле философия есть только идея возможной науки, которая нигде не дана *in concreto*, но в которой мы пытаемся приблизиться различными путями, пока не будет открыта единственная, сильно заросшая чувственностью тропинка и пока человеку не удастся, насколько это ему дозволено, сделать до сих пор не удававшуюся копию равной образцу. Пока этого не случится, нельзя обучать философии; в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее узнать? Можно обучать только философствованию, т.е. упражнять талант разума на некоторых имеющих примеры в следовании общим принципам его, однако всегда сохраняя право разума исследовать самые источники этих принципов и подтвердить эти принципы или опровергнуть их» [Кант 1964, 683–684]. Идеи Канта нашли отражение во многих современных исследованиях, что свидетельствует об их непреходящей актуальности [Смирнов, Хомич 2020; The Palgrave Kant... 2017; Roth, Formosa 2019; Loudon 2017]. Однако, отказав метафизике в научности (справедливости ради от-

метим, что Кант ставил метафизику выше науки, как и Аристотель, в отличие от позитивистов, стремившихся принизить ее), великий немецкий философ утверждал, что она есть не что иное, как природная склонность, т.е. каждому из нас присуща потребность в философствовании, как стремление перейти от знания явления к знанию сущности. Возвращаясь к Эпикуру, узнаем о том, что философские размышления приносят нам величайшее благо – благоразумие, от которого зависят все остальные добродетели.

Общим для всех философствующих субъектов будет то, что они выступают в роли демиургов собственного мира, который смогут наполнять смыслами и ценностями на свой выбор и свой вкус. Отсутствие всеобщей и объективной, достоверной истины ведет к отказу от догматичности в пользу рефлексивности сознания, а следовательно, продуцирует свободную, творческую личность. Эта свобода и вариативность позволяют выдвинуть и тезис об игровой природе философского знания, предположив, что философия как философствование есть утонченная игра со смыслами, в некоторой степени описанная в романе «Игра в бисер» Г. Гессе.

Игровые сюжеты в философии. Палитра философских сюжетов разнообразна, и на каждом ее участке присутствует игра. Игра есть бытийный элемент, связанный с субъективным удвоением реальности, разделяемой на «подлинное» и «неподлинное». Можно рассуждать также в терминах «реальное – виртуальное», «обыденное – экстраординарное» и др.

Первый сюжет. Подлинность. Подлинный мир часто противопоставляется в философских системах неподлинному. Мир идей у Платона – бытие (подлинность), а мир физических тел, материи – небытие (неподлинность). В обратную сторону: мир материи – подлинный (все виды материализма), идеи – неподлинность (отражение реальности), наполняемая смыслом в контексте материальных отношений. Говоря об игре, предполагаем, что она есть некоторое действие, разворачиваемое в параллели с миром подлинных (главных, основных) смыслов. Подлинность – отношение матери к детям, отраженный в игре смысл (неподлинный) – игра «дочки-матери». Философия активно использует игровые

сюжеты, обозначая нечто как несущественное, зависимое в своем существовании от чего-то иного. Таким образом, она фиксирует, вероятно, бытийный смысл явлений второго плана, неважных, дополнительных или игровых («незавправдашних»).

Второй сюжет. Реальное – виртуальное. Термин «виртуальное» связан с игрой неразрывно, особенно в эпоху компьютерных технологий, «матрицы», бесконечных спекуляций. Назовем их «эффектом джуманджи». Виртуальное, как и неподлинное, существует в дополнение к основной реальности. Виртуальное есть производимая субъектом реальность, копирующая, дополняющая, заменяющая и т.д. основную реальность. В границах здравого смысла реальным мы привыкли считать физический мир, а виртуальным – созданный разумом, не всегда имеющий материальные характеристики. Игровой смысл виртуальности очевиден: это есть то, что возникло в сознании, в первую очередь мир снов, иллюзий. Сознание играет, создавая новую реальность, иную. Трудно перечислить все идеи, укладываемые в этот концепт. Здесь и феноменологические исследования, и экзистенциалистские, психоаналитические, и др.

Сюжет третий. Обыденное – экстраординарное. Скучная серая повседневность взрывается, окрашиваясь яркими красками эмоций, впечатлений, необычных действий. Праздничность (М. Бахтин) порождена игрой, она – тоже иной мир, второй, дополнительный, но чрезвычайно желанный. Перерыв непрерывности созидает иные смыслы.

Философия, используя игровые сюжеты, по сути, играет смыслами, создавая множественные миры – параллельные и неправдашные. Это и делает ее манящей, таинственной, волшебной. Почувствовав это, мы становимся настоящими создателями концептов (Ж. Делез, Ф. Гваттари), философствуя. Игровой характер философского знания делает его чрезвычайно притягательным для обучающихся, поскольку игра – это всегда интересно.

Философия, как известно, обладает огромным количеством стратегий создания и обоснования концептов. Каждый философ только потому и философ, что сумел сделать мышление своим главным инструментом в построении картины мира, а

способом получения тезиса, построения теории, формулировки позиции является всегда философствование. Термин «философствование» понимается по-разному, но многие согласятся с тем, что это – процессуальная характеристика философии. Вместе с тем философствование представляет собой особый тип мышления, имеющий инструментальный характер. Эта инструментальность и позволяет утверждать, что образование в своей основе может быть смоделировано как научение мышлению через философствование. Речь идет и о специальных курсах философии, и о фиксации философских компонентов в курсах иных образовательных дисциплин. Например, на уроках литературы очень легко говорить о философских идеях писателей, а на уроках математики – вспомнить о пифагорейской теории числа как об основе бытия. Философское основание всех форм и направлений образовательной деятельности способно решить задачу систематизации и гармонизации системы образования.

Философия в системе образования

В нашей стране в системе высшего и среднего специального образования присутствует предмет под названием «Философия», разработаны стандарты и критерии оценки успешности обучаемого. Философия входит в федеральный компонент государственных стандартов, определяющий нормативы, которые обеспечивают единство педагогического пространства страны, а также возможность академической мобильности. Преподавание философии в вузах и колледжах в качестве обязательного предмета нацелено на формирование у студентов высокой гуманитарной культуры, кругозора, способности к аналитической деятельности, выполняет функцию интеграции личности в систему мировой культуры. Зарубежные коллеги, узнавая об этом, удивляются и иногда завидуют отечественным преподавателям философии, перед которыми открыто настолько широкое поле для профессиональной самореализации. Следует отметить, что общегуманитарная подготовка в российских вузах, кроме философии, содержит еще ряд предметов (в их числе – политология, экономика, история, культурология, право,

история и др.), также снабженных государственными стандартами. Данная система отличается от общемировых принципов организации университетского образования, с учетом которых блок дисциплин, не связанных напрямую с выбранной специальностью, задан набором курсов по выбору. При этом рядом могут стоять и одинаково «весить», например, курс политической философии и курс кулинарии, между которыми можно выбирать.

Существуют сторонники и противники обязательности курса философии для студентов нефилософских специальностей. Попытаемся представить их возможный диалог. Безусловный минус состоит в том, что студенты недостаточно мотивированы на изучение непрофильных курсов. Часто относятся к ним как к ненужному дополнению, иногда задавая вопрос: «Как ваша философия поможет мне проектировать сельскохозяйственную технику или строить мосты?». При этом в силу вступает стратегия преподавания философии как философствования, как научения мышлению, а не информирования о философах. Овладение навыками философствования, умения видеть ситуацию «со стороны» и т.д. поможет решить любую проблему. Эти навыки универсальны, а потому подбор и чтение философских текстов, стремление преподавателя продемонстрировать их внутреннюю логику, актуальность и оригинальность изложенных идей, предложение «поспорить» с ними или, наоборот, найти собственные аргументы в защиту могут заинтересовать студентов и сделать не слушателями, а собеседниками. Учитывая заявленный выше игровой характер философии, можно утверждать, что от педагогического мастерства преподавателя зависит, сумеет ли он включить в эту игру своих студентов. В таком случае, без сомнения, возникает вопрос о подготовке преподавателей философии. Но это – предмет отдельного исследования. Вскользь отметим, что философским факультетам значительно помогло бы введение в программу курса «Практическая философия». Практическая философия сегодня – одно из активно развивающихся научных исследовательских направлений и образовательных продуктов, успешно реализующийся в системах дополнительного,

нередко коммерческого образования. Существующих сегодня разработок вполне достаточно, чтобы предложить студентам подобный курс.

Скорее всего, нам не удастся достичь полной включенности студентов в процесс философствования. В связи с этим предложение превратить философию в курс по выбору и ограничиться студентами, которые проявляют в нем заинтересованность, выглядит рационально. Трудно не согласиться с тем, что для преподавателя это — идеальная педагогическая ситуация, если в аудитории присутствуют только те, кто выбрал его предмет добровольно и сознательно, а не под давлением необходимости сдавать зачет или экзамен. Однако, как правило, человек выбирает тот предмет, о содержании которого он прямо или косвенно осведомлен (именно из этих соображений большинство выбирает «Кулинарию», а не «Политическую философию»). Философия же для большинства первокурсников *terra incognita*. Часто только к середине курса студенты начинают вникать в природу предмета, пытаются находить удовольствие в рассуждении. Если верить Канту, то метафизическая потребность существует у всех, а значит, «разбудить» ее можно и у тех, кто никогда бы самостоятельно не выбрал этот предмет. Многим преподавателям философии приходилось слышать от студентов в конце курса слова: «А это оказывается интересно». Не рассуждая о том, что философия развивает способность к логическому, критическому, творческому мышлению, укажем, что она дает возможность задуматься о себе и рационально подойти к проблемам смысла жизни, счастья, любви и т.п. Для того, чтобы это случилось со многими, можно недолго потерпеть в аудитории немногих незаинтересованных, скучающих, ожидающих окончания курса как избавления. Поэтому обязательность такого предмета, как философия, целесообразно признать плюсом российской системы образования, равно как и наличие в целом блока общегуманитарных дисциплин, позволяющих воспитывать не узких профессионалов, а людей действительно с высшим образованием, широким кругозором, хорошим мышлением, интегрированных в отечественную и мировую культуру.

Однако, если в вузах и колледжах обучающимся предоставлена возможность приобщиться к философскому знанию и овладеть навыками философского мышления, то в школьном образовании она практически отсутствует, хотя во многих странах философия является школьным предметом. В российском школьном образовании содержится небольшой философский модуль при изучении обществознания, предполагающий знакомство с некоторыми философскими понятиями и идеями, в основном в контексте социальной философии. Существуют школы с углубленным изучением обществознания, где увеличено количество часов на философию, и очень мало таких школ, в которых представлен спецкурс или факультатив по философии. Причем в последнем случае, спецкурс, как правило, все сводится к описанию философии и жизни философов, нежели научению философствованию.

Вместе с тем в мировой и отечественной педагогической практике известно немало наработок, позволяющих относительно быстро, эффективно создать и предложить отечественной системе образования программу философской подготовки на всех уровнях, начиная с младшей школы. Программа непрерывного философского образования могла бы стать стержнем единого педагогического пространства страны, нацеленного на развитие рационального, критического, творческого, аналитического, т.е. «качественного», «хорошего» мышления, о необходимости которого говорят вызовы современности.

Неожиданно резкий переход к онлайн-образованию в условиях пандемии, ярко продемонстрировал все плюсы и минусы грядущих перемен в обществе и образовании. Дети, оказавшиеся вне естественной (личной) коммуникации, утрачивают связь с реальностью, оказываются дезориентированными в социальном пространстве, которое все больше перемещается в виртуальный мир, что не может не сказаться на их личностных качествах. В связи с этим представляется особенно важным как можно шире использовать опыт, накопленный философским и педагогическим сообществом в мире, известный под названиями «Философия для детей», «Философия с детьми» и, наконец, «Философия – детям».

Российского движение, объединяющее философов, педагогов, психологов, практикующих и исследующих философию для детей было названо «Философия – Детям», американская программа известна под именем «Философия для детей», многие европейские проекты предпочитают словосочетание «Философия с детьми». Все это активно развивающееся направление научных исследований и педагогической практики, в контексте которого наработан огромный теоретический и практический материал.

С какого возраста можно начинать занятия по философии? Преподаватели философии всех уровней часто открывают свои лекции известным утверждением Аристотеля: «Философия начинается с удивления». Философия как искусство вопрошания (Сократ), как творчество концептов (Ж. Делез), как мужество пользоваться собственным умом (И. Кант) и т.п. начинается с ситуации *незнания* (нас удивляет нечто незнакомое), которое позволяет поставить исследовательскую задачу (задать вопрос) и попытаться найти решение (создать концепт). Чтобы удивляться, нужно знать и не знать. Следовательно, в поисках первого возраста удивления нам необходимо ответить на вопрос о том, когда ребенок уже что-то знает и готов сравнить свое знание (опыт) с новыми для него явлениями. Очевидно, в период активного проявления первых навыков дескриптивного мышления. Если верить Л. Выготскому, это происходит вместе с освоением речи, в концепции Ж. Пиаже – примерно к 9–10 годам. Абстрактное мышление – условие философствования. Не только ребенку, но и взрослому, живущему в парадигме традиционной обыденности, трудно совершить скачок в мир абстракций, поскольку повседневность эмпирична. Это требует определенных интеллектуальных усилий, которые и помогает человеку сделать философ. Философский диалог можно вести и с трехлетним ребенком, если суметь поставить вопрос. Навредить психике этим невозможно, если правильно построить беседу, не навязывая ничего ребенку, не поучая его и т.п., а с максимальным уважением выслушивая его мнение и направляя его мысли вопросами. Обратим внимание на то, что направлять не значит управлять. Философские вопросы –

это открытые вопросы, в которых нет правильных ответов, а потому философствование ведет к свободе.

Однако оставим психологам спор о том, когда дети начинают мыслить и способны оперировать абстрактными понятиями. Укажем лишь, что «Философия с детьми» или «Философия для детей» сегодня – это общемировое движение, объединяющее исследователей и практиков, предлагающих разнообразные программы по развитию детей средствами философии. Как правило, они начинаются со старшего дошкольного возраста (5–6 лет). Научно-методическим центром этого движения в России является философский факультет МГУ, где созданы философские кружки для детей, принимающие ребят с 8 лет, проводятся олимпиады для школьников, ведутся научные исследования.

Формирование зрелого морального сознания выступает в качестве еще одной стратегической задачи философии для детей. Процесс социализации происходит в основном через усвоение базовых моральных норм как строгих императивов: дети без объяснений должны знать, что маму надо слушать, маленьких обижать нельзя и т.п. Ребенок послушно повторяет за нами, что хорошо и что плохо. Мы послушно идем за существующими в нашем обществе, нашей культуре, нашей семье и т.д. моральными нормами, у некоторых не появляется желание их осмыслить ни в каком возрасте. Активный нравственный поиск обычно связывают с подростковым возрастом, но и в этом случае все ситуативно. В тот момент, когда ребенок задал вопрос «Почему?» («Почему нельзя лгать?» или «Почему надо поделиться с братом своей конфетой?»), он подверг сомнению истинность предлагаемых ему императивов действия и вступил на путь этической рефлексии. Дети активно обсуждают на занятиях по философии этические кейсы в любом возрасте, и чем раньше возникает вопрос «Почему?», тем больше шансов, что человек вырастет нравственно зрелой личностью. Этическая рефлексия – важная часть философствования в любом возрасте. Нетрудно проследить, что наибольший отклик и в студенческой аудитории находит обсуждение этических вопросов.

Философия существует в мировой культуре в двух стратегиях: сократовской (живой диалог) и аристотелевской (написание текстов, академическая традиция). Программы практической философии, как правило, связаны с сократовской – диалоговой стратегией.

Возникновение философии для детей как самостоятельного направления в философии и педагогике связано с именем Мэтью Липмана, профессора Государственного университета Монтклера. Его программной книгой можно считать монографию «Мышление в образовании» [Lipman 2003]. С этой программой российское философское сообщество познакомили в своих работах Н.С. Юлина [Юлина 2005], М.Н. Дудина [Дудина 1995] и др. Вместе с тем и в России, и за рубежом существуют другие программы, которые менее известны, но не менее интересны. Направление активно развивается, в различных университетах мира пишут исследовательские работы, читают курсы для студентов и краткосрочные курсы для педагогов [Gareth B. Matthews... 2022; Kennedy 2006; Kohan 2015].

Сегодня сложилось широкое научное сообщество. Ежегодно в разных странах проводят десятки конференций по философии для детей, раз в два года организуют общую конференцию (всемирную), которую посещают представители всех континентов. Центры и программы по философии для детей существуют более чем в 70 странах. Представители России активно участвуют в этих конференциях с 2005 года.

Движение «Философия – детям» в России возникло в 90-е годы XX столетия. В 1992 году создан философский семейный клуб «Школа Сократа» в Центральном Доме работников искусств (создатель и руководитель – Л.Т. Ретюнских). Первая публикация о разработанной методике философских игр вышла в 1994 году («Веселая мудрость» Л.Т. Ретюнских, В. Бобахо). В том же году Н.С. Юлина начала проводить семинар в Институте философии РАН). Ее публикации вызвали живой интерес у философов и педагогов, заложили основы подготовки тренеров для дальнейшей работы с учителями средних школ. В Екатеринбурге в начале 1990-х годов даже создан специализированный совет, в котором в контексте темы философии для детей защищено пять

диссертаций по педагогическим наукам. Но и эти достижения не нашли должного развития. Они не заинтересовали органы управления образованием, которые вправе принимать решения об использовании каких-либо программ в школьном образовании. Однако энтузиасты-исследователи не остановились на достигнутом.

В 2000-е годы исследования продолжены, защищены первые диссертации по философским наукам, посвященные этой теме. Продолжен процесс подготовки учебников по философии для школьников. В 2001 году коллективом петербургских авторов подготовлен учебно-методический комплекс «Начала философии» для средней школы (включающий в себя двухтомный учебник, хрестоматию и методические рекомендации для учителя), который вызвал острый интерес у преподавателей. При поддержке Министерства образования Ленинградской области проведены специальные совещания в районах. Но уже на второй год эксперимент остановлен ввиду не столько противодействия преподавателей и даже чиновников, сколько с учетом его несоответствия программе среднего образования в целом. В 2008 году впервые издано учебное пособие Л.Т. Ретюнских «В поисках мудрости» для начальной школы. Книга выдержала уже три издания (2008, 2012, 2018), пользуется популярностью среди учителей и родителей [Ретюнских 2018]. Попытки «ввести» философию в школьную программу не увенчались успехом, хотя несколько школ взяли в качестве эксперимента и программу М. Липмана (Екатеринбург, Челябинск), и программу Л.Т. Ретюнских (Липецк, Москва). Но эксперимент продолжался недолго.

Тем не менее философские курсы для детей нашли свое место в системе дополнительного образования. Программы Л.Т. Ретюнских прошли апробацию в Московском городском Дворце детского (юношеского) творчества на Воробьевых горах, Активно работает экспериментальная площадка на философском факультете (кружок «В поисках мудрости») в рамках программ дополнительного образования. Создаются клубы (например, детский философский клуб А. Авдиевой в Российской государственной детской библиотеке и детский философский клуб

М. Дмитриевой в Санкт-Петербурге), а также кружки в разных регионах, учреждениях (в Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Санкт-Петербурге и др.) Авторы программ и их сторонники расценивают это как определенный успех. Полученный опыт позволил убедиться в продуктивности философских занятий как способа формирования творческого, критического, самостоятельного мышления, навыка принятия решений, улучшения коммуникативных способностей. Важным маркером этого успеха является консолидация единомышленников и организация научной коммуникации.

В 2004 году создана общественная организация «Философия – детям». В 2005 году состоялась первая Международная конференция «Философия – детям», в 2016 году – уже седьмая, по итогам которых изданы сборники. Конференции проходят на философском факультете МГУ. В рамках каждой из них проводится факультативная олимпиада по философии для детей от 8 до 18 лет, на которой основным конкурсным заданием является написание философского эссе. Работы победителей опубликованы в сборниках конференции.

Показательным представляется проведенное Е.В. Васильевой в философском семейном клубе «Школа Сократа», существующем в Центральном Доме работников искусств с 1992 года, психологическое исследование результативности занятий [Ретюнских 2003]. Главным достижением философствующих детей стало повышение самооценки. Почему? Можно предположить, что умение осознавать, рационально исследовать все, что их окружает, позволяет адекватно оценить себя, занять собственное место в коллективе сверстников, избавиться от многих психологических проблем, учиться не только любить себя, но и уважать себя и других. Американские мониторинги говорят о том, что в классах, где есть философия, успеваемость по другим предметам значительно выше, чем в классах без философии. Знакомство с философией как информирование без тренинга философствования вряд ли даст подобный результат. «Слишком увлечься» можно чем угодно, в том числе и философствованием, и любое «слишком», как правило, не бывает во благо, поскольку благо есть середина,

если верить Аристотелю, призывавшему во всем соблюдать меру.

Таким образом, философия доказала свою практическую ценность. Осталось убедить в этом российское педагогическое и философское сообщество.

Заключение

Мы убеждены, что постепенный приход философии в школу поможет решить задачу воспитания полноценных, гармоничных людей. Речь, конечно, не идет о некоем массовом повороте «все вдруг». Прежде всего это могут и должны быть элективные (по выбору) курсы для желающих. И только по итогам накопленного опыта, оценки его результатов можно говорить о расширении, но применительно к определенной школе, ее возможностям. Однако даже при постепенном развитии событий перед профессиональным философским сообществом откроется широкая сфера остро востребованного применения: подготовки учебных, мультимедийных материалов, специальной литературы и т.п. Примером такого вклада может служить логико-информационная модель образования и оценки его результатов, предложенная Б.И. Федоровым. Она опубликована в ряде номеров журнала «Философские науки» (№№ 5–12 за 2009 год и №№ 1–2 за 2010 год). Нельзя оставлять без внимания и объективную тенденцию вымывания, сокращения философских дисциплин в вузах и в рамках экзаменов кандидатского минимума. Рынок труда выпускников философских факультетов сужается. Да и факультеты все больше выпускают специалистов по связям с общественностью, конфликтологии, что, возможно, приведет к размыванию и утрате философской культуры как таковой. Можно утверждать, что приход философии в среднюю школу нужен как школе, так и философскому сообществу.

Поэтому целесообразно предложить ряд мер, стимулирующих решение организационных и методических вопросов развития непрерывного философского образования в России:

– подготовить и вынести вопрос о внедрении философских дисциплин в школьное образование на коллегии Министерства

просвещения РФ и Министерства образования и науки РФ, Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по науке и высшему образованию, Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, заседания Общественной палаты РФ;

- создать организационный и научно-методический центр работы с детьми по философии в России на базе Института философии РАН, философских факультетов университетов страны и журнала «Философские науки»;

- создать на базе журнала «Философские науки» Всероссийский электронный ресурс «Школа философствования»;

- обобщить и опубликовать разработанные отечественные материалы, учебные пособия по философии для средней школы;

- инициировать изучение и осмысление опыта детского философствования;

- способствовать оказанию консультационной, методической помощи преподавателям, учителям и родителям в области философии для детей.

Расширение внимания к философскому образованию детей представляется одним из наиболее перспективных направлений развития философских изданий в настоящее время. Еще одной сферой внимания должны стать философские курсы для взрослых, существующие в мире в целом и в России в частности в виде философских кафе, семинаров, тренингов, консультаций и т.п. Такой опыт может найти отражение в новой рубрике. Речь идет о курсах практической философии, нацеленных на обучение философствованию как способу тренировки разума.

Предлагаем открыть постоянную рубрику в журнале «Философские науки», посвященную проблемам места и роли философских практик для детей и взрослых, которая может быть названа «Школа философствования».

Возможность издания брошюр методического характера для работников системы образования различных уровней – учителей, методистов, руководителей органов образования, а также всех заинтересованных лиц – стала бы необходимым и успешным механизмом продвижения идеи непрерывного философского образования.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Выготский 1982 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 2 – М.: Педагогика, 1982. С. 5–351.

Гегель 1970 – *Гегель Г.* Наука логики. Т. 1. – М.: Мысль, 1970.

Геращенко, Геращенко 2022 – *Геращенко И.Г., Геращенко Н.В.* Философия образования. – М.: Русайнс, 2022.

Грехнев 2017 – *Грехнев В.С.* Философия образования. – М.: Юрайт, 2017.

Джемс 2011 – *Джемс У.* Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. – М.: URSS, 2011.

Дьюи 2000 – *Дьюи Д.* Демократия и образование. – М.: Педагогика-пресс, 2000.

Дудина 1995 – *Дудина М.Н.* Философия в классе. – Екатеринбург: УРГУ, 1995

Кант 1964 – *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964.

Пиаже 2003 – *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003.

Поппер 2000 – *Поппер К.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / под общ. ред. В.Н. Садовского. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.

Ретюнских 2003 – *Ретюнских Л.Т.* «Школа Сократа». Философские игры десять лет спустя. – М.: Изд-во Московского психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2003.

Ретюнских 2018 – *Ретюнских Л.Т.* Путешествие в лабиринтах мудрости. Философия для младших школьников. – М.: Вита-Пресс, 2018.

Смирнов, Хомич 2020 – *Смирнов И.П., Хомич А.Л.* О педагогическом наследии И. Канта: научный диалог // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1 (138). С. 18–29.

Эпикур 1969 – *Эпикур.* Письмо к Менекею // Антология мировой философской мысли в 4 т. Т.1: Философия древности и средневековья. Ч. 1 – М.: Мысль, 1969. С. 354–358.

Юлина 2005 – *Юлина Н.С.* Философия для детей. – М.: Канон+, 2005.

Gareth B. Matthews... 2022 – Gareth B. Matthews, The Child's Philosopher / ed. by M.R. Gregory, M.J. Lavery. – New York: Routledge, 2022.

Kennedy 2006 – *Kennedy D.* The Well of Being. Childhood, Subjectivity, and Education. – Albany, NY: State University of New York Press, 2006.

Kohan 2015 – *Kohan W.* Childhood, Education and Philosophy: New Ideas for an Old Relationship. – New York: Routledge, 2015.

Lipman 1995 – *Lipman M.* Good Thinking // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 1995. Vol. 15. No. 2. P. 37–41.

Lipman 2003 – *Lipman M. Thinking in Education.* – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003.

Louden 2017 – *Louden R.B. Becoming Human: Kant's Philosophy of Education and Human Nature* // *The Palgrave Kant Handbook* / ed. by M.C. Altman. – London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 705–727.

Paul 1990 – *Paul R.W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World.* – Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State University, 1990.

Roth, Formosa 2019 – *Roth K., Formosa P. Kant on Education and Evil – Perfecting Human Beings with an Innate Propensity to Radical Evil* // *Educational Philosophy and Theory*. 2019. Vol. 51. No. 13. P. 1304–1307.

The Palgrave Kant... 2017 – *The Palgrave Kant Handbook* / ed. by M.C. Altman. – London: Palgrave Macmillan, 2017.

REFERENCES

Altman M.C. (Ed.) (2017) *The Palgrave Kant Handbook*. London: Palgrave Macmillan.

Dewey J. (2000) *Democracy and Education*. Moscow: Pedagogika-Press (Russian translation).

Dudina M.N. (1995) *Philosophy in the Classroom*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Epicurus. (1969) Letter to Menoeceus. In: Sokolov V.V. (Ed.) *Anthology of World Philosophical Thought in 4 Vols.* (Vol. 1, part 1, pp. 354–358). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Geraschenko I.G. & Geraschenko N.V. (2022) *Philosophy of Education*. Moscow: Ruscience (in Russian).

Gregory M.R. & Lavery M.J. (Ed.) (2022) *Gareth B. Matthews, The Child's Philosopher*. New York: Routledge.

Grekhnev V.S. (2017) *Philosophy of Education*. Moscow: Yurayt (in Russian).

Hegel G.W.F. (1970) *Science of Logic* (Vol. 1). Moscow: Mysl' (Russian translation).

James W. (2011) *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking*. Moscow: URSS (Russian translation).

Kant I. (1964) Critique of Pure Reason. In: Kant I. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 3). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kennedy D. (2006) *The Well of Being. Childhood, Subjectivity, and Education*. Albany, NY: State University of New York Press.

Kohan W. (2015) *Childhood, Education and Philosophy: New Ideas for an Old Relationship*. New York: Routledge.

Lipman M. (1995) Good Thinking. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. Vol. 15, no. 2, pp. 37–41.

Lipman M. (2003) *Thinking in Education*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Louden R.B. (2017) Becoming Human: Kant's Philosophy of Education and Human Nature. In: Altman M.C. (Ed.) *The Palgrave Kant Handbook* (pp. 705–727). London: Palgrave Macmillan.

Paul R.W. (1990) *Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World*. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State University.

Piaget J. (2003) *The Psychology of Intelligence*. Saint Petersburg: Piter (Russian translation).

Popper K. (2000) Evolutionary Epistemology. In: Sadovskiy V.N. (Ed.) *Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences: Karl Popper and His Critics* (pp. 57–74). Moscow: Editorial URSS (Russian translation).

Retyunskikh L.T. (2003) “*School of Socrates*”: *Philosophical Games Ten Years Later*. Moscow: Publishing House of Moscow Psychosocial Institute; Voronezh: MODEK (in Russian).

Retyunskikh L.T. (2018) *Journey in the Labyrinths of Wisdom. Philosophy for Primary School Students*. Moscow: Vita-Press (in Russian).

Roth K. & Formosa P. (2019) Kant on Education and Evil – Perfecting Human Beings with an Innate Propensity to Radical Evil. *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 51, no. 13, pp. 1304–1307.

Smirnov I.P. & Khomich A.L. (2020) On the Pedagogical Legacy of I. Kant: Scientific Dialogue. *Kazan Pedagogical Journal*. No. 1, pp. 18–29 (in Russian).

Vygotsky L.S. (1982) Thought and Language. In: Vygotsky L.S. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 2, pp. 5–351). Moscow: Pedagogika (in Russian).

Yulina N.S. (2005) *Philosophy for Children*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Высшее образование в России: несбыточные надежды?

А.О. Карпов

Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Высшее образование является стратегическим источником инновационного развития современного общества, гарантом его процветания и роста благосостояния граждан. В статье исследуется вопрос о способности российского высшего образования стать основой инновационной экономики, институтом производства знаний и включения их в жизнь общества. Индикатором этой способности является степень разветвления в университетах страны помимо миссии обучения, также миссий исследования и социально-экономического развития. В качестве теоретического базиса исследования взят генезис второй и третьей миссий университета. Выделено четыре исторических этапа в формировании исследовательской модели познавательного отношения, определяющих развитие университета 2.0 (обучение и исследования). В контексте сравнительного анализа развития высшего образования в России и на Западе показан процесс становления университета 3.0, выполняющего три академические миссии (обучение, исследования, социально-экономическое развитие) и являющегося ключевым институтом общества знаний. Предложена *NCI&E*-модель университета 3.0, включающая в себя базовые модели сетевого университета, креативного университета, инновационного и предпринимательского университета; дана их краткая характеристика и показана взаимосвязь. Рассмотрены вопросы, связанные с провалом проекта «5–100» в части вхождения его участников в топ-100 глобальных университетских рейтингов – *THE*, *QS*, *ARWU*. Поставлена под вопрос аутентичность формирования состава его участников. Проведен сравнительный анализ российских и зарубежных вузов в отношении реализации третьей миссии, в том числе с использованием индекса предпосылок развития университета 3.0, разработанного автором. Представлены основные компоненты в стратегии перехода от модели университета 2.0 к модели университета 3.0. Сделан вывод о низком потенциале высшего образования России относительно задач развития университета 2.0 мирового уровня и создания университета 3.0. Даны рекомендации по решению проблемы модернизации отечественного высшего образования

в аспекте разработки ее научно-теоретической базы и формирования стратегического комплекса программ развития.

Ключевые слова: высшее образование, университет, миссии, исследования, инновации, социально-экономическое развитие, научное предпринимательство.

Карпов Александр Олегович – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, начальник отдела Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

a.o.karpov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0172-0475>

Для цитирования: *Карпов А.О.* Высшее образование в России: невыполнимые надежды? // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 1. С. 51–76. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-51-76

Higher Education in Russia: Unrealizable Hopes?

A.O. Karpov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Abstract

The paper addresses the issue of the potential for Russian higher education to become the core of an innovation-driven economy, an institution for the production of knowledge and its integration into society. In addition to the mission of learning, an indicator of this potential for Russian universities is the level of implementation of research and socio-economic development missions. The genesis of the second and third missions of universities is used as a theoretical basis in this study. The author gives prominence to four historical stages that characterize the University 2.0 development (learning and research) in the formation of a research model of cognitive attitudes. In the context of a comparative analysis of higher education development in Russia and Europe, the article examines the emergence of University 3.0 – the key institution of a knowledge society that fulfills three academic missions (learning, research, socio-economic development). The author proposes the NCI&E-model of University 3.0, which includes the basic models of Network University, Creative University, Innovative, and Entrepreneurial University, and provides a brief description and interrelations of these models. This work discusses issues associated with the failure of the Russian “5–100” project in terms of listing its participants in the top 100 of global university rankings such as THE, QS, and ARWU. The authenticity of the formation of the entry list for the “5–100” project is called into question. A comparative analysis of Russian and foreign universities

concerning the implementation of the third mission is provided, including the use of the index of University 3.0 development prerequisites proposed by the author. The author concludes that Russian higher education has low potential for the development of University 2.0 at the global level and for the creation of University 3.0. The author offers recommendations for addressing the problem of Russian higher education modernization, considering the development of its scientific and theoretical base and forming a strategic complex of development programs.

Keywords: higher education, university, missions, research, innovation, socio-economic development, scientific entrepreneurship.

Alexander O. Karpov – D.Sc. in Philosophy, Ph.D. in Physical and Mathematical Sciences, Head of Department at the Bauman Moscow State Technical University.

a.o.karpov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0172-0475> 1

For citation: Karpov A.O. (2023) Higher Education in Russia: Unrealizable Hopes? *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 51–76. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-51-76

Введение

Провал проекта «5–100» в аспекте вхождения не менее пяти его участников в топ-100 глобальных университетских рейтингов (*THE, QS, ARWU*) дает повод для обстоятельного и серьезному обсуждения проблем в сфере российского высшего образования под углом зрения перспектив и возможностей его развития. Обстоятельного, потому что двадцать одному университету выделено более 80 млрд руб. из бюджета. Но все эти университеты очень далеки от указанной цели. Серьезному, потому что бравурные реликвии средств массовой информации о победах в студенческих олимпиадах и росте в предметных рейтингах скрывают плачевное положение российского высшего образования даже среди развивающихся стран, если оценивать его как основу инновационного развития государства и экономики, работающей на знаниях.

Университет, нацеленный только на обучение, а именно такой университет характеризуют предметные рейтинги и студенческие олимпиады, – это университет времен Канта и Гумбольдта, т.е. позапрошлого века. Между тем ландшафт современного образования разнообразен. В отношении производства знаний классификация университетов определяется следующими академическими

миссиями: университет 1.0 – только образовательный институт; университет 2.0 выполняет миссии обучения и исследования; университет 3.0, помимо двух последних, принимает на себя миссию социального и экономического развития. Современную систему высшего образования в первую очередь характеризует развитие университетов 2.0 и 3.0.

Именно под углом зрения развития *современного* высшего образования (системы высшего образования 2.0 и 3.0), полагаю, следует читать указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 599, в котором ставилась задача повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди мировых научно-образовательных центров, т.е. университетов мирового уровня, успешно выполняющих все три академические миссии. О том, что в качестве принципиальных индикаторов было взято вхождение именно в глобальные рейтинги, а не предметные, свидетельствуют распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2012 года № 2006-р, постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 года № 211, приказ Минобрнауки РФ от 22 апреля 2013 года № 296. В первом документе говорится о вхождении в мировые рейтинги (п. 13 Плана мероприятий), во втором – о критериях международных *глобальных* рейтингов, т.е. об их расчетной базе (п. 3 Правил распределения и предоставления субсидий). Третий документ фиксирует позиции университета в международных *глобальных общих* рейтингах, которые дают ему право участвовать в конкурсе на предоставление государственной поддержки в рамках проекта «5–100» (п. 1 Перечня требований).

Между тем существует позиция, согласно которой «нормативная база проекта не содержит ответа на вопрос, в какой рейтинг (общий или предметный) участникам необходимо войти» [Ключарев, Неверов 2018, 109]. Если быть точным, то в этом вопросе она представляется противоречивой. Так, согласно Перечню требований к отчетам вузов, утвержденному Минобрнауки РФ 24 февраля 2014 года № АП-166/02, необходимо предоставлять информацию о позиции вуза в общих и предметных рейтингах (п. 2.3.1). Однако игнорирование общих рейтингов в оценке эффективности проекта, как это случилось при подведении итогов, смещает его фокус на модель университета ранней индустриальной культуры (обучение) вместо того, чтобы ориентировать его на современные мировые научно-образовательные центры, о которых говорится в указе Президента РФ и которые являются

в первую очередь институтами социального и экономического развития.

В указе Президента РФ речь шла не просто об усилении позиций группы университетов «на глобальном и национальном научно-образовательном рынке» [Берестов и др. 2020, 42]. Такое мнение приходится часто слышать (было бы странно, если при значительном финансировании этого бы не произошло), а о *вхождении ведущих российских вузов в эшелон университетов мирового класса. Об этом прямо сказано в указе* и только так можно трактовать повышение конкурентоспособности среди них. Авторы, институционально аффилированные с проектом «5–100», на его старте говорят именно о задаче «резко ускорить достижение... глобальной конкурентоспособности» [Салми, Фрумин 2013, 30]. Как показали исследования реализации проекта «5–100», он «способствует конкурентоспособности на региональных рынках образовательных услуг, но еще недостаточен для усиления глобальной международной конкурентоспособности» [Ендовицкий, Коротких, Воронова 2020, 23].

В связи с непониманием или игнорированием настолько значимых и фундаментальных последствий, которые несет в себе, казалось бы, безобидная подмена индикаторов проекта, представляется важным осветить вопрос существования *современного* университета. Система высшего образования, не способная на мировом уровне участвовать в научных исследованиях, инновационной деятельности и социально-экономическом развитии и тем самым не дающая студентам делать это, не может считаться современной. Как мы увидим далее, это относится и к высшему образованию в нашей стране.

В статье будет представлен генезис второй и третьей академических миссий университетов, проведен сравнительный анализ положения российского высшего образования в отношении их развития, кратко охарактеризована модель университета трех миссий, а также даны рекомендации по модернизации российского высшего образования.

Трансформация модели классического университета

Модель университета 2.0, выполняющего миссии обучения и исследования, начинает формироваться в конце XIX века. В последней четверти XX века научные исследования становятся генетической частью высшего образования особого – исследова-

тельского – типа, миссия которого определяется как образование *через* научные исследования, а не научные исследования *и* образование [Simons 2006, 36].

Университет 2.0 вырастает из системы идей, связывающих учебную деятельность и научные исследования. Можно выделить четыре исторических этапа в его развитии: 1) образование как обретение истины; 2) связь исследования и преподавания; 3) связь исследования и обучения; 4) образование через научные исследования.

Первый этап – *образование как обретение истины* – имеет своим теоретическим обоснованием кантовскую концепцию институализированного разума (1798). Кант видит университет как своего рода образованное (от нем. *gelehrten*) сообщество. За философским факультетом закреплено «публичное изложение истины», что намного важнее полезности, которую обещают правительству высшие факультеты [Kant 1979, 23, 29, 55]. Именно через философский факультет в университет проникают естественные науки.

Второй этап – *связь исследования и преподавания* – берет начало в Берлинском университете, основанном в 1809 году по инициативе В. Гумбольдта. Это автономное учреждение сочетает «объективную науку с субъективным образованием». В нем исследователи ищут истину, преподаватели перенимают ее из новейших результатов науки, а студенты *критически* впитывают ее последнее слово, которое несут им преподаватели [Humboldt 2010, 229–230, 236].

Третий этап – *связь исследования и обучения* – реализуется в университете индустриальной эпохи. Эта связь, как пишет К. Ясперс (1946), есть «высший и неотъемлемый базовый принцип университета». Образование должно приводить к исследовательским методам, благодаря «контакту с живым исследованием», а «студент должен активно участвовать в научных исследованиях» [Jaspers 1959, 45, 46]. Миссией университета становится образование *и* научные исследования, входящие как *элемент* в учебный процесс.

Четвертый этап – *образование через научные исследования* – разворачивается в последней четверти XX века и имеет в качестве теоретического обоснования концепцию общества знаний, ключевые положения которой в 40–60-х годах формулирует П. Друкер (см. подробнее: [Карпов 2015]). В 1988 году Великая

хартия университетов утверждает: «Учебный процесс в университетах должен быть неотделим от исследовательской деятельности» [Magna Charta Universitatum... 1988]. Исследования начинают использоваться в качестве методик обучения; они формируют учебный процесс и творческую функцию мышления.

Становление третьей миссии университета происходит в середине XX века, при этом высшее образование начинает терять свой элитарный статус [Карпов 2017а, 64–67]. Роль университетских исследований изменяется: из чисто научного предприятия они превращаются в фундаментальную основу инновационной деятельности, ключевой инструмент социально-экономического развития. Я выделил два временных периода, в течение которых это произошло (см.: [Карпов 2019]).

Первый период – послевоенный, совпавший с модернизацией национальных экономик. В середине XX века технологическая экспансия, рост производства знаний и их экономического значения делают высшее образование массовым и непосредственно ответственным за развитие общества. Здесь пролегает глубокий культурный и экономический разрыв с прошлым. В США и СССР массовое высшее образование формируется к 60-м годам, в большей части Европы, включая Великобританию, Францию, Италию, Германию, – на 10–15 лет позднее. Отношение к этому событию в США и СССР было разным.

22 июня 1944 года президент США Ф. Рузвельт подписал законодательный акт под названием «Солдатский билль о правах» (*G.I. Bill of Rights*). Закон предусматривал ряд льгот для ветеранов войны. В числе льгот – денежные выплаты на обучение в университетах, школах, технических училищах (включая проживание) и низкопроцентные займы для того, чтобы начать бизнес. В 1946 году в США были созданы две первые венчурные компании: американская корпорация исследований и разработок (*ARDC*), которую возглавил Дж. Дорио, считающийся сегодня «отцом венчурного капитализма», и *J.H. Whitney & Company*, основанная Дж. Уитни. В послевоенный период наблюдается значительный рост предприятий, которые создают при университетах, особенно при Массачусетском технологическом институте и Стэнфордском университете [Etzkowitz 2008, 39, 107].

Высшее образование СССР в этот период застревает в индустриальной культуре первой половины XX века. Доминирующая модель университета – поставщик профессиональных кадров,

доминирующая модель учебного процесса – адаптивное обучение, ригидное к развитию творческого мышления, которое является основой современных профессий. С 1940 по 1956 год высшее и среднее техническое образование, а также старшая школа в СССР были платными. В 2021 году обучение 47,80 % российских студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры происходило за счет бюджетных средств [Образование... 2022, 43], тогда как во Франции, например, доля студентов, которые учатся на собственные деньги менее 20 % [Чернова 2013, 5].

Второй период – экономический кризис 1970-х – начала 1980-х годов на Западе. В период кризиса происходит демонтаж государства всеобщего благосостояния. Западные университеты лишаются значительной части бюджетных ассигнований. Они принуждаемы к зарабатыванию денег, чтобы оправдать получение денег. Такое принуждение на государственном уровне оформляется в виде новой институциональной цели университета – «вклад в социальное и экономическое развитие». Часть университетов отвечает на этот вызов, превращая обучение и научные исследования в инструменты финансирования, а себя – в предпринимательскую корпорацию. В отличие от предшествующих кризисов, теперь это оказалось возможным. Во-первых, рост массовости образования увеличил спрос на него и, как следствие, доходность платных услуг, оказываемых университетом, в частности в заочной (дистанционной) форме. Во-вторых, наука стала способной к широкому производству знаний, обладающих коммерческим потенциалом и допускающих высокоприбыльное использование; на эти знания появился растущий практический спрос (например, в области биотехнологий, нанотехнологий, социального управления).

В итоге появляются концепция третьей миссии университета (социально-экономическое развитие) и университет 3.0. Улучшающееся качество и повышающаяся производительность исследований, выполняемых в западных университетах, выводят их на роли ведущих агентов в коммерческой разработке научного знания. Успех в реализации третьей миссии университета предопределяет развитие общества знаний. В новую сферу деятельности университета входят разработка и трансфер технологий, преобразование результатов академической науки в коммерческий продукт и вывод его на рынок, создание новых бизнесов, управление интеллектуальной собственностью с целью получения прибыли, использование интеллектуальных ресурсов университета в эко-

номике регионов. *Важнейшей задачей университета 3.0 является расширение компетенций студентов в социально-экономическую сферу и включение их в непосредственную экономическую деятельность* [Карпов 2017б, 120].

Университет 2.0 и российское высшее образование

Для оценки университетов в осуществлении классических миссий – образования и исследования – традиционно используются глобальные рейтинги. На мой взгляд, уровень конкурентоспособности и инновационного развития страны оказывает влияние на вхождение университетов в топ-100 мировых рейтингов. Иллюстрацией является таблица 1, содержащая сведения о позиции стран в глобальном индексе конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index – GCI 2019*), составленным Всемирным экономическим форумом¹.

Табл. 1. Представительство стран в топ-100 глобальных университетских рейтингах (в порядке *GCI 2019*)

Регион ²	Страна	<i>GCI 2019</i>		Число университетов, вошедших в топ-100 глобальных университетских рейтингов			
		Место	Балл	Общее	<i>THE</i> 2021	<i>QS</i> 2021	<i>ARWU</i> 2020
2	Сингапур	1	84,8	2	2	2	2
1	США	2	83,7	46	37	27	41
2	Гонконг САР	3	83,1	5	3	5	—
1	Нидерланды	4	82,4	7	7	2	4
1	Швейцария	5	82,3	5	4	3	5
2	Япония	6	82,3	6	2	5	3
1	Германия	7	81,8	8	7	3	4
1	Швеция	8	81,2	5	1	2	3
1	Великобритания	9	81,2	18	11	18	8

¹ После 2019 года в системе показателей *GCI* произошли изменения, сократившие число непосредственных социальных индикаторов высшего образования 3.0. В результате чего сформировать из них столь же репрезентативную область, определяющую возможность становления и развития университета 3.0, стало проблематичным.

² Нумерация регионов: 1 – Европа и Северная Америка, 2 – Восточная Азия и Океания, 3 – Ближний Восток и Северная Африка, 4 – Латинская Америка и Карибский бассейн, 5 – Евразия, 6 – Южная Азия, 7 – Африка южнее Сахары.

1	Дания	10	81,2	2	1	1	2
1	Финляндия	11	80,2	1	1	–	1
2	Тайвань	12	80,2	1	1	1	–
2	Южная Корея	13	79,6	6	2	6	–
1	Канада	14	79,6	5	5	3	4
1	Франция	15	78,8	6	3	3	5
2	Австралия	16	78,7	7	6	7	7
1	Норвегия	17	78,1	1	–	–	1
2	Новая Зеландия	19	76,7	1	–	1	–
3	Израиль	20	76,7	1	–	–	1
1	Бельгия	22	76,4	2	1	1	2
2	Малайзия	27	74,6	1	–	1	–
2	Китай	28	73,9	6	6	6	6
5	Россия	43	66,7	1	–	1	1
4	Мексика	48	64,9	1	–	1	–
4	Аргентина	83	57,2	1	–	1	–
Итого:				145	100	100	100

В России университетские рейтинги служили основой для мониторинга эффективности реализации проекта «5–100». В течение планового периода реализации проекта (2012–2020) ни один из его участников не вошел в топ-100 мировых рейтингов *THE*, *QS*, *ARWU*, как изначально было запланировано. Более того, Тюменский государственный университет вообще не вошел в эти рейтинги, а шесть вузов ухудшили свои итоговые показатели по сравнению с предшествующими значениями – Университет ИТМО и Новосибирский государственный университет в рейтингах *THE* и *ARWU*; НИЯУ МИФИ, НИТУ МИСиС и Казанский федеральный университет в *ARWU*; Томский политехнический университет (ТПУ) в *THE* и *QS*. Причем ослабление позиций наблюдалось у МИФИ в течение двух последних периодов измерений, у ТПУ – в течение трех.

В топ-100 рейтинга *THE* российские университеты отсутствуют. МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ, получающие значительное государственное финансирование, не участвуют в проекте «5–100». Однако и эти знаковые для России вузы ухудшили свои позиции в глобальных рейтингах последних лет; первый в *ARWU* опустился на 93-е место по состоянию на 2020 год – год окончания проекта «5–100» – и на 101–150-е место по состоянию на 2022 год (это – наихудшие показатели, начиная с 2012 года), второй «просел» в *THE* до уровня 601–800-го места в 2020 году и 801–1000-го места в 2023 году.

Между тем пример МГТУ имени Н.Э. Баумана, который не участвовал в проекте «5–100», показывает возможность продвижения в мировых рейтингах в опоре на собственные силы. В итоговом для проекта периоде 2020–2021 годов Бауманский университет в рейтинге *THE* разделил третье место с МИФИ (позиция 401–500, при этом последний в 2013 году находился на позиции 226–250), а в *QS* уступал только трем вузам, демонстрируя в нем уверенный рост (позиция 282). В 2013 и 2015 годах, когда формировался состав проекта, МГТУ имени Н.Э. Баумана имел лучший показатель в *QS* среди его участников (соответственно 352-е и 322-е места). Причем в *THE* присутствовал только МИФИ, а в *ARWU* не было ни одного.

Учитывая высокие стартовые позиции МГТУ имени Н.Э. Баумана, его выдающуюся историю и традиции русской школы подготовки инженеров, дух науки и академического нестяжательства, полагаю, что он в случае участия в проекте «5–100» решил бы задачу вхождения в топ-100 мировых университетских рейтингов. К сожалению, этого не произошло.

Формирование состава участников проекта «5–100» в 2013 и 2015 годах вызывает вопросы. Как известно, в мировых университетских рейтингах значительный объем занимают показатели, которые образуются на основе опроса ученых и специалистов. В рейтинге *QS* на них приходится 50 % оценки, в рейтинге *THE* – 33 %. В 2013 году пять вузов из 15, отобранных для участия в проекте «5–100», отсутствовали в глобальных университетских рейтингах. Кроме того, еще два не удовлетворяли рейтинговым позициям, установленным для отбора приказом Минобрнауки РФ от 22 апреля 2013 года № 296. При отборе в 2015 году дополнительных участников проекта «5–100» уже пять из шести, включенных в проект вузов, не входили в глобальные рейтинги. Становление репутации университета в мировом академическом сообществе – процесс длительный. На мой взгляд, это стало одной из причин провала проекта «5–100».

Оценка финальной деятельности части участников проекта «5–100» дает повод для сомнения в аутентичности формирования состава его участников. Так, в топ-листе итогового рейтинга вузов РФ – 2019, опубликованного «Социальным навигатором» МИА «Россия сегодня», участники проекта «5–100» занимают только семь позиций из 30. За исключением категорий «Инженерные вузы» и «Медицинские вузы», все они находятся не на первых

местах. Примечательно, что МГТУ имени Н.Э. Баумана входит в топ-лист этого рейтинга.

Согласно данным РИНЦ, по состоянию на октябрь 2020 года у 15 вузов-участников проекта «5–100» индекс цитирования трудов сотрудников (*i*-индекс) не превышает 25; у семи – он менее 20. Обратим внимание на то, что работа, не вызвавшая интерес у российских ученых, с большой вероятностью не будет замечена зарубежными. Эта ситуация оказывает непосредственное влияние на позиции вуза в мировых рейтингах.

Таким образом, можно заключить, что система высшего образования РФ имеет низкий потенциал к развитию в направлении университета 2.0 мирового уровня. Отдельные успехи российских вузов в предметных рейтингах говорят лишь об улучшении высшего образования 1.0, нацеленного на обучение, т.е. исторически об университете времен Канта и Гумбольдта.

Университет трех миссий

Высшее образование 3.0 – символ модернизации современной эпохи. Университет трех миссий играет решающую роль в инновационном развитии государств и их союзов, преобразовании экономики в современную модель, воспитании эффективного работника знаний. Помимо учебной и научной деятельности, университет 3.0 должен быть способен получать исследовательские результаты, имеющие социальный и рыночный потенциал, трансформировать их в инновационный и коммерческий продукт, транслировать произведенные новшества в систему общественных отношений. Для этого ему необходимо быть носителем специализированной креативности и познавательного отношения социально-экономического типа, а также создавать и развивать сетевые пространства взаимодействия.

Поэтому в качестве системообразующей основы университета 3.0 надлежит принять троичную композицию, которая включает в себя модель сетевого университета (*network university*), модель креативного университета (*creative university*), модель инновационного и предпринимательского университета (*innovative and entrepreneurial university*). Соединение этих базовых моделей может быть представлено как предложенная мной метамодель или NCI&E-модель университета 3.0.

Базовые модели взаимосвязаны. Сетевая модель формирует кросс-институциональную среду для творческого обучения

и создает экономически эффективные структуры научно-образовательной кооперации. Креативная модель обеспечивает когнитивно-эффективную подготовку научно и экономически продуктивного работника знаний, которым наполняет исследовательские лаборатории, предпринимательскую экосистему и сетевые коллаборации университета. Инновационная и предпринимательская модель формирует структуры и процессы, обеспечивающие конкурентную способность сетевых инновационных партнерств и социально-экономический выход индивидуальной креативности.

Сетевой подход к построению моделей общества и его обществ начали применять в 70–90-х годах XX века такие исследователи, как Б. Уэллман, Дж. Мартин, Р. Хилтц и М. Турофф, С. Бротен, Я. ван Дейк, М. Кастельс [Wellman 1979; Bråten 1981; Dijk 2006, Castells 1996]. Так, в 1979 году Б. Уэллман пишет: «Взаимосвязь сетей помогает организовывать социальные системы... Сеть сетей соединяет сложными способами индивидов, кластеры и общности» [Wellman 1979, 1226]. Специализированные сети партнерств университета формируют образовательную и инновационную экосистему, обеспечивающую познавательные инвестиции в человеческий капитал. В числе целей, которые преследует организация сетевых университетских партнерств, – создание эффективных схем обмена знаниями, расширение доступа предприятий к исследованиям и разработкам, интенсификация инвестиций в технологические исследования, инженерные разработки и процесс коммерциализации знаний, формирование новых рынков, основанных на технологических достижениях, разработка новых учебных программ, в том числе корпоративных.

Современные представления о креативном университете как о модели антропосоциальной системы, создающей человека будущего в социально-экономическом и экзистенциальном планах, начинают формироваться на рубеже веков. Доклад, выпущенный в 2007 году Ассоциацией европейских университетов (EUA), констатирует, что творчество, в первую очередь творчество в университетах как центрах создания знаний, служит ключевым фактором для решения сложных социально-экономических проблем и главной движущей силой развития общества знаний. Фундаментальную структуру креативного университета составляет совокупность творческих пространств процессно-средового

типа. Каждое из них выступает в качестве специализированной когнитивно-генеративной системы, стимулирующей проявления креативности и процессы развития творческой функции мышления посредством соединения учебной деятельности с познавательно активной средой [Карпов 2018а, 23–26]. Полагаю, что высокая креативность, являющаяся культурной особенностью россиян [Аузан 2013, 279, 282], может стать институциональной основой движения к университету 3.0.

Инновационный и предпринимательский университет может быть охарактеризован как модель корпорации знаний, обеспечивающей быстрый технологический и экономический рост общества. Он должен быть способен предвидеть и отслеживать экономически значимые новации в развитии науки и техники, чтобы гибко изменять и диверсифицировать области предпринимательской деятельности, т.е. находиться в состоянии динамического самообновления.

Расширение миссии и институциональной базы университета нашло отражение в концепциях постакадемической науки. Г. Ицковиц и Л. Лейдесдорф используют в 2000 году понятие тройной спирали для объяснения инновационной деятельности, процессов создания новых технологий и передачи знаний в сетевом взаимодействии [Etzkowitz, Leydesdorff 2000, 111–116]. Роль «движителя» (*driver*) тройной спирали отведена предпринимательскому университету [Etzkowitz 2008, 29], в котором знание производится в контексте применения. В 2003 году Э. Караянис вводит понятие Режим 3 (*Mode 3*) производства знаний, который формируется в XXI веке и соединяет различные способы создания, распространения и использования знаний; например, в Режиме 3 линейные и нелинейные модели инноваций могут работать параллельно. Университет, характерный для Режим 3 производства знаний, соединяет образовательную функцию с фундаментальными и прикладными научными исследованиями и коммерциализацией знаний [Carayannis, Campbell 2011, 335, 347], т.е. является университетом 3.0.

Порой ставится знак равенства между университетом 3.0 и предпринимательским университетом. На мой взгляд, это ведет к ошибочному пониманию. Вуз, занимающийся только обучением, может торговать учебными курсами и тем самым быть предпринимательским, но не заниматься исследованиями и социально значимыми проектами. Иными словами, университет 3.0 участвует

в предпринимательстве, но не каждый предпринимательский университет есть университет 3.0.

Университет 3.0 и российское высшее образование

Третья миссия университета содержит инновационно-предпринимательскую и социокультурную сферы деятельности, взаимосвязанные и обуславливающие друг друга. Первая сфера деятельности включает в себя совместные исследования, контакты с промышленностью, коммерциализацию знаний, корпоративное обучение, региональное развитие, консультации, экспертизу и т.д. Ко второй сфере относится взаимодействие с административно-территориальными, гражданскими и культурными сообществами, имеющее целью повышение качества жизни, развитие гражданского общества, культурное обогащение, поддержку и трансляцию ценностей. Обе сферы деятельности сопряжены с финансовой составляющей экономики университета, но в последней она не имеет определяющего значения.

Приведем в сравнении данные российских и зарубежных вузов, характеризующие третью миссию университета. Для этого используем результаты исследования инновационной и предпринимательской деятельности 40 ведущих российских вузов, в том числе участников проекта «5–100», программы развития национальных исследовательских университетов, федеральных университетов [Мониторинг... 2016, 73, 74, 83–86].

В 2015 году эти вузы имели на своем балансе 10 747 объектов интеллектуальной собственности и получили от их использования 15,6 млн руб. (приблизительно 260 тыс. долл.); т.е. в среднем на один вуз пришлось 1 450 руб. (24 долл.) дохода. По процедуре международного патентования получено только 32 патента (0,3 %). В указанный период Левенский католический университет (Бельгия) имел патентный портфель в составе 586 патентных семей (групп патентов, выданных в разных странах). В 2009 году поступления Кембриджского университета от интеллектуальной деятельности достигли 3,5 млн евро [Innovation... 2008, 14], а университеты США получили более 1,5 млрд долл. лицензионного дохода [Игнатов 2012, 167–168].

В течение семи лет (2009–2015) в 24 из 40 российских вузов, охваченных мониторингом, было создано до десяти малых инновационных предприятий (МИП), в двух они не возникли. Их доход незначителен (около 400 тыс. руб. в год в среднем) и, как

правило, формируется благодаря договорным отношениям с вузом. В 19 вузах поступления от деятельности МИП отсутствуют [Мониторинг... 2016]. Для сравнения, например, в 2003–2004 годах в Оксфордском университете образуется 45 компаний, в Манчестерском университете – 48, в Имперском колледже Лондона – 53, в Массачусетском технологическом институте (MIT) – ежегодно более 150 [Wissema 2009, 138, 96]. В 2016 году общее число действующих компаний, основанных выпускниками MIT, достигло тридцати тысяч. В них работают 4,6 млн человек, а годовой доход составляет 1,9 трлн долл., что равно ВВП десятой экономики мира [Roberts, Murray, Kim 2015, 6–7].

Между тем российский государственный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций» (2016–2025) в своих плановых показателях не имеет цифр, определяющих создание и эффективность инновационных предприятий, регистрацию международных патентов, трансфер технологий, предпринимательский (в том числе лицензионный) доход университетов. Последнее в значительно большей степени выступает индикатором инновационного роста и эффективности социально-экономической миссии системы высшего образования, нежели вхождение отдельных университетов в мировые рейтинги, публикационная активность и создание объектов инновационной инфраструктуры. Одним из следствий, на мой взгляд, стало отсутствие российских университетов в рейтинге *Reuters* топ-100 инновационных вузов Европы, который рассчитывается с 2016 года.

Для университетов третьей миссии не создана общая методология оценки деятельности. Эта проблема исследовалась в рамках европейского проекта *European Indicators and Ranking Methodology for University Third Mission – E3M* (2010–2012). Была отмечена проблематичность анализа третьей миссии в связи с ее нечетким определением, многообразием, сложной структурой, неявными и контекстными формами и т.д.

В России предприняты попытки оценивания третьей миссии университета. Наиболее известной является рейтинг «Три миссии университета». Однако, на мой взгляд, он не отражает существенную часть деятельности, характеризующей третью миссию, например, такую как участие университета в социально-экономическом развитии территорий и коммерциализации знаний. В рейтинге вузов РФ–2019, опубликованном «Социальным навигатором» МИА «Россия сегодня», дана оценка деятельности российских вузов в

области коммерциализации. Вместе с тем корректность использованной методики вызывает сомнение, поскольку в оценке коммерциализации учитывается *бюджетное* финансирование научных исследований и разработок. Полагаю, что в действительности коммерциализация интеллектуального продукта, производимого вузом, означает его способность выступать субъектом рыночных отношений, а не объектом государственного субсидирования.

На основе релевантных показателей глобального индекса конкурентоспособности *GCI* 2017–2018 мною разработан индекс *предпосылок* развития университета 3.0 – *University Development Index (UDI)* [Карпов 2018б, 61–66]. Индекс предпосылок позволяет оценить возможность создания университета 3.0 либо ресурс его совершенствования. Следует отметить, что в 2018 году в системе показателей *GCI* произошли изменения, сократившие число социальных индикаторов высшего образования 3.0. После этого сформировать из них столь же репрезентативную область, определяющую возможность становления и развития университета 3.0, стало проблематичным.

Для определения индекса предпосылок *UDI* введено два вспомогательных индекса: комплексный (*UDI/c*) и параметрический (*UDI/p*). Их структура представлена на рисунках 1 и 2. Подробности расчета приведены в указанной выше статье.

Диаграммы на рисунках 1 и 2 демонстрируют слабые места России в создании университета 3.0. Сравнение производится по результатам *GCI* 2017–2018 с группой стран, включающей в себя США и лидеров четырех регионов – Европы и Северной Америки, Восточной Азии и Океании, Ближнего Востока и Северной Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна. В числе этих стран – Швейцария, Сингапур, Израиль, Чили.

Из диаграммы для комплексного индекса *UDI/c* видно, что Россия уступает этой группе стран в четырех показателях из пяти (в высшем образовании и обучении, уровне технологической готовности, развитии финансового рынка, эффективности рынка труда) и незначительно опережает Чили лишь в инновациях и *R&D* (рис. 1). Параметрический индекс *UDI/p* фиксирует очень значительное отставание России в пяти индикаторах из десяти, в том числе в таких критичных, как «возможности для сохранения талантов», «возможности для привлечения талантов», «доступность, усваивание и трансфер технологий». В остальных индикаторах Россия опережает только Чили: по сотрудничеству университетов и промышленности, качеству образовательной

Рис. 1. Диаграммы показателей ключевых субиндексов GCI 2017–2018, вошедших в UDI/c, для стран первых четырех лидирующих регионов, США и России

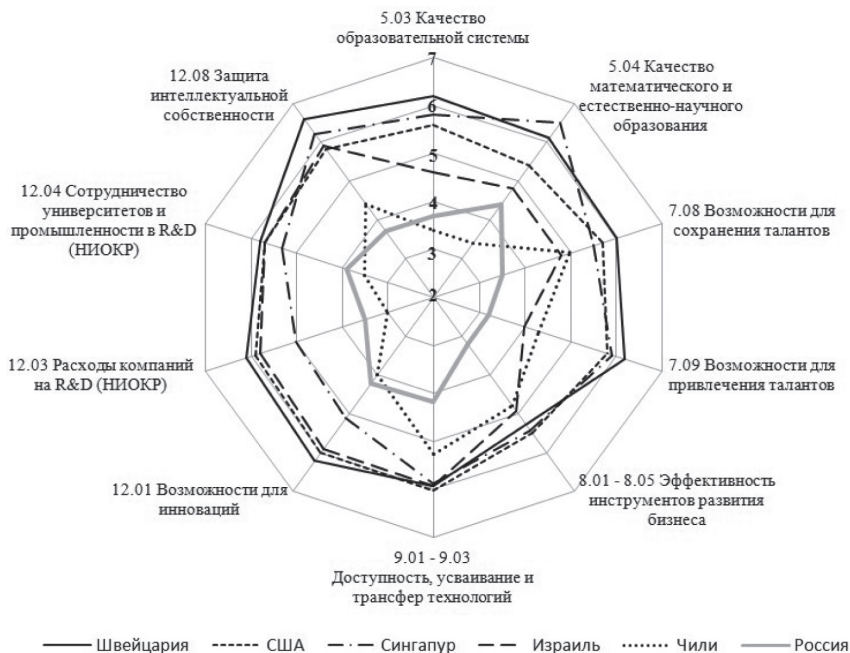

Рис. 2. Диаграммы компонент показателей ключевых субиндексов GCI 2017–2018, вошедших в UDI/p, для стран первых четырех лидирующих регионов, США и России

системы, математическому и естественно-научному образованию, расходам компаний на *R&D*, возможностям для инноваций; причем в последнем случае – очень незначительно (рис. 2).

Более полную картину позиционирования России в отношении возможности создания университета 3.0 дает таблица 2, в которой приведены значения индекса предпосылок развития *UDI*, вспомогательных индексов *UDI/c* и *UDI/p* для стран-лидеров семи мировых регионов (в каждом регионе взяты первые три страны). В индексе предпосылок развития университета 3.0. Россию опережают Азербайджан, Руанда, Панама, Маврикий и еще 13 стран из выборки.

Табл. 2. Индекс предпосылок развития университета 3.0 в выборке стран-лидеров регионов по *GCI* 2017–2018

Регион ²	Лидеры регионов по <i>GCI</i> 2017–2018	<i>GCI</i> 2017–2018		Индекс предпосылок развития Университета 3.0					
				Общий <i>UDI</i>		Комплексный <i>UDI/c</i>		Параметрический <i>UDI/p</i>	
		Место	Балл	Место в выборке	Балл	Место в выборке	Балл	Место в выборке	Балл
1	Швейцария	1	5.86	1	5.97	2	5.90	1	6.04
	США	2	5.85	2	5.83	1	5.91	2	5.74
	Нидерланды	4	5.66	4	5.51	4	5.54	4	5.48
2	Сингапур	3	5.71	3	5.74	3	5.82	3	5.66
	Гонконг САР	6	5.53	6	5.31	5	5.50	8	5.12
	Япония	9	5.49	9	5.07	7	5.29	9	4.85
3	Израиль	16	5.31	5	5.36	6	5.48	7	5.24
	ОАЭ	17	5.30	7	5.21	8	5.07	5	5.34
	Катар	25	5.11	8	5.13	9	4.94	6	5.31
4	Чили	33	4.71	11	4.38	10	4.65	15	4.11
	Коста-Рика	47	4.50	12	4.35	11	4.48	13	4.22
	Панама	50	4.44	15	4.17	15	4.19	14	4.14
5	Азербайджан	35	4.69	10	4.44	12	4.37	11	4.50
	Россия	38	4.64	18	3.98	14	4.20	20	3.75
	Казахстан	57	4.35	20	3.83	17	4.06	21	3.59
6	Индия	40	4.59	13	4.27	18	4.01	10	4.52
	Бутан	82	4.10	19	3.91	20	3.84	17	3.98
	Шри-Ланка	85	4.08	21	3.72	21	3.58	19	3.85

³ Нумерация регионов: 1 – Европа и Северная Америка, 2 – Восточная Азия и Океания, 3 – Ближний Восток и Северная Африка, 4 – Латинская Америка и Карибский бассейн, 5 – Евразия, 6 – Южная Азия, 7 – Африка южнее Сахары.

7	Маврикий	45	4.52	16	4.17	13	4.26	16	4.07
	Руанда	58	4.35	14	4.18	19	4.00	12	4.36
	ЮАР	61	4.32	17	4.05	16	4.15	18	3.94

Парадоксально, но факт, что некоторые лица заявляют о существовании в России вуза, имеющего «все признаки Университета 1.0–3.0», а также о создании университета 4.0 в русле концепции «Индустрия 4.0», способного «решать задачи, которые не в силах решать промышленность» [Время торопит... 2016, 9].

Выводы и рекомендации

Отставание России в сфере инноваций и технологического развития во многом объясняется устаревшей системой высшего образования. Значительное количество университетов в основном сосредоточены на подготовке кадров (модель 1.0), только меньшая часть вузов интегрируют (преимущественно в ограниченной степени) научные исследования и разработки в свои учебные процессы (модель 2.0). Тем не менее даже среди таких университетов исследовательское обучение в современной генеративной форме остается редкостью. В этом контексте для России внедрение модели университета 3.0 выступает как ключевая и насущная задача, решение которой создает условия для ускорения социально-экономического развития страны.

Индекс предпосылок показывает крайне низкий потенциал Российской Федерации к его созданию в сравнении с выборкой культурно дифференцированных стран.

Решение проблемы модернизации отечественного высшего образования, в том числе формирования системы высшего образования 3.0, лежит на путях создания научной теории, содержащей его концептуальные модели, дающей фундаментальное теоретическое обоснование процессам развития и учитывающей сложные культурные и социально-экономические контексты российской реальности. Только директивно-организационные способы трансформации системы высшего образования показывают свою недостаточность и в итоге несостоятельность.

В основе модернизационных процессов высшего образования должен находиться стратегический комплекс программ развития, включающих в себя необходимые изменения в общем образовании, поскольку последнее определяет способности ученика к овладению сложной совокупностью современных знаний. Надлежит свести все многообразие государственных проектов

в области высшего образования в программы краткосрочного (3–5 лет), среднесрочного (10–15 лет) и долгосрочного (25–30 лет) развития, для которых определить действительно достижимые цели, а не амбициозные, с учетом места, которое занимает сегодня российское высшее образование.

Для полноценного исследования системы российского высшего образования и разработки аутентичных программ ее развития целесообразно создать эффективную научную организацию, обладающую автономным статусом и высококвалифицированным персоналом. Функцию принятия решений по программам развития системы высшего образования их участникам следует делегировать коллегиям, формируемым на принципах научной компетенции в области проблем высшего образования; т.е. включать в них специалистов, имеющих солидный индекс Хирша и значительный массив публикаций по релевантной тематике в научных журналах с высоким импакт-фактором. Необходимо свести к минимуму участие в работе таких коллегий и системе управления реализацией проектов дилетантов, в том числе статусных, не имеющих указанной выше научной квалификации. Главными и определяющими при выборе вузов-участников государственных проектов должны стать объективные текущие показатели деятельности, соотнесенные с целью проекта, а также их предшествующая динамика, а не планы деятельности, реализуемость которых оценить всегда трудно. Все это позволит приступить к решению задачи, поставленной в указе Президентом РФ, – к развитию в направлении современной модели высшего образования.

Стратегия перехода от модели университета 2.0, где основными задачами были обучение и исследования, к модели университета 3.0, где университет должен заниматься не только обучением и исследованиями, но и социально-экономическим развитием, должна предполагать несколько основных компонентов. Первый компонент – *социально-академический* – включает трансформацию управления и структуры университета, изменения в академической среде, учебном процессе и педагогической деятельности, опережающее научно-образовательное развитие. Второй компонент – *научно-инновационный* – связан с формированием системы открытых инноваций, центров исследовательского и технологического превосходства, развитием университета как центра инновационно-предпринимательской экосистемы. Третий компонент – *экономический* – предполагает гибкое реагирование

на рынках труда (диалог с промышленностью), ориентацию на принципы сетевой экономики, участие в программах регионального развития, управление интеллектуальной собственностью, инкорпорирование экономически перспективных элементов моделей корпоративных и мультикампусных университетов, а также коммерциализацию знаний.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аузан 2013 – Аузан А.А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 266–286.

Берестов и др. 2020 – Берестов А.В., Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В., Садчиков С.М. Вклад в проект 5–100 национальных исследовательских и федеральных университетов // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 30–45.

Время торопит... 2016 – Время торопит: В городе на Неве развивают Университет 4.0. В чем его отличие от других вузов? (2016) / подг. И. Платова и И. Жабенко // Поиск. 2016. № 30–31 (1416–1417). С. 8–9.

Ендовицкий, Коротких, Воронова 2020 – Ендовицкий Д.А., Коротких В.В., Воронова М.В. Конкурентоспособность российских университетов в глобальной системе высшего образования: количественный анализ // Высшее образование в России. 2020. № 2. С. 9–26.

Игнатов 2012 – Игнатов А.А. Роль Акта Бэя-Доуэла (Bayh-Dole Act-1980) в трансфере научных знаний и технологий из американских университетов в корпоративный сектор: итоги тридцатилетнего пути // Наука. Инновации. Образование. 2012. Т. 7. № 2. С. 159–188.

Карпов 2015 – Карпов А.О. Основные теоретические понятия общества знаний // Вестник Российской академии наук. 2015. № 9. С. 812–820.

Карпов 2017а – Карпов А.О. Современный университет как драйвер экономического роста: модели и миссии // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 58–76.

Карпов 2017б – Карпов А.О. Университет 3.0 – социальные миссии и реальность // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 114–124.

Карпов 2018а – Карпов А.О. Университеты в обществе знаний: теория творческих пространств // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 17–29.

Карпов 2018б – Карпов А.О. Возможен ли университет 3.0 в России? // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 59–70.

Карпов 2019 – Карпов А.О. Образование в отношении к истине // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 56–66.

Ключарев, Неверов 2018 – *Ключарев Г.А., Неверов А.В.* Проект «5–100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 100–116.

Мониторинг... 2016 – Мониторинг эффективности инновационной деятельности университетов России / А.С. Биккулов, В.В. Бедарева, Е.А. Головатова и др. – СПб.: Университет ИТМО; РВК, 2016.

Образование... 2022 – Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2022.

Салми, Фруммин 2013 – *Салми Д., Фруммин И.Д.* Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 25–68.

Чернова 2013 – *Чернова Т.* Мертворожденный? Новый закон об образовании попытаются реформировать // Поиск. 2013. № 35 (1265). С. 5.

Bråten 1981 – *Bråten S.* Modeller av menneske og samfunn: Bro mellom teori og erfaring fra sosiologi og. – Oslo: Universitetsforlaget, 1981.

Carayannis, Campbell 2011 – *Carayannis E.G., Campbell D.F.J.* Open Innovation Diplomacy and a 21st Century Fractal Research, Education and Innovation (FREIE) Ecosystem: Building on the Quadruple and Quintuple Helix Innovation Concepts and the “Mode 3” Knowledge Production System // Journal of the Knowledge Economy. 2011. Vol. 2. No. 3. P. 327–372.

Castells 1996 – *Castells M.* The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. – Cambridge, MA: Blackwell, 1996.

Dijk 2006 – *Dijk J. van.* The Network Society: Social Aspects of New Media. – London: Sage, 2006.

Etzkowitz 2008 – *Etzkowitz H.* The Triple Helix: University – Industry – Government. Innovation in Action. – New York: Routledge, 2008.

Etzkowitz, Leydesdorff 2000 – *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The Dynamics of Innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of University – Industry – Government Relations // Research Policy. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 109–123.

Humboldt 2010 – *Humboldt W. von.* Über die innere und äussere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin // *Humboldt W. von.* Gründungstexte. – Berlin: Der Präsident der Humboldt-Universität zu Berlin, 2010. S. 229–241.

Innovation... 2008 – Innovation Nation. – London: Department for Innovation, Universities & Skills, 2008. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/238751/7345.pdf

Jaspers 1959 – *Jaspers K.* The Idea of the University. – Boston: Beacon Press, 1959.

Kant 1979 – *Kant I.* The Conflict of the Faculties. – New York: Abaris Books, 1979.

Magna Charta Universitatum... 1988 – Magna Charta Universitatum. 1988. – URL: <https://www.magna-charta.org/magna-charta/en/magna-charta-universitatum/mcu-1988>

Roberts, Murray, Kim 2015 – *Roberts E.B., Murray F., Kim J.D.* Entrepreneurship and Innovation at MIT: Continuing Global Growth and Impact. – Cambridge, MA: MIT, 2015.

Simons 2006 – *Simons M.* “Education through Research” at European Universities: Notes on the Orientation of Academic Research // Journal of Philosophy of Education. 2006. Vol. 40. No. 1. P. 31–50.

Wellman 1979 – *Wellman B.* Community Question: The Intimate Networks of East Yorkers // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 84. No. 5. P. 1201–1231.

Wissema 2009 – *Wissema J.G.* Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. – Cheltenham: Edward Elgar, 2009.

REFERENCES

Auzan A.A. (2013). The Mission of the University: An Economist’s Perspective. *Voprosy obrazovaniya*. No. 3, pp. 266–286 (in Russian).

Berestov A.V., Guseva A.I., Kalashnik V.M., Kaminskiy V.I., Kireev S.V., & Sadchikov S.M. (2020) The Philosophy of the Knowledge Triangle: University, Industry, and Government. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 2, pp. 9–26 (in Russian).

Bikkulov A.S. et al. (2016) *Monitoring the Effectiveness of Innovation Activities of Russian Universities*. Saint Petersburg: ITMO University; RVK (in Russian).

Bråten S. (1981) *Modeller av menneske og samfunn: Bro mellom teori og erfaring fra sosiologi og*. Oslo: Universitetsforlaget (in Norwegian).

Carayannis E.G., & Campbell D.F.J. (2011) Open Innovation Diplomacy and a 21st Century Fractal Research, Education and Innovation (FREIE) Ecosystem: Building on the Quadruple and Quintuple Helix Innovation Concepts and the “Mode 3” Knowledge Production System. *Journal of the Knowledge Economy*. Vol. 2, no. 3, pp. 327–372.

Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture* (Vol. 1). Cambridge, MA: Blackwell.

Chernova T. (2013) Stillborn? The New Education Law Will Be Attempted to Reform. *Poisk*. No. 35 (1265), p. 5 (in Russian).

Department for Innovation, Universities & Skills (2008) *Innovation Nation*. Retrieved from https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/238751/7345.pdf

Dijk J. van (2006) *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London: Sage.

Endovitsky D.A., Korotkikh V.V., & Voronova M.V. (2020) Competitiveness of Russian Universities in the Global Higher Education System: Quantitative Analysis. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 2, pp. 9–26 (in Russian).

Etzkowitz H. (2008) *The Triple Helix: University – Industry – Government. Innovation in Action*. New York: Routledge.

Etzkowitz H. & Leydesdorff L. (2000) The Dynamics of Innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of University – Industry – Government Relations. *Research Policy*. Vol. 29, no. 2, pp. 109–123.

Gokhberg L.M. et al. (2022) *Education in Numbers: 2022: Brief Statistical Compendium*. Moscow: HSE University (in Russian).

Humboldt W. von (2010) On the Inner and Outer Organization of the Higher Scientific Institutions in Berlin. In *Gründungstexte* (pp. 229–241). Berlin: Der Präsident der Humboldt-Universität zu Berlin (in German).

Ignatov A.A. (2012) The Role of the Bayh-Dole Act (1980) in the Transfer of Scientific Knowledge and Technologies from American Universities to the Corporate Sector: Results of a Thirty-Year Journey. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. Vol. 7, no. 2, pp. 159–188 (in Russian).

Jaspers K. (1959) *The Idea of the University*. Boston: Beacon Press.

Kant I. (1979) *The Conflict of the Faculties*. New York: Abaris Books.

Karpov A.O. (2015). Key Theoretical Concepts of the Knowledge Society. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. No. 9, pp. 812–820 (in Russian).

Karpov A.O. (2017a) The Modern University as a Driver of Economic Growth: Models and Missions. *Voprosy ekonomiki*. No. 3, pp. 58–76 (in Russian).

Karpov A.O. (2017b) University 3.0 – Social Missions and Reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 9, pp. 114–124 (in Russian).

Karpov A.O. (2018a) Universities in Knowledge Society: Theory of Creative Spaces. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 17–29 (in Russian).

Karpov A.O. (2018b) Potentialities for the University 3.0 in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 9, pp. 59–70. (In Russian).

Karpov A.O. (2019) Education in Relation to Truth. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 56–66 (in Russian).

Klyucharev G.A. & Neverov A.V. (2018) Project “5–100”: Some Intermediate Results. *Vestnik RUDN. Series: Sociology*. Vol. 18, no. 1, pp. 100–116 (in Russian).

Magna Charta Universitatum (1988) Retrieved from <https://www.magna-charta.org/magna-charta/en/magna-charta-universitatum/mcu-1988>

Roberts E.B., Murray F., & Kim J.D. (2015) *Entrepreneurship and Innovation at MIT: Continuing Global Growth and Impact*. Cambridge, MA: MIT.

Platova I. & Zhabenko I. (Eds.) (2016) Time Hurries: The City on the Neva Develops University 4.0. What is its Difference from Other Universities? *Poisk*. No. 30–31 (1416–1417), pp. 8–9 (in Russian).

Salmi D. & Frumin I.D. (2013) How States Achieve International Competitiveness of Universities: Lessons for Russia. *Voprosy obrazovaniya*. No. 1, pp. 25–68 (in Russian).

Simons M. (2006) Education Through Research at European Universities: Notes on the Orientation of Academic Research. *Journal of Philosophy of Education*. Vol. 40, no. 1, pp. 31–50.

Wellman B. (1979) Community Question: The Intimate Networks of East Yorkers. *American Journal of Sociology*. Vol. 84, no. 5, pp. 1201–1231.

Wissema J.G. (2009) *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Cheltenham: Edward Elgar.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Трансформация социума и человека в исторической динамике

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-77-97

Оригинальная научная статья

Original research paper

Цивилизационная самоидентификация как ответ на неолиберальный кризис

В.И. Спиридонова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, связанные с преодолением кризисного состояния незападных стран, в том числе России, вызванного некритичным приятием неолиберальной универсалистской парадигмы развития на рубеже столетий. Интеллектуальной реакцией на кризис стала инициатива цивилизационной самоидентификации этих стран на основе оформления нового принципа наднациональной организации в виде «государства-цивилизации», которое воспринимается западными аналитиками как фундаментальный глобальный вызов современности, требующий общетеоретического осмысления. К настоящему времени действенных приверженцев новой модели «государства-цивилизации», по их мнению, насчитывается три: Китай, Индия, Россия. При этом утверждается, что цивилизационный поворот возник как следствие противостояния «стержневых» (по терминологии С. Хантингтона) государств однополярной гегемонии, что инициирует конфликтный потенциал развития мирового сообщества, угрожая целостности существующего евро-американского порядка. Российские исследователи, со своей стороны, отмечают негативные последствия универсалистского стремления распространить на весь мир модель «государства-нации», которое происходит в рамках логики ограниченного суверенитета и является разрушительным для России. В качестве действий по преодолению внутреннего кризиса обсуждаются переход к национально-цивилизационной форме идентичности, а также реализация идеи «россиецентричного мира». Это соответствует глобальной тенденции образования макрорегиональных «миров-цивилизаций», формирующихся на основе общности

культурных и социальных ценностей, выработанных в процессе предшествующего исторически длительного совместного существования. В статье показывается, что возрождение «цивилизационизма» происходит на фоне общемировой тенденции раскола «современности». Имеет место актуализация проекта «Восточно-вестфальского мира», именуемого «Истфальским» миропорядком, который отвергает европейский универсализм и открывает дорогу новому полицентричному мироустройству.

Ключевые слова: социальная философия, философия политики, цивилизационный поворот, неолиберализм, идентичность, «стерженное» государство, государство-цивилизация, государство-нация.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vspirid@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6774-7203>

Для цитирования: Спиридонова В.И. Цивилизационная самоидентификация как ответ на неолиберальный кризис // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 77–97. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-77-97

Civilizational Self-Identification as a Response to the Neoliberal Crisis

V.I. Spiridonova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses issues related to overcoming the crisis situation of non-Western countries, including Russia, caused by the uncritical acceptance of the neoliberal universalistic paradigm of development at the turn of the century. The intellectual response to the crisis led the initiative of civilizational self-identification of these countries based on the formation of a new principle of supranational organization in the form of a “civilization-state,” which is perceived by Western analysts as a fundamental global challenge of modernity requiring a comprehensive theoretical understanding. As of the present time, in their opinion, China, India, and Russia can be classified as “civilization states.” It is asserted that the civilizational turn emerged as a result of the opposition of the “core” states (in the terminology of S. Huntington) of unipolar hegemony, which initiates the conflict potential for the development of the world community, threatening the integrity of the existing Euro-American order. Russian researchers, for

their part, note the negative consequences of the universalistic aspiration to spread the model of the “nation-state” to the whole world, which occurs within the logic of limited sovereignty and is destructive for Russia. Actions to overcome the internal crisis discussed in the article include a transition to a national-civilizational form of identity and the implementation of the idea of a “Russian-centric world.” This corresponds to the global trend of forming macro-regional “civilization-worlds” based on common cultural and social values developed during a long period of coexistence. The article demonstrates that the revival of “civilizationalism” is taking place against the background of the worldwide trend of the split of modernity. There is an actualization of the project of the “East-Westphalian system,” called the “Eastphalian” world order, which rejects European universalism and opens the way to a new multipolar world order.

Keywords: social philosophy, philosophy of politics, civilizational turn, neoliberalism, identity, core states, civilization-state, nation-state.

Valeria I. Spiridonova – D.Sc. in Philosophy, Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vspirid@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6774-7203>

For citation: Spiridonova V.I. (2023) Civilizational Self-Identification as a Response to the Neoliberal Crisis. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 77–97.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-77-97

Введение

Кризисное состояние России на переломе столетий было связано прежде всего с тем, что она в конце прошлого века отказалась от поиска и осмысления самостоятельного пути развития, производного от культурно-исторических и геосоциальных предпосылок ее духовного строя, претендуя на то, чтобы стать частью «универсальной общечеловеческой» парадигмы развития, а по сути, евро-американского варианта цивилизации. Такой процесс, получивший название «вестернизация», с неизбежностью привел к тому, что страна стремительно превращалась в «ложно-культурное образование», которое О. Шпенглер некогда охарактеризовал как историческую «псевдоморфозу».

Помимо угрозы потери идентичности, социально-культурной деструкции своего бытия Россия ступила на путь неизбежного

«выпадения из истории» в историософском плане, потери суверенитета в реально политическом измерении, национального самоуничтожения в культурном и социоантропологическом контексте. Процесс усугублялся тем, что к концу XX столетия европейская цивилизация, претендующая на то, чтобы стать исходной матрицей для мира, стала говорить на языке неоанглосаксонской политики с ее мессианским стремлением американизировать все и вся, отягощенным радикальной агрессивностью в отношении непокорных «новообращенных». Это относилось прежде всего к России, давнего оппонента и постоянного «геополитического врага» США, по их же собственному определению.

Приведенный тезис был глубоко интегрирован и в американскую политику, и в американскую повседневность. Как свидетельствует профессор международных отношений Лондонской школы экономики и политических наук К. Коукер, до сих пор «многие американцы мыслят о России в “завоевательном” духе, словно Россия – это стратегический приз, который надо получить... Дескать, разве Россия – это не еще одна потерпевшая поражение страна, которая хотя и не подверглась в 1945 году оккупации, как Германия или Япония, но все же может быть присоединена к западному миру?» [Коукер 2000].

Таким образом, не стоит удивляться мощной волне развернувшейся русофобии, охватившей практически одномоментно все евро-американское цивилизационное пространство и смежную зону влияния, как только был нажат спусковой крючок нового общемирового конфликта в феврале 2022 года, когда Россия открыто сделала заявку на отстаивание своих интересов и укрепление государственного суверенитета, стремясь утвердить собственный путь цивилизационного развития.

Острота современного политического момента и складывающейся в результате новой ситуации в мире не только не устраняет, но, напротив, делает чрезвычайно актуальной необходимость осмысления новых возможностей и новых форм государственного существования, которые рождаются в преобразующейся на наших глазах мировой реальности. И в этом отношении важным представляется возобновление на новом этапе исторического развития анализа российской ситуации в рамках цивилизационной перспективы исследований, начало которой положил великий

русский ученый Н.Я. Данилевский. Такие работы в современном научном сообществе ведутся, и они помогают осмыслить значимость новейшей цивилизационной вариации государственности, получившей название «государство-цивилизация» [Паршин 2009; Россия как государство-цивилизация... 2016; Спиридонова, Соколова, Шевченко 2016].

Концепт «государство-цивилизация» как попытка самоопределения народов незападного мира

Интеллектуальной реакцией на общемировой социально-политический кризис последних десятилетий стали научные поиски новой методологии для анализа происходящих процессов, результатом которых послужило возрождение интереса к цивилизационному подходу. Цивилизационный анализ действительности позволяет в условиях общей нестабильности и неустроенности мирового порядка, который мы сегодня переживаем, обрести устойчивость, структурное и социальное равновесие, преодолеть ценностный хаос и найти свое место в мире. Как отмечает М.М. Мчедлова, «сама идея цивилизации, возникшая во времена античности, была связана с наличием социальной упорядоченности, прежде всего в городе и государстве» [Мчедлова 2020, 5]. Именно цивилизационное измерение дает возможность отыскать концептуальные, идеологические и практически-политические решения для создания новой формулы существования, в том числе и современной России.

В теоретическом и практически-политическом плане одним из следствий цивилизационного поворота послужило оформление нового принципа наднациональной организации – «государства-цивилизации». Возникновение этого феномена, по мнению большинства западных исследователей, стало реакцией западных стран на однополярную гегемонию и тотальное распространение неолиберализма. Аналитик-исследователь канадской Ассоциации НАТО Анвеш Джейн пишет: «Модель государства-цивилизации представляет собой поистине сейсмический сдвиг в отношении к тому, каким образом различные общества воспринимают современные глобальные отношения власти, выстроенные в соответствии с либеральной парадигмой 1945–2016 годов и являющиеся следствием процесса интернационализации системы европейских государств в течение предшествующих двух столетий» [Jain 2021, 94]. В работе, посвященной сравнительному анализу сложившихся

моделей «государства-цивилизации», он выделяет три таких модели: китайскую, российскую и индийскую. Анвеш Джейн настаивает на том, что настало время заняться созданием общей теории государства-цивилизации, поскольку это явление представляет собой фундаментальный глобальный вызов современности, а также потому, что, помимо указанных новых центров развития, принявших цивилизационную парадигму, усиливается тенденция к ее распространению среди менее крупных мировых игроков. С этой точки зрения, кроме наметившейся перспективы эволюции европейского региона, который, как считают многие авторы, вероятнее всего, пойдет по пути создания своего, европейского «государства-цивилизации», очевидным становится предстоящее возникновение «государств-цивилизаций» «второго порядка», территориально не таких обширных, как Китай, Россия и Индия. Среди них – Египет [Soliman 2021], Израиль, Греция, страны Латинской Америки [Jain 2021].

Модель государства-цивилизации, помимо радикального ответа на главный внешнеполитический вызов современности (неоколониальную структуру неолиберального мирового порядка), во внутривнутриполитическом поле нацелена на решение проблемы консолидации поликонфессионального и мультинационального населения в рамках «сверхбольших пространств», путем переосмысления традиционных социально-культурных «эпистемологий в новых гипермодернистских рамках» [Jain 2021, 93]. По единодушной оценке западных исследователей, появление государств-цивилизаций предполагало начало раскола мира по цивилизационным основаниям, о котором несколько лет назад возвестила теория «столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона. По общему признанию, он вернул в политическое повествование идею цивилизации. Но одновременно дискуссия сместилась в плоскость, в которой акцентировался якобы исконно существующий конфликтный потенциал, присущий взаимодействию цивилизаций.

Следует, однако, отметить, что, кроме актуализации идеи конфликта, в работе С. Хантингтона содержится ряд критических замечаний в отношении действий Запада, провоцирующего такую конфликтность. В своей книге он утверждает: «Западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к крупной межкультурной войне между стержневыми государствами, и он опасен для Запада, потому что может привести к пораже-

нию Запада» [Хантингтон 2006, 508]. С. Хантингтон был одним из первых, кто воскресил тезис о пределах распространения западной цивилизации, которая вовсе не является универсальным общечеловеческим сценарием развития стран и народов. Более того, присущая ей агрессивность в насаждении своих ценностей, на которую указывали Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, порождает сопротивление «стержневых» государств, являющихся наиболее яркими и сильными представителями крупнейших цивилизаций. При этом активируются цивилизационные разломы, которые составляют «красные линии» наступления и продвижения универсалистской парадигмы на территорию других, неевропейских цивилизаций.

Теория С. Хантингтона позволила также уйти от размышления о цивилизации в жестких рамках дуализма «цивилизация – варварство», порожденного прогрессизмом Просвещения, который и детерминировал одновекторное развитие мира и человечества, принявшего облик безальтернативного выбора в пользу европейского паттерна. Дефиниция цивилизации, предложенная С. Хантингтоном, открывает перспективу разнообразия мирового развития, формирования мировой многосубъектности, которая сегодня набирает силу и которая к настоящему моменту выражена, в частности, в виде приверженности ряда стран к идее государства-цивилизации. Согласно его трактовке, цивилизация – это «наивысшая культурная общность людей и самый высокий уровень культурной идентичности... Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей... Цивилизации – это самые большие “мы”, внутри которых каждый себя чувствует в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных “них”» [Хантингтон 2006, 48–49]. Из этой дефиниции однозначно следует, что основу грядущего миропорядка составит принцип культурной идентичности, объединения человеческих общностей на основе социально-исторической идеи общей судьбы и сформировавшихся в результате близких культурных ценностей, а не приверженность политическим и идеологическим мотивам, которые были фундаментом предшествующего двухполярного мироустройства, а затем однополярной гегемонии.

Концепт «государства-цивилизации» активно вошел в мировую теорию и в мировую политику после выхода в свет в 2008 году

книги британского исследователя Мартина Жака, который длительное время преподавал в университетах Китая и Японии, а сегодня является научным сотрудником Центра дипломатии и большой стратегии Лондонской школы экономики. В своей монографии под симптоматичным названием «Когда Китай правит миром: конец Западного мира и рождение Нового мирового порядка» он утверждал, что Китай невозможно понять через призму западного восприятия, в центре которого находится идея «национального государства», поскольку Китай лишь в угоду Западу называл себя таковым. По словам М. Жака, это – «только верхний слой почвы». В действительности «геологическая структура Китая – это структура цивилизационного государства» [Jacques 2012, 197]. Он является государством-цивилизацией с точки зрения истории, культуры, идентичности и образа мышления. Концепция Китая как «государства-цивилизации» наиболее полно была проработана китайским исследователем Чжаном Вэйвэем в работе под названием «Китайская волна: подъем цивилизационного государства», которая стала мировым бестселлером [Zhang 2012]. Стремясь дистанцироваться от евро-американской неолиберальной концепции, Ч. Вэйвэй выстраивает анализ китайской цивилизационной модели, критически противопоставляя ее западной интерпретации демократии, государственности и политической культуры.

Популярность нового понятия растет и в современной Индии. Как утверждает профессор Кембриджского университета Джайдип Прабху, «концепция государства-цивилизации становится одним из терминов, которые звучат все громче по мере того, как политическая судьба партии Бхаратия Джаната набирает обороты» [Prabhu 2014]. Индия, как пишет Абхинав Пракаш Сингх, доцент Делийского университета, является «уникальным цивилизационным государством. В настоящее время большинство географически смежных частей объединены под единой политической властью, и это политическое объединение оправдывается общим цивилизационным наследием» [Singh 2016]. Индийское чувство идентичности проистекает не из прошлого века, когда страна формально начала позиционировать себя как национальное государство, а из цивилизационной преемственности последних нескольких тысячелетий, и потому она должна опираться на собственную культуру, а не на западные концепции научного рационализма.

В России, стремящейся к восстановлению национального суверенитета, понятие «государства-цивилизации» рассматривается и как возможный вариант осмысления своего места в мировом сообществе. На этот аспект проблемы стали обращать внимание и западные исследователи, особенно после того, как в 2013 году термин «государство-цивилизация» применительно к России использовал В.В. Путин [Pabst 2019; Jain 2021; Therborn 2021]. Акцентируя «биконтинентальный панъевразийский характер российского государства-цивилизации» [Jain 2021, 110], Анвеш Джейн задается вопросом о том, каким образом реализация новой евразийской идентичности может повлиять на внешне-политический курс России и на целостность существующего евро-американского порядка. Но в работах российских ученых первостепенными являются размышления о возможностях, которые открывает новая формула существования для разрешения затянувшегося внутреннего кризиса идентичности, о том, какие перспективы она создает для ответа на исторические вызовы, стоящие перед страной.

Российская рефлексия по поводу идеи «государства-цивилизации»

Проблему «государства-цивилизации» в российском научном сообществе рассматривают в различных аспектах. Каждый в своей области решает назревшие проблемы поликонфессиональности, многонациональности и связанного с ними переосмысления общероссийской идентичности в новых условиях.

Один из важнейших вопросов современности – глобальный кризис института государства в рамках мироустройства, сложившегося после Вестфальского мира. Его фундаментальным строительным блоком долгое время считалось «государство-нация», которое стало подвергаться эрозии в эпоху глобализации. Как считает В.Э. Багдасарян, главный удар этого кризиса пришелся даже не на модель государства-нации как таковую, которая была закреплена Французской революцией, а на неоправданную универалистскую интенцию распространения этой модели «в дальнейшем на весь мир. Сегодня проявляется кризис именно этой экстраполяции» [Багдасарян 2011]. В Европе идея национальной государственности имела позитивные интеграционные последствия. Благодаря ей из этно-племенных образований сложились все современные нации. Эта история повторилась с некоторыми

вариациями в Новом Свете, где этнический «плавильный котел» способствовал конструированию новой интеграционной общности американцев. На Востоке, в частности в России доминировал другой тип государственности, характерный для «больших пространств» (империи), которые соотносились с «ареальным масштабом соответствующих цивилизаций» и потому изначально представляли собой иной тип устройства – устройство «государства-цивилизации» [Багдасарян 2014, 48]. Для наднациональных структур такого типа восприятие модели национального государства было разрушительным, что и проявилось в распаде СССР, когда был «включен механизм цивилизационного раздробления» [Багдасарян 2014, 48].

О губительности модели «государства-нации» для конкретных условий России убедительно пишет Р.Р. Вахитов. Такое образование, являясь исконным европейским институтом, будучи вырванным из естественной социальной среды и формальным образом насажденным в иной культурной реальности, с неизбежностью разрушает эту реальность. При этом умышленно используется ложное сравнение российского государства с западными колониальными империями. Навязчиво обвиняя Россию в стремлении вернуть «имперские амбиции», используя негативную коннотацию понятия империи, ее подводят к сценарию неизбежности раздела на небольшие мононациональные территории. Эта аберрация носит целенаправленно разрушительный характер.

Проблема состоит в том, что существует фундаментальное различие между западными, колониальными по своей сути империями, в которых монополии и подопечные колонии никогда не существовали в одном социально-историческом контексте, способном выработать общие ценности, единую культуру, и российскими реалиями – одного большого пространства разных этносов, объединенных общей судьбой. По мнению Р.Р. Вахитова, «строго говоря, западные империи колониального типа не являлись и империями в полном смысле слова – они были теми же «государствами-нациями с довеском инородческих территорий, никак культурно не связанных с метрополией» [Вахитов 2005]. Покоренных индусов или алжирцев не объединяла с англичанами и французами ни общая культура, ни общая историческая судьба – общая цивилизация, тогда как именно это составляло фундамент единого евразийского государственного простран-

ства в России. Р.Р. Вахитов пишет: «Сама природа органической цивилизации состоит в том, что эта цивилизация строится по принципу всеединства. Это значит, что каждый мельчайший элемент такой цивилизации несет в себе все многообразие этой цивилизации» [Вахитов 2005]. Многонациональность в России носит иной характер, нежели европейский мультикультурализм, порожденный миграционной проблемой. Последняя решается через ассимиляцию вновь прибывшего инокультурного населения, через фактическое поглощение одной культуры другой. В рамках российского государства на протяжении его истории проблема сосуществования народов и этносов регулировалась через сохранение всех культурных особенностей и через взаимопросачивание культур, что и создало в итоге качество органического единства, всеединство иного, «соборного» типа.

Неприемлемость модели «государства-нации» для России особенно явно стала проявляться в настоящей конфликтной геополитической ситуации, поскольку эта модель в условиях глобализации и однополярной гегемонии разворачивается в «логике ограниченного суверенитета». О последствиях такой логики писал несколько лет назад М.В. Ремизов, анализируя концепцию государства-цивилизации с этой точки зрения. Сегодня мы обладаем уникальной возможностью убедиться в том, что ключи от суверенитета даже развитых европейских государств, не говоря уже о марионеточных режимах, лежат за океаном, на гегемонистском Олимпе. Суверенитет России в случае принятия модели «государства-нации» был бы не только ограниченным, но «условным» и второсортным, т.к. она не входит в ядро того цивилизационного проекта, с которым связаны принципы Просвещения и Французской революции, как справедливо считает М.В. Ремизов [Ремизов 2005, 58]. Держатель «цивилизационного стандарта» в данной ситуации волен решать судьбу любого государства, что, очевидно, делает развитие такого государства полностью зависимым и несамостоятельным, обрекая его на вечную вторичность и недоразвитость. С этой точки зрения задача России состоит в том, чтобы выработать собственный цивилизационный стандарт, стать «самореферентной» системой.

Сегодня, когда Россия наряду с другими государствами «больших пространств», в частности с Китаем и Индией, обратилась к цивилизационной модели развития, для нее откры-

вается перспектива новой консолидации. Одной из проблем в связи с этим служит анализ сопряженности политической формы с идентичностью. А.В. Лубский полагает, что политической форме государства-цивилизации соответствует новая форма идентичности – национально-цивилизационная, которая должна прийти на смену сформировавшейся ранее в России национально-государственной идентичности. Последняя, оставаясь в этническом поле, продолжала испытывать сильную конкуренцию со стороны этнонациональной идентичности, представляющей угрозу национальной целостности и безопасности России. Вместе с тем концепция национально-государственной идентичности теоретически уязвима, потому что представлена двумя господствующими изолированными направлениями – конструктивистским и эссенциалистским, каждое из которых в отдельности видится недостаточным для полноценного анализа формирующегося состояния российской государственности. Новая форма идентичности с цивилизационным акцентом генерируется двумя главными ресурсами конструктивистского и эссенциалистского подходов – информационным воздействием и культурной актуализацией, что позволяет преодолеть недостатки этих двух ракурсов анализа и обеспечить создание устойчивой консолидации общества [Лубский 2015]. Речь идет о разработке принципиально новой методологии, сочетающей в себе изменчивость, контекстность конструктивизма и устойчивость фундаментальных культурных смыслов эссенциализма.

Укоренение идеи государства-цивилизации в международном пространстве сегодня принимает форму создания крупных региональных межгосударственных объединений, когда «стержневое государство» выступает центром притяжения для культурно и ценностно родственных соседних государств. Пионером в данном случае выступает Китай, который активно формирует т.н. синосферу (*Sinosphere*) [Fogel 2009]. Ее цивилизационным фундаментом служит китайская иероглифическая письменная традиция. К области «синосферы» западные авторы причисляют культуры Кореи, Японии, Вьетнама [Therborn 2021]. Одновременно индийские исследователи обсуждают актуальность существования «цивилизационной ткани Бхарата, объединяющей огромный субконтинент, связанный локальной историей и традицией с цивилизацией ариев» [Sai Deepak 2020; Sai Deepak 2021].

О практической неизбежности и необходимости становления более широкой сферы цивилизационного влияния российского «стержневого» государства на окружающие его народы пишет Б.В. Межуев, который рассматривает проблему формирования «россиецентричного мира» как современного этапа эволюции российского «государства-цивилизации» в рамках обращения к «цивилизационному реализму». В ситуации нарастающей конфликтности, как отмечает Б.В. Межуев, проблема осознания и актуализации России как цивилизационного феномена, отличного от Запада, как «особой цивилизации со своей собственной орбитой и силой притяжения» становится проблемой ее выживания, сохранения как самостоятельного суверенного государства [Межуев 2019, 8]. Современный вызов многообразия цивилизаций – долговременное последствие зашедшего слишком далеко и неостановимого процесса секуляризации западной универсалистской морали, по мнению Б.В. Межуева, которая привела к расколу во взглядах на представления о значимости традиционной религии в жизни общества, на вопросы о приемлемости избранных прогрессистским авангардом Евроатлантики путей решения проблем сексуальных девиаций, гендерных особенностей, прав сексуальных меньшинств, прав детей и т.п. В этом контексте с начала усиления позиций российского государства в мире, особенно с момента формулирования иной, нежели европейская, системы ценностей, Россия превращается в альтернативный центр, обладающий собственным «гравитационным» полем для других государств. Особенно остро эта ситуация сказывается на государствах периферийной зоны, расположенных ввиду своего географического положения между двумя полюсами, что ведет к неизбежному тестированию их на раскол. Этот тезис иллюстрируют напряжения и неопределенности, наблюдавшиеся на Украине, в Молдове, Грузии.

Очевидным становится, что по мере укрепления места России в мире для этих стран возникает возможность выбора, и они получают шанс на иное самоопределение, нежели европейское. Эта ситуация в миниатюре отражает современную общемировую тенденцию раскола модерна и активного формирования модели современности, альтернативной западной, тенденции, которая набирает особую силу после восхождения Китая, подкрепленного действиями по восстановлению суверенности России.

Раскол современности

Сегодня оспаривается не только идея «национального государства». Сомнению подвергается уникальность и единственность европейской современности. Это явление Мартин Жак назвал «оспариваемой современностью» («a new era of “contested modernity”»), «расколом современности» [Jacques 2012, 100–102] и датировал его наступление моментом, когда Китай заявил о себе как о «государстве-цивилизации».

Длительное существование идеи единого модерна связано с историографически углубленным исследованием исключительно западной цивилизации, которая в результате этого стала воспринимать себя как «цивилизацию в единственном числе», как точку отсчета для любого иного эволюционного движения. Прогрессистская парадигма Просвещения подготовила линейную дихотомию «цивилизация – варварство», которая стала на длительное время шкалой для сравнения культур мира, утверждая в качестве образца европейский тип развития. Однако с подъемом других государств обнаружено, что они не менее жизнеспособны, хотя и устроены на иных, нежели европейская модель, социально-культурных основаниях. Вместо концепции единой современности возникла идея множества вариаций «современности» [Эйзенштадт 2010; Арнасон 2021].

С подъемом Китая, который на наших глазах становится экономически самой мощной державой мира, энергично принимающей эстафету технического гения Европы, уже трудно согласиться с утверждением о том, что все существующие в настоящее время локальные «цивилизации» предстают как «подготовительные фазы или ступени» [Межуев 2016, 45] универсального западного цивилизационного идеала. Сложно представить, как современный Китай может быть всего лишь «фазой» или «ступенью» такой эволюционной лестницы. Если переход «факела прогресса» от Европы к Америке еще можно было объяснить в рамках единой западной или евро-американской парадигмы, то восточноазиатский успех рушит всю модернизационную схему с евро-американским образцом в качестве идеала и вершины развития. Возникает ощущение несоразмерности изложенного подхода, конфликта универсалистской абстракции с действительностью, поскольку подобная иерархическая эволюционная пирамида, если бы она реально существовала, неминуемо рухнула бы в одночасье под тяжестью и мощью одной лишь своей китайской «ступени».

Поэтому приятие аналитической посылки о множественности цивилизаций выглядит сегодня как логичный этап перехода от европейского варианта модерна к иным его вариантам, которые могут и должны сосуществовать единовременно.

В этом контексте уместна объяснительная схема Ф. Броделя, который рассуждал о присутствии в мире «спящих» цивилизаций, до определенного времени не принимающих участия во «времени мира» – общемировом развитии. К таким «молчащим» до поры «мирам-цивилизациям» он причислял Китай, Россию, Индию, Турцию [Бродель 1992, 8, 473]. Мощное вступление в мировую историю именно этих государств и окружающих их региональных пространств мы видим сегодня. Все они предполагают основой своего грядущего существования цивилизационный фундамент как особую культурно-историческую констелляцию ценностей и характеристик.

Более того, наблюдается определенное сближение между тремя крупнейшими государствами – Китаем, Россией и Индией – по многим позициям, главная из которых состоит в противодействии гегемонистскому варианту глобализации с жестким всемирным диктатом США. Стремление преодолеть доминирование западной модели породило первые размышления о возможности рождения нового «Истфальского» порядка (*Eastphalia*), идущего на смену Вестфальскому [Fidler 2010]. О том, что мир вступает в «поствестфальский период», стали говорить после холодной войны, особенно с того момента, когда усилилось ощущение упадка роли США в мире и возвышения Китая. Поэтому в такого рода предварительном анализе главную роль играет сравнение европейских ценностей преимущественно с китайскими. Это не означает, что азиатские страны, в частности Китай и Индия, будут доминировать в мире через ту или иную форму новой азиатской гегемонии. Предполагается, что появление «Восточно-вестфальского мира», концептуально оформленного как «Истфалия», или «Истфальский порядок», должно положить «конец краткой интерлюдии европейского универсализма» [Ginsburg 2009, 2]. Вместе с тем известная осторожность восточного подхода, предпочитающего сохранение гармонии как основы международного права, а также стремление не провоцировать конфликты приводят исследователей к выводу о том, что общая атмосфера международной напряженности должна сократиться.

Главное заключение о возможном торжестве «Истфалии» состоит в том, что «Азиатский век может стать веком многополярным» [Ginsburg 2009, 19]. Это означает, как подытоживает профессор права Чикагского университета Т. Гинзбург, что «Истфалия может оказаться, по сути, той же Вестфалией, но только без универсализма – более доброй, нежной Вестфалией» [Ginsburg 2010, 45]. В целом указанные процессы свидетельствуют о том, что кризис неолиберализма достиг кульминационной точки, и сегодня решается судьба обновленного образа мира, в котором ведущая роль будет принадлежать не одному мировому «стержневому» государству, диктующему условия существования остальным, а мировому консенсусу нескольких представителей крупнейших цивилизаций планеты.

Заключение

По прошествии времени стало очевидным, что обращение к формуле «государства-цивилизации» было для незападных стран, в том числе и для России, началом осмысления себя в рамках более широкого цивилизационного подхода, который, в свою очередь, послужил симптомом поворота к формированию нового мирового порядка, подразумевающего многоцивилизационность как фундамент своего бытия. Как и во времена Н.Я. Данилевского, импульсом к переосмыслению смысла своего существования и исторических перспектив стал острый кризис старого мирового порядка, положивший начало концептуальному столкновению России и Запада. Вызов, брошенный американскому «стержневому» государству новыми политическими формами, обозначаемыми как «государства-цивилизации» и полноценно представленными к настоящему моменту тремя мировыми державами (Россией, Китаем и Индией), открывает дорогу новому полицентричному мировому порядку. Подтверждением реализации именно такого сценария эволюции мира стала наметившаяся в последние десятилетия тенденция образования обширных «цивилизационных зон», объединяющих несколько культурно близких стран. В конкретных политических контекстах они первоначально получили различные наименования: «русский мир», китайская «синосфера», цивилизация ариев (государство бхаратов). Однако суть их заключается в собирании, объединении и укреплении «больших пространств» с близкой культурной идентичностью, которые, очевидно, способствуют перерастанию «государств-

цивилизаций» в обширные зоны – в подлинные цивилизационные региональные «миры-цивилизации». И именно поэтому актуальным становится переосмысление на новом историческом материале основ существования, экзистенциальных смыслов «стержневых» государств-цивилизаций современного мира, прежде всего России.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арнасон 2021 – *Арнасон Й.* Цивилизационные паттерны и исторические процессы. – М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Багдасарян 2009 – *Багдасарян В.Э.* Россия как государство-цивилизация // Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме. Материалы постоянно действующего семинара. Вып. 1 / пред. науч.-ред. совета В.И. Якунин. – М.: Научный эксперт, 2009. С. 102–106.

Багдасарян 2014 – *Багдасарян В.Э.* Нацестроительство или империстроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2014. № 1. С. 47–50.

Бродель 1992 – *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. – М.: Прогресс, 1992.

Вахитов 2005 – *Вахитов Р.* Государство-нация или государство-цивилизация // ContrTV. 2005. – URL: <http://www.contrtv.ru/common/1211>

Коукер 2000 – *Коукер К.* Сумерки Запада // Иностранная литература. 2000. № 5. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/5/sumerki-zapada.html>

Лубский 2015 – *Лубский А.В.* Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 30–45.

Межуев 2016 – *Межуев В.М.* Цивилизация или цивилизации? (к спорам вокруг понятия цивилизации) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 40–52.

Межуев 2019 – *Межуев Б.В.* «Цивилизационный реализм» как шанс на возвращение теории к реальной политике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Философия. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 6–26.

Мчедлова 2020 – *Мчедлова М.М.* Понятие «цивилизация»: история и методология // Русская (славянская) цивилизация: история, реалии,

перспективы. Аналитико-прогностический аспект. – М.: Международная академия методологии государственного управления, 2020. С. 5–13.

Паршин 2009 – *Паршин П.Б.* Государство и цивилизация в современных международных отношениях. – М.: МГИМО. 2009.

Ремизов 2005 – *Ремизов М.В.* Проект «государство-цивилизация» // Конституция России. Проект Института национальной стратегии. – М.: Институт национальной стратегии, 2005. С. 55–70.

Россия как государство-цивилизация... 2016 – Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития / отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров. – М.: Институт наследия, 2016.

Спиридонова, Соколова, Шевченко 2016 – *Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н.* Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. – М.: ИФ РАН, 2016.

Хантингтон 2006 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2006.

Эйзенштадт 2010 – *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html>

Fidler 2010 – *Fidler D.* Introduction: Eastphalia Emerging? Asia, International Law, and Global Governance // Indiana Journal of Global Governance. 2010. Vol. 17. No. 1. P. 1–12.

Fogel 2009 – *Fogel J.A.* Articulating the Sinosphere: Sino-Japanese Relations in Space and Time. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

Ginsburg 2010 – *Ginsburg T.* Eastphalia as a Return to Westphalia // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2010. Vol. 17. No. 1. P. 27–45.

Jacques 2012 – *Jacques M.* When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. – London: Penguin Books, 2012.

Jain 2021 – *Jain A.* Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2021. Vol. 4. No. 3. P. 93–125.

Pabst 2019 – *Pabst A.* China, Russia and the Return of the Civilisational State // The New Statesman. 2019, May 8. – URL: <https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>

Prabhu 2014 – *Prabhu J.A.* Why the Idea of India as a ‘Civilisational’ State Will Simply Not Fly // Firstpost. 2014, December 8. – URL: <https://www.firstpost.com/india/idea-india-civilisational-state-will-simply-fly-1839641.html>

Sai Deepak 2020 – *Sai Deepak J.* Bharat: An Indic Civilisation State // The Daily Guardian. 2020, June 5. – URL: <https://thedailyguardian.com/bharat-an-indic-civilisation-state/>

Sai Deepak 2021 – *Sai Deepak J.* India That Is Bharat: Coloniality, Civilization, Constitution. – New Delhi: Bloomsbury Publications, 2021.

Singh 2016 – *Singh A.P.* New Paradigm For India: From Nation-State To Civilizational-State // Swarajya. 2021, March 21. – URL: <https://swarajyamag.com/books/new-paradigm-for-india-from-nation-state-to-civilizational-state>

Soliman 2021 – *Soliman M.* The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt's Civilization-State // Middle East Institute. 2021, September 16. – URL: <https://www.mei.edu/publications/return-pharaohs-rise-egypts-civilization-state>

Therborn 2021 – *Therborn G.* States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 225–242.

Zhang 2012 – *Zhang W.W.* The China Wave: The Rise of a Civilizational State. – Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012.

REFERENCES

Arnason J. (2021) *Civilizational Patterns and Historical Processes*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (Russian translation).

Bagdasaryan V.E. (2009) Russia as a State-Civilization. In: Yakunin V.I. (Ed.) *Geoeconomic Formula of World Order: Russia in the New Universe. Materials of the Ongoing Seminar* (Vol. 1, pp. 102–106). Moscow: Nauchnyy ekspert (in Russian).

Bagdasaryan V.E. (2014) Nation-Building or Empire-Building: A Fork in Approaches. *Problem Analysis and Public Administration Projection*. No. 1, pp. 47–50 (in Russian).

Braudel F. (1992) *The Wheels of Commerce: Civilization and Capitalism, 15th–18th Century*. Vol. 3: *The Time of History*. Moscow: Progress (Russian translation).

Coker C. (2000) Twilight of the West. *Inostrannaya literatura*. No. 5. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/5/sumerki-zapada.html> (Russian translation).

Eisenstadt S. (2010) Breakdowns of Modernization. *Neprikosnovennyy zapas*. No. 6. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html>

Fidler D. (2010) Introduction: Eastphalia Emerging? Asia, International Law, and Global Governance. *Indiana Journal of Global Governance*. Vol. 17, no. 1, pp. 1–12.

Fogel J.A. (2009) *Articulating the Sinosphere: Sino-Japanese Relations in Space and Time*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Ginsburg T. (2010) Eastphalia as a Return to Westphalia. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Vol. 17, no. 1, pp. 27–45.

Huntington S. (2006) *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST (Russian translation).

Jacques M. (2012) *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books.

Jain A. (2021) Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, Vol. 4, no. 3, pp. 93–125.

Lubskiy A.V. (2015) State-Civilization and National-Civilizational Identity in Russia. *Gumanitarniy yuga Rossii*. No. 2, pp. 30–45 (in Russian).

Mchedlova M.M. (2020) The Concept of “Civilization”: History and Methodology. In: *Russian (Slavic) Civilization: History, Realities, Prospects. Analytical and Forecasting Aspect* (pp. 5–13). Moscow: International Academy of Methodology of Public Administration (in Russian).

Mezhuev V.M. (2016) Civilization or Civilizations? (On the Disputes about the Concept of Civilization). *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 2, pp. 40–52 (in Russian).

Mezhuev B.V. (2019) “Civilizational Realism” as a Chance for the Return of Theory to Real Politics. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series: Philosophy. Abstract Journal*. No. 4, pp. 6–26 (in Russian).

Pabst A. (2019, May 8) China, Russia and the Return of the Civilisational State. *The New Statesman*. Retrieved from <https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>

Parshin P.B. (2009) *State and Civilization in Modern International Relations*. Moscow: MGIMO (in Russian).

Prabhu J. A. (2014, December 8) Why the Idea of India as a ‘Civilisational’ State Will Simply Not Fly. *Firstpost*. Retrieved from <https://www.firstpost.com/india/idea-india-civilisational-state-will-simply-fly-1839641.html>

Rastorguev V.N. (Ed.) (2016) *Russia as a State-Civilization: Higher Goals and Development Alternatives*. Moscow: Institute naslediya (in Russian).

Remizov M.V. (2005) The Project of State-Civilization. In: *Constitution of Russia. Project of the Institute of National Strategy* (pp. 55–70). Moscow: Institut natsional’noy strategii (in Russian).

Sai Deepak J. (2020, June 5) Bharat: An Indic Civilisation State. *The Daily Guardian*. Retrieved from <https://thedailyguardian.com/bharat-an-indic-civilisation-state/>

Sai Deepak J. (2021) *India That Is Bharat: Coloniality, Civilization, Constitution*. New Delhi: Bloomsbury Publications.

Singh A.P. (2016, March 21) New Paradigm For India: From Nation-State To Civilizational-State. *Swarajya*. Retrieved from <https://swarajyamag.com/books/new-paradigm-for-india-from-nation-state-to-civilizational-state>

Soliman M. (2021, September 16) The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt's Civilization-State. *Middle East Institute*. Retrieved from <https://www.mei.edu/publications/return-pharaohs-rise-egypts-civilization-state>

Spiridonova V.I., Sokolova R.I., & Shevchenko V.N. (2016) *Russia as a State-Civilization: A Philosophical and Political Analysis*. Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Therborn G. (2021) States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14, no. 2, pp. 225–242.

Vakhitov R. (2005) Nation-State or Civilization-State. *ContrTV*. Retrieved from <http://www.contrtv.ru/common/1211> (in Russian).

Zhang W.W. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation.

Идеи Гегеля и Энгельса в контексте теории самоорганизации*

Г.Г. Малинецкий

*Институт прикладной математики имени М.В. Келдыша,
Москва, Россия*

В.Э. Войцехович

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

И.Н. Вольнов

Московский политехнический университет, Москва, Россия

Аннотация

Философия природы – исследование природы в ее целостности, – как стало ясно в последней трети XX века, самым тесным образом связана с таким междисциплинарным подходом, как теория самоорганизации, или синергетика. Новое понимание реальности и этого подхода становится очевидным при сопоставлении панлогизма Г.В.Ф. Гегеля, диалектического материализма Ф. Энгельса, опиравшихся на научные достижения XIX века, с современными проблемами естествознания. Это сравнение оправдано, поскольку и Гегель, и Маркс с Энгельсом сформировали свои мировоззрения, оказавшие огромное влияние на развитие цивилизации в XX веке, а синергетика, по-видимому, станет ядром научной картины мира, формирующейся в настоящее время. Наследие классиков философии важно в развитии теории самоорганизации. Гегель поставил и исследовал вопрос о саморазвитии сложных систем и на этом основании изучал культуру. С этой позиции он, безусловно, относится к предтечам синергетики. Важен его взгляд на философию и методологию науки как инструмент рефлексии в пространстве знания. Эволюционный подход, который Энгельс рассматривал как одно из главных достижений науки XIX века, стал сегодня основой многих научных дисциплин, в т.ч. самой синергетики. Установка философа на поиск элементарных сущностей, опираясь на знание о которых, можно было бы выявить свойства целого, стала ведущим вектором развития науки XX века. Вместе с тем проблемы, стоящие перед человечеством, кардинально изменили пространство

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-511-00003.

научного знания. В центре внимания оказались законы взаимодействия элементарных существ и связанная с ними проблематика структур, хаоса и самоорганизации. Намного более важной, чем представлялось классикам, оказалась роль математического моделирования, внутри-научной рефлексии и больших проектов. Происходящая гуманитарно-технологическая революция заставляет давать новые ответы на глубокие и значимые вопросы, которые поставили Гегель и Энгельс.

Ключевые слова: философия природы, панлогизм, диалектический материализм, самоорганизация, синергетика, гуманитарно-технологическая революция, будущее, математика.

Малинецкий Георгий Геннадьевич – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Института прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН.

<https://orcid.org/0000-0001-6041-1926>

GMalin@keldysh.ru

Войцехович Вячеслав Эмерикович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0002-8093-7121>

p000327@tversu.ru

Вольнов Илья Николаевич – кандидат технических наук, доцент кафедры «Машины и технология литейного производства» факультета машиностроения Московского политехнического университета.

<https://orcid.org/0000-0002-3968-5436>

i.n.volnov@mospolytech.ru

Для цитирования: Малинецкий Г.Г., Войцехович В.Э., Вольнов И.Н. Идеи Гегеля и Энгельса в контексте теории самоорганизации // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 98–119.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-98-119

The Ideas of Hegel and Engels in the Context of the Self-Organization Theory*

G.G. Malinetskiy

*Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.*

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-511-00003.

Abstract

The philosophy of nature, which encompasses the comprehensive study of the natural world, became intimately linked with the interdisciplinary approach of self-organization theory, or synergetics, as it was revealed in the latter third of the 20th century. This novel understanding of reality and its connection to synergetics becomes evident when comparing the panlogism of G.W.F. Hegel and the dialectical materialism of F. Engels, both based on 19th-century scientific achievements, with contemporary issues in natural science. This comparison is justified as the worldviews formulated by Hegel, Marx, and Engels significantly influenced the development of civilization in the 20th century. Similarly, synergetics appears poised to become the cornerstone of the emerging scientific worldview. The philosophical legacies of these classical thinkers play a crucial role in shaping the theory of self-organization. Hegel examined the question of self-development within complex systems and analyzed culture through this perspective, consequently, he can be considered a precursor to synergetics. His viewpoint on the philosophy and methodology of science as a means of reflection within the domain of knowledge remains influential. The evolutionary approach, which Engels regarded as one of the major accomplishments of 19th-century science, now serves as the foundation for numerous contemporary scientific disciplines, including synergetics itself. The philosophical approach to seeking elementary entities, from which the properties of the whole could be discerned, emerged as the driving force in the development of 20th-century science. Concurrently, the challenges confronting humanity have significantly transformed the realm of scientific knowledge. Emphasis has shifted toward the laws governing the interactions of elementary entities, as well as the associated issues of structure, chaos, and self-organization. The roles of mathematical modeling, intra-scientific reflection, and large-scale projects have proven to be more critical than initially anticipated by the classical philosophers. The ongoing humanitarian and technological revolution necessitates new responses to the profound and significant questions originally posed by Hegel and Engels.

Keywords: philosophy of nature, panlogism, dialectical materialism, self-organization, synergetics, humanities-technological revolution, future, mathematics.

Georgiy G. Malinetskiy – Dr.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0001-6041-1926>

GMalin@keldysh.ru

Vyacheslav E. Voitsekhovich – Dr.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University.

<https://orcid.org/0000-0002-8093-7121>

p000327@tversu.ru

Ilya N. Volnov – Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor, Department of Machines and the Technology of Foundry Production, Faculty of Mechanical Engineering, Moscow Polytechnic University.

<https://orcid.org/0000-0002-3968-5436>

i.n.volnov@mospolytech.ru

For citation: Malinetskiy G.G., Voitsekhovich V.E., & Volnov I.N. (2023) The Ideas of Hegel and Engels in the Context of the Self-Organization Theory. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 98–119. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-98-119

Введение

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл
И сумрачный германский гений...

А.А. Блок

В 1950-х годах британский физик и писатель Чарльз Сноу обратил внимание на большую опасность для всего пространства научного знания – пропасть между естественно-научной и гуманитарной культурами [Сноу 1973].

Естественно-научная культура опирается на эксперимент, формализованное описание, математический аппарат и исследование явлений, которые могут быть многократно повторены. Она устремлена в будущее, и во многих случаях приводит к созданию технологий. Эта культура отвечает на вопрос «Как?». Личность творца несущественна, важно верно или неверно его утверждение.

Гуманитарная культура имеет дело со сложными объектами, для которых существует только вербальное, а не формализованное или математическое описание. Зачастую она сопряжена с уникальными ситуациями, системами, для которых эксперимент невозможен, и обращена в прошлое. Она должна отвечать на вопрос «Что?». Авторитет, как правило, имеет важное значение в гуманитарных дисциплинах.

Проблема состоит не только в непонимании представителями этих культур проблем и результатов друг друга, но и в том, что при анализе многих крупных научно-технических и социально-экономических проектов они дают противоположные оценки и рекомендации.

Мысль о том, что это тормозит развитие высказывал один из создателей квантовой механики Е. Вигнер [Вигнер 1971]. По его мнению, две науки претендуют на описание мира во всей полноте: физика и психология. Он предвидел кризис научного знания в целом, связанный с «эффектом Вавилонской башни» – наличием множества наук (по данным экспертов, 72 000 на 2004 год [Переслегин, Переслегина, 2015]) и непониманием специалистами друг друга. Кроме того, путь к переднему краю исследований становится все длиннее... Разные науки развиваются в различном темпе, каждая находится в своем возрасте. В 1959 году это заметил поэт Борис Слуцкий: «Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчете, / дело в мировом законе. / Значит, что-то не раскрыли мы, / что следовало нам бы!» («Физики и лирики», 1959).

Наконец, это подтвердил фактический провал нанотехнологического проекта (*Socio-Cognito-Bio-Nano, SCBIN*), начатого в США в 2000 году и позднее подхваченного в мире. Социальные системы, к удивлению ученых и инженеров, оказались не готовы, чтобы принять новые технологии и связанные с ними возможности. Многие эксперты считают, что будущая война изменит такую ситуацию.

Мост над пропастью двух культур в настоящее время связан с междисциплинарными (или трансдисциплинарными) подходами. Наиболее успешным среди них сегодня является *теория самоорганизации*, или *синергетика* (от греческого «совместное действие») (см.: [Степин 2018]). Данный подход возник в 1970-х годах в связи с интересом к коллективным, необратимым процессам в разных науках и необходимостью избежать эффекта Вавилонской башни между представителями разных научных дисциплин.

Термин «синергетика» введен немецким физиком-теоретиком Германом Хакеном. Он вложил в него два смысла. Во-первых, это – подход, рассматривающий возникновение новых качеств у целого, которым не обладают его части. Во-вторых, это – направление, развитие которого требует творческого взаимодействия естественников, гуманитариев, математиков, инженеров [Хакен 1980].

Проблему, предвосхитившую развитие синергетики, поставил парадокс Евбулида из Милета – философа мегарской школы IV века до н.э. Парадокс звучит примерно так: «Одна песчинка – не куча, две песчинки – не куча, а миллион песчинок становится кучей». Как у целого, состоящего из взаимодействующих частей, появляются новые качества и свойства, которыми ни одна из частей не обладает?

Интересно, что именно куча песка служит базовой моделью в теории самоорганизованной критичности – активно развивающемся разделе синергетики [Бак 2021].

Со времен Ньютона до рубежа XX века, а в некоторых разделах физики и сегодня, огромное значение имеют законы сохранения (энергии, импульса и т.д.) и связанные с ними симметрии. Вместе с тем в синергетике во главу угла ставятся необратимые процессы рассеяния (диссипативные процессы) разных величин, которые обеспечивают возникновение структуры и сложной упорядоченности.

Лауреат Нобелевской премии И.Р. Пригожин (химия, 1977) считал, что именно объявление и осмысление стрелы времени является ключевым моментом в этом подходе, изменяющем наш взгляд на мир [Пригожин, Стенгерс 2005].

Синергетика находится на пересечении сфер *предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии*. Выдающийся специалист в области философии науки В.С. Степин утверждал, что синергетика дает ключ к пониманию саморазвивающихся и «человекомерных» систем, которые будут в центре внимания науки в XXI веке, поэтому именно синергетика должна стать ядром формирующейся сегодня научной картины мира [Степин 2018].

По-видимому, *самоорганизация* станет ключевой концепцией XXI века. Д.С. Чернавский, относящийся к числу основоположников синергетики, физик, биолог, экономист, рассматривал синергетику как общую теорию неустойчивостей в системах разной природы [Чернавский 2017]. Один из создателей синергетики, специалист в области математического моделирования, директор Института прикладной математики имени М.В. Келдыша

РАН С.П. Курдюмов трактовал синергетику как язык концепций, понятий, моделей, позволяющий формулировать и обсуждать задачи, требующие совместных усилий естественников, гуманитариев, математиков. Он полагал, что ученые должны «спасти мир» – определить пути в будущее и связанные с ними риски [Мне нужно... 2010].

О масштабах развития синергетики говорит, например, то, что в серии книг «Синергетика: от прошлого к будущему», выпускаемой издательством УРСС с 2002 года, вышло уже более 100 книг. Концепции и модели теории самоорганизации привели не только к научным открытиям, но и стали основой ряда высоких технологий [Малинецкий 2021].

Философская рефлексия выступает одним из оснований синергетики. Поэтому ее осмысление, развитие и применение особенно значимо для такого междисциплинарного подхода. С этой позиции ее сопоставление с панлогизмом Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831) и диалектическим материализмом Ф. Энгельса (1820–1895) представляется очень интересным [Чернавский 2017]. Важно понять, на что удастся опираться из сделанного классиками, проследить философскую традицию, а что требует новых подходов.

Философия в поисках себя

Ответ на вопросы, которые оставляет
без ответа философия, заключается в том,
что они должны быть иначе поставлены.

Г.В.Ф. Гегель

Философия является удивительным видом интеллектуального занятия, постоянно переопределяющим свой предмет. Речь идет не только о том, что она находится между религией, искусством и наукой, заимствуя у каждой те или иные черты. Творцы философии по-разному определяли ее роль в мире, исходя из проблем, достижений и технологий, которыми располагало их общество.

XIX век отличают огромные достижения в науке и технологиях, масштабные социальные преобразования и оптимизм во взгляде на будущее. Гегель в «Логике» пишет: «Философия и религия имеют своим предметом *истину*, и именно истину в высшем смысле этого слова, – в том смысле, что *бог* и *только он один*, есть истина. Далее, обе занимаются областью конечного,

природой и человеческим духом, и их отношением друг к другу и к богу как к их истине» [Гегель 1974, 84; 2020, 3]. Затем он продолжает: «Философию можно предварительно определить вообще как *мыслящее рассмотрение* предметов» [Гегель 1974, 85; 2020, 4]. Таким образом, по Гегелю, «наука распадается на следующие три части: 1. Логика – наука об идее в себе и для себя. 2. Философия природы как наука об идее в ее инобытии. 3. Философия духа как идея, возвращающаяся в самое себя из своего инобытия» [Гегель 1974, 103; 2020, 28].

Итак, философия – наука наук. Понято уже многое, и осталось это систематизировать и упорядочить. Консерватизм прослеживается в самой известной фразе Гегеля: «Все реальное – разумно, а все разумное – реально».

Энгельс, считавший необходимыми кардинальные социальные перемены, мыслил иначе. Он писал: «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию» [Энгельс 1961a, 282]. Естественно, материалист Энгельс, считающий первичным природу, противостоит объективному идеалисту Гегелю, выдвигающему на первый план идею в ее разных проявлениях.

Энгельс утверждал, что некогда в рамках единого знания философии формировались конкретные науки и начинали свое развитие, поэтому можно говорить о «смерти философии». С его точки зрения, «за философией, изгнанной из природы и истории, остается таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» [Энгельс 1961a, 316].

Эта мысль развивается в «Анти-Дюринге»: «Современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прошлыми науками. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [Энгельс 1961b, 25].

Важный вопрос о взаимодействии философии и науки, поднятый Энгельсом, по-прежнему актуален. И точку зрения Энгельса сегодня разделяют многие ученые.

Философ, футуролог и фантаст С. Лем писал: «...я стал философом в то время, когда в королевстве философии уже невозможно строить большие системы, потому что это королевство распалось из-за вторжений науки, так что философ в результате не может быть независимым создателем картинки мира. Поэтому он должен соглашаться на сосуществование с наукой, причем разделенное на бесчисленные дисциплины знание не может быть понятым одним человеком и ни один человек не может стать универсальным специалистом...» [Лем 2018, 279].

Прошедший XX и нынешний XXI век значительно скромнее и намного разнообразнее в определении предмета философии, чем XIX столетие. Например, В.С. Степин считал, что философия вырабатывает надбиологические программы деятельности общества, которые могут сыграть важную роль в будущем [Степин 2018]. Российский философ Ф.И. Гиренок трактует ее следующим образом: «Философия перестала быть картиной мира. Она не отражает мир, а изобретает его. Не царское это дело – обобщать случайные содержания наук. Ее дело – бродить в поисках пределов возможного. Предел возможного – невозможное. Предел реального – нереальное» [Гиренок 2021, 13]. Или иначе: «Философия ничего содержательного сказать не может. Но это от нее никто и не требует. Важно, что она бытийствует в момент исполнения своего бытия, в момент своего говорения» [Гиренок 2021, 17].

Другие мыслители рассматривают философию как оператор в некоторой игре, похожей на компьютерную. В. Кузнецов полагает: «Философию в аспекте ее бесконечных областей приложения, причем потенциально порождающих не только отдельные направления, но и целые дисциплины – уместно рассматривать в качестве оператора: “*философия X*” или даже “*философия ()*”, где в качестве переменной – аргумента может выступать все, что угодно» [Кузнецов 2014, 92].

Постмодерн далек от проблем науки, но и он по-своему определяет суть своей философии: «Постмодернизм – это, безусловно, гедонизм: удовольствие от текста (Барт), удовольствие от мышления, удовольствие от игры» [Хаустов 2018, 66].

С XIX века задачи науки расширились. Среди них: проектирование будущего, формулировка стратегии развития и связанной с этим идеологии; обеспечение целостности научного пространства и определение приоритетов научной деятельности; разработка и экспертиза больших технических и социально-экономических

проектов; формирование научной картины мира и мировоззрения.

Исходя из этого в качестве «рабочего определения» предмета философии, в том числе и философии науки, согласно Бертранию Расселу, логично выбрать следующее: «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения» [Рассел 1993а, 7].

Проект Гегеля и теория самоорганизации

Философия Гегеля очень трудна.
Он, я должен сказать, наиболее труден
для понимания из всех великих философов.
Б. Рассел

Гегель осуществил огромный философский проект, связанный со стремлением с междисциплинарных позиций осмыслить все пространство знания XIX века. Им определено и обосновано 180 категорий и понятий. В своей «Философии природы» он обращается к механике, физике, неорганической химии. За полстолетия до Ч. Дарвина он вводит представление о всеобщей эволюции природы (в том числе и биомира), считая, что развитие природы – результат постепенного самоосмысления Абсолютной Идеи. Гегель делает акцент на целостности реального, которое он считает сложной системой, подобной организму. Он видит менее реальным единичное и полагает, что ничто не существует безусловно и вполне реально кроме целого. По его мнению, разные сущности обладают разной степенью реальности. Рассел обращает внимание на то, что «с этим взглядом, естественно связано неверие в реальность времени и пространства как таковых, т.к. время и пространство, если они рассматриваются как вполне реальные, включают единичность и множественность» [Рассел 1993б, 246].

Интересно, что развиваемая сегодня физиками-теоретиками квантовая петлевая теория гравитации считает, что время – это иллюзия, возникающая на нашем уровне восприятия фундаментальных процессов, для которых времени нет. Физик К. Ровелли связывает стрелу времени с возникновением человека, с антроп-

ным принципом, поскольку Вселенная обладает низкой энтропией в момент ее рождения, «а потому и стрела времени, обязана своим происхождением нам, а не Вселенной» [Ровелли 2020, 136].

Философскому творчеству Гегеля посвящены огромная литература и множество конференций. Укажем лишь несколько моментов, ключевых с точки зрения теории самоорганизации.

Иной путь к единству. Гегель считал философию «наукой наук», а понятия – ключом к разрешению проблем и выяснению единства мира. То, что это действительно так, показывает его книга «Философия природы». Например, он полагал, что «природа есть идея в форме инобытия. <...> Звук есть смена специфической внеположности материальных частей и ее отрицание, – он есть только абстрактная или, так сказать, только идеальная идеальность этой специфичности» [Гегель 1975, 25, 203]. Этот путь неконструктивен: он не позволяет продвинуться дальше. Путь к единству в современной науке иной, связанный с моделированием и математическим описанием природы.

Формулы $S = \int L(q, \dot{q}, t) dt$, $\square^2 A^\mu = -\mu_0 J^\mu$ и $\hat{H}\psi = E\psi$ определяют принцип наименьшего действия в механике, электродинамике и квантовую механику. Именно такой подход позволяет выписать все законы физики на нескольких тетрадных листах. Синергетика в поисках единства опирается на математические модели и формулы.

Недооценка роли математики и логики. С одной стороны, Гегель не принимает пифагорейства, полагая, что в количественном анализе слишком много чувственного и потому не может «выразить... определенную сущность или понятие вещей» [Гегель 1974, 254]. С другой стороны, именно логику он считает высшим авторитетом. Но это «своя, диалектическая логика», гораздо более общая, чем формальная, математическая: «Логика, как понимает Гегель это слово, является для него тем же самым, что и метафизика; это нечто совершенно отличное от того, что обычно называется логикой» [Рассел 1993б, 247]. Его взгляд состоит в том, что любой обыкновенный предмет, если он берется как характеристика реального целого, обнаруживает самопротиворечивость. Поэтому следует обращаться к целому. Именно этот подход вызывал резкую критику со стороны позитивистски мыслящих философов и ученых. Карл Поппер назвал работы Гегеля «философией оракулов», «дерзким способом надругательства».

Действительно, можно было бы согласиться с критикой Рассела и Поппера, если бы представилось жить в «досинергетическую эпоху» и видеть реальность как неподвижное мироздание, описываемое математикой неподвижных понятий и логикой Аристотеля, основанной на законе тождества. Однако с возникновением теории самоорганизации открылась ее внутренняя связь с диалектикой как теорией движения и развития. На это прямо указал Д.С. Чернавский: «Синергетика – это диалектика с математикой» [Чернавский 2017].

Поэтому бессмысленно спорить «всеобщему» с «частным», философу с некоторыми из ученых. Философия как «любовь к мудрости» (Пифагор) обобщает своими учениями все знание, накопленное человечеством, знание из любых областей (науки, искусства, теологии, мистики), но обобщает на основе соответствующего всеобщего мышления и логики движения и развития, как это и сделал Гегель.

Идея, образ, категория, опускаясь с уровня Единого, всеобщего, распадается на множество отдельных, частных образов и понятий, порождая уровень множественности. Это понимал еще И. Кант, который считал, что всеобщая идея пространства порождает множество частных идей, в том числе идею математического пространства – геометрию. Последняя распадается на евклидову и неевклидову. Революционную догадку о возможности неевклидовых геометрий Кант побоялся опубликовать, но в 1796 году написал об этом в личном письме другу.

Исторически так и произошло. В 1835 году выдающийся математик Н.И. Лобачевский построил неевклидову геометрию. В итоге была открыта эпоха создания множества разных математик и логик. При этом в зависимости от объекта необходимо принимать разные аксиомы и использовать разные математические инструменты.

Исследование саморазвивающихся систем. На этот принципиальный момент обратил внимание В.С. Степин. В ходе самоорганизации возникает выход на новые иерархические уровни (в биологии клетки, ткани, органы, системы и т.д.). При этом формирование нового, более высокого уровня изменяет происходящее, динамику, критерии, качество управления на низких уровнях. Степин пишет: «Важнейшей чертой этого процесса является то, что Гегель обозначал как “погружение в основание”. Это понятие в современной интерпретации означает,

что каждый новый уровень организации начинает управлять предшествующими уровнями и перестраивает основания системы, создавая новую целостность» [Степин 2018, 342]. Гегель проследил это, рассматривая саморазвивающуюся систему – культуру, которая была у него перед глазами. Логика саморазвития нашла отражение в динамике категорий и понятий его диалектики, которая и стала предшественницей теории самоорганизации.

Новое прочтение гегелевской диалектики. В соответствии с методологией Гегеля путь саморазвития абсолютен и опирается на три закона: закон единства и борьбы противоположностей (отражает источник развития); закон перехода количественных изменений в качественные (отражает механизм развития); закон отрицания отрицания (отражает направление развития). Гегель, формулируя эти законы, обобщил опыт натуралистов, изучавших развивающиеся системы, и стал рассматривать их как способ познания противоречий, понимаемых как внутренние движущие силы бытия, духа, истории.

Замечательную трактовку этих законов предложил Д.С. Чернавский: «Научная общественность восприняла диалектику неоднозначно. По существу, и сейчас отношение к ней двояко. Многие представители точных наук (физики и математики) отнеслись к ней негативно, полагая, что это не более, чем слово... С точки зрения представителя точных наук, слова “закон природы” подразумевают, что имеется математический аппарат, позволяющий делать однозначные предсказания. В диалектике Гегеля такого аппарата не было... Представители описательных (естественных и гуманитарных) наук встретили диалектику с энтузиазмом... Гегелю удалось сформулировать основные и достаточно общие свойства, характерные для открытых, развивающихся систем... Живые и социальные системы относятся именно к таковым, что обеспечило популярность диалектики в срезе биологов и гуманитариев... Сейчас сторонник диалектического мышления может ответить любому математику на его каверзный вопрос о том, когда наступит “синтез”. Ответ прост: постройте математическую модель процесса и сами увидите, когда тезис перейдет в антитезис и наступит синтез» [Чернавский 2017, 233–234]. Другими словами, мы сегодня ясно понимаем область применимости формальной и диалектической логики, и теория самоорганизации сыграла в этом принципиальную роль.

Гегелевская логика как основа и кризис постмодерна. По Гегелю саморефлексия идеи является необходимым элементом ее развития. Но завершение саморазвития не означает конца саморефлексии – она вновь и вновь будет порождать противоречия и, следовательно, стимулировать развитие. На этот принципиальный момент, ставящий под вопрос постмодерн в целом, обратил внимание немецкий философ Ю. Хабермас [Хабермас 1992]. Хаустов пишет: «Ключевая мысль модернизма, далее расходящегося в полифонию вариаций, выражена в проекте Гегеля: мир познаваем в конечной своей истине, более того, сам процесс познания есть необходимый момент становления этой истины, потому что мир есть дух, субстанция есть субъект. Модерн, таким образом, верит, что истина мира конечна и достижима, что не только возможно, но и необходимо абсолютное знание, что, таким образом, модерн – это принципиально *завершимый* проект» [Хаустов 2018, 235]. Постмодернизм настаивает на незавершимости. Но это же доказывает Гегель, рассматривая бесконечную рефлексию идеи: «Один Гегель – как законченный модернист – настаивает на принципиальной завершенности абсолютного знания в Духе, другой Гегель – как завзятый постмодернистский *enfant terrible* – утверждает неутомимую бесконечность работы отрицания, данной по разным поводам то, как дифференциация, то, как желание, то, как потребление... Поэтому мы и можем сказать, что постмодерн – это бунт Гегеля против Гегеля, вписанный со своей органичностью в единую философскую парадигму» [Хаустов 2018, 241].

Подводя итог, можно удивляться, как много Гегель «подсмотрел» в современной теории самоорганизации.

Диалектика природы – надежды и реальность

Тот, кто претендует на преодоление марксизма, в худшем случае вернется к домарксовской теории, а в лучшем – лишь вновь откроет для себя мысли, которые содержатся в философии, которую он надеялся превзойти.

Ж.П. Саптр

Философия природы рассматривается Энгельсом в работе «Анти-Дюринг» (1877–1878) и книге «Диалектика природы» (1873–1866), опубликованной в 1925 году. Последняя дата важна, поскольку она показывает серьезное отношение к философскому

осмыслению новейших достижений естественных наук. В полной мере это относится и к книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Речь идет о том, что путь в будущее должен опираться на результаты исследований и их анализ с помощью эффективной методологии. Влияние философии Гегеля на марксизм велико. Маркс писал Л. Кугельману: «Мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я – материалист, а Гегель – идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой диалектики, но лишь после освобождения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее мой метод» [Маркс 1964, 448]. Маркс полагал, что диалектика у Гегеля «стоит на голове» и «надо поставить ее на ноги», чтобы под идеалистической оболочкой «вскрыть рациональное зерно». В области естественных наук большую часть этой работы сделал Энгельс. Среди его подходов, перекликающихся с теорией самоорганизации, следует обратить внимание на следующие.

Проблема взаимодействия наук. Вопрос о делении и взаимодействии наук волновал философов, начиная от Френсиса Бэкона.

Гегель в «Энциклопедии философских наук» выступает за единство науки и против ее деления на составные части ввиду развития разных дисциплин: «Определение, в котором выступает идея, есть вместе с тем *текущий* момент, поэтому отдельная наука есть одновременно и познание своего содержания как *сущего* предмета, и познание непосредственно в этом содержании своего перехода в свой более высокий круг. *Представление о разделении наук* неправильно потому, что оно берет отдельные части или науки в качестве *рядоположных*, как если бы они подобно *видам* были лишь покоящимися и субстанциальными в своем различии.» [Гегель 1974, 104].

Энгельс настаивает, с одной стороны на классификации наук, с другой – на их самостоятельности, на том, что нельзя сводить их к одной «главной науке». Он пишет: «*Классификация наук*, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд форм, связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением согласно внутренней присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение» [Маркс, Энгельс, 564–565].

Вместе с тем Энгельс утверждает: «Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом рас-

смаатриваемом случае. Мы несомненно “сведем” когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но разве этим исчерпывается сущность мышления?» [Энгельс 1961в, 563].

Этот вопрос неоднократно «проигрывался» в науке XXI века. Не раз в качестве «главной науки» рассматривали физику: из теории элементарных частиц «следует» ядерная физика, из нее – атомная, одним из приложений атомной физики является химия, биологические объекты часто трактуются как «химические машинки», активно развивается «эконофизика» и «социофизика». В этой логике развивать следует прежде всего физику и математический аппарат, позволяющий «выводить» из нее другие науки.

Например, таким образом смотрел на химию выдающийся физик Ричард Фейнман в лекции, прочитанной в 1959 году и давшей начало нанотехнологиям [Фейнман 2002]. Но уже в своих лекциях он обсуждает вопрос о «самом главном» уравнении в физике и приходит к заключению о его бессмысленности: вывод из этого уравнения всего того, что можно использовать, будет невыполнимой задачей.

По сути, Энгельс ставит вопрос о научной стратегии, который, начиная с XX века, становится главным в познании. Она во многом связана с бритвой Оккама, например, в формулировке Эйнштейна: «Все должно быть сделано настолько просто, насколько возможно, но не проще этого».

Формирование научной стратегии. Энгельс выделил три фундаментальных научных достижения, изменивших мировоззрение: «неуничтожимость движения (Декарт), клеточное строение биологических объектов (Шван), биологическая эволюция (Дарвин)». Он высоко оценивает таблицу Д.И. Менделеева, теоретическое знание, оперирующее с тем, что нельзя увидеть, считает магистральным путем развитие естествознания, открытие все более мелких составляющих материй.

XX век подтвердил его предвидение. Законы сохранения сыгнали ключевую роль в исследовании микромира. В биологии сталкиваются с геномами, в физике – с кварками (которых мы, вероятно, никогда не увидим в свободном состоянии) и лептонами. Возможно, Энгельс предчувствовал концепцию *универсального эволюционизма*. По его мысли, триада «наследственность – изменчивость – отбор» служит неотъемлемым механизмом самоорганизации в развивающихся системах.

Вместе с тем Энгельс считает принципиально важным следование методологии, позволяющей быстрее и успешнее проводить исследования, он связывает ее с материалистической диалектикой. В «Диалектике природы» он сетует: «Философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло ее» [Энгельс 1961в, 520].

Сегодня проблема, намеченная Энгельсом, стала еще более острой. Научное пространство стремительно расширилось: теперь нельзя «к каждой интересной задаче поставить по исследователю». Кроме того, наука стала намного дороже. Обществу и ученым надо выделять наиболее интересное и перспективное на карте нашего незнания. Из чего исходить? Как «собирать» науки и организовывать взаимодействие между ними? Известный российский философ И.Т. Фролов в 1980-х годах полагал, что объединить научные дисциплины должна проблема человека, а во главу угла должна быть поставлена философия [Институт... 2018]. Такой глубокий масштабный проект, к сожалению, не удалось реализовать. Руководство и научное сообщество не осознало, насколько он важен. Кроме того, философия оказалась не готова к роли системного интегратора научного пространства. По-видимому, сегодня эта роль должна принадлежать междисциплинарным подходам и, в частности, теории самоорганизации. В настоящее время происходит *гуманитарно-технологическая революция*, ставящая во главу угла человека и императив «Будущее принадлежит всем» [Иванов, Малинецкий 2020]. Именно поэтому построение моста между естественно-научной и гуманитарной культурами, за которое берется синергетика, приобретает огромное значение.

Направление, намеченное Энгельсом, сегодня активно развивается на новом уровне.

Синергетическая научная рациональность

Диалектический материализм Маркс успешно применял при научном анализе социально-экономических систем. И Энгельс, и Ленин полагали, что такой подход должен широко использоваться и в естествознании. В частности, это – стремление к междисциплинарности. Оно получило развитие в современной науке с 1970-х годов. Развитие исследований свидетельствует о том, что существенен не только объект исследований (как думали в XIX веке), не только инструмент, который важен (это показала квантовая механика и теория относительности), но и субъект, опреде-

ляющий программу работ, ожидаемые результаты и средства, которые могут быть использованы. Гуманитарная компонента оказывается неразрывно связана с естественно-научной. Это показывает мировая история: успех одних цивилизаций, связанный также с исследованиями, приводил к гибели других. Переход к такому целостному системному взгляду приводит к другой научной рациональности [Степин 2018], которую можно назвать синергетической.

Наступивший XXI век будет веком человека. В ходе гуманитарно-технологической революции принципиально значимыми оказываются смыслы, ценности, образ желаемого будущего, а важнейшими технологиями – гуманитарные. Это расширяет пространство исследований синергетики, которая становится подходом, осмысливающим треугольник: «рациональное – эмоциональное – интуитивное».

При этом возникает перспектива *большого синтеза*, в котором достижения естественных наук дают ключ к решению гуманитарных проблем. В качестве примера можно привести работы лауреата Нобелевской премии по физике (2021) Роджера Пенроуза, связывающего формирование сознания человека с гипотетическим эффектом в квантовой механике (т.н. объективной редукцией) [Пенроуз 2020]. Все больший интерес вызывают взаимодействие науки и искусства, осмысление красоты и гармонии [Войцехович, Вольнов, Малинецкий 2019].

Междисциплинарность, признаки которой были предметом обсуждения для Энгельса, становится необходимым элементом науки XXI века.

Заключение

Энгельс писал о «смерти философии», порождении на ее основе новых научных дисциплин. Ленин видел внутреннее единство в логике, диалектике и теории познания, придавал большое значение материалистической переработке философии Гегеля, полагая, что это даст объективную и конструктивную картину реальности. Оба мыслителя подразумевали, что рациональные доводы будут убеждать людей в необходимости иного социального устройства, надеялись на огромную роль просвещения и стремительный прогресс науки и технологий, оценивая тенденции XIX века.

Все оказалось значительно сложнее – СМИ и механизмы информационного воздействия на общество, цветные революции и

гибридные войны показали, что важнейшей сферой конкуренции и взаимодействия людей становится информационное пространство, массовое сознание. И мы в новых декорациях сталкиваемся с вечными кантовскими философскими вопросами. «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что есть человек?» Время философии не прошло...

И Энгельс, и Ленин ориентировались на стремительный рост образованности в обществе и прогресс науки. Однако сегодня мы ясно понимаем, что человек в состоянии освоить, тем более развить очень небольшую часть мирового информационного пространства. Интернет и социальные сети сделали это очевидным. Возникает важный вопрос выбора, требующий философского анализа и выработки стратегии, позволяющей человечеству не повторять пройденное, а двигаться дальше.

Вместе с тем междисциплинарные подходы являются своеобразной социальной практикой для существующих и создаваемых теоретических и философских концепций. И это дает надежду на то, что будущее состоится.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бак 2021 – Бак П. Как работает природа. Теория самоорганизованной критичности. – М.: URSS, 2021.

Вигнер 1971 – Вигнер Е. Этюды о симметрии. – М.: Мир, 1971.

Войцехович, Вольнов, Малинецкий 2019 – Войцехович В.Э., Вольнов И.Н., Малинецкий Г.Г. Гармония, эволюция, прикладная математика и междисциплинарные подходы // SocioTime / Социальное время. 2019. № 3 (19). С. 17–29.

Гегель 1974 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974.

Гегель 1975 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. – М.: Мысль, 1975.

Гиренок 2021 – Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. – М.: Проспект, 2021.

Иванов, Малинецкий 2020 – Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. – М.: URSS, 2020.

Институт... 2018 – Институт человека. Идея и реальность / отв. ред. Г.Л. Белкина. – М.: URSS, 2018.

Кузнецов 2014 – Кузнецов В. «Реконфигуратор» 2.0: развертка программы // Русская философия XXI века. Максимумы. – М.: ИОИ, 2014. С. 79–180.

Лем 2018 – *Лем С.* Литература и философия, или «Я хотел спасти мир». – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018.

Ленин 1968 – *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 18. – М.: Госполитиздат, 1968.

Малинецкий 2021 – *Малинецкий Г.Г.* Чтоб сказку сделать былью. Высокие технологии – путь России в будущее. – М.: URSS, 2021.

Маркс 1964 – *Маркс К.* Маркс – Людвиг Кугельману, 6 марта 1868 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. Т. 32. – М.: Госполитиздат, 1964. С. 447–449.

Мне нужно... 2010 – Мне нужно быть. Памяти Сергея Павловича Курдюмова / под ред. З.Е. Журавлевой. – М.: URSS, 2010.

Пенроуз 2020 – *Пенроуз Р.* Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. – М.: URSS, 2020.

Переслегин, Переслегина 2015 – *Переслегин С., Переслегина Е.* «Дикие карты» будущего: Форс-мажор для человечества. – М.: Алгоритм, 2015.

Пригожин, Стенгерс 2005 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: КомКнига, 2005.

Рассел 1993а – *Рассел Б.* История западной философии: в 2 т. Т. 1. Кн. 1: Древняя философия. Кн. 2: Католическая философия. – М.: МИФ, 1993.

Рассел 1993б – *Рассел Б.* История западной философии: в 2 т. Т. 2. Кн. 3. Философия Нового времени. – М.: МИФ, 1993.

Ровелли 2020 – *Ровелли К.* Срок времени. – М.: АСТ: CORPUS, 2020.

Сноу 1973 – *Сноу Ч.П.* Две культуры: сборник публицист. работ. – М.: Прогресс, 1973.

Степин 2018 – *Степин В.С.* Человек. Деятельность. Культура. – СПб.: СПбГУП, 2018.

Фейнман 2002 – *Фейнман Р.* Внизу полным-полно места: приглашение вступить в новую область физики // Российский химический журнал. 2002. Т. 46. № 5. С. 4–6.

Хабермас 1992 – *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–51.

Хакен 1980 – *Хакен Г.* Синергетика. – М.: Мир, 1980.

Хаустов 2018 – *Хаустов Д.Е.* Лекции по философии постмодерна. – М.: РИПОЛ классик, 2018.

Чернавский 2017 – *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация. Динамическая теория информации. – М.: URSS, 2017.

Энгельс 1961а – *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. С. 269–317.

Энгельс 1961б – Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. С. 1–338.

Энгельс 1961в – Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. С. 339–626.

REFERENCES

Bak P. (2021) *How Nature Works: The Science of Self-Organized Criticality*. Moscow: URSS (Russian translation).

Belkin G.L. (Ed.) (2018) *The Institute of Man: Idea and Reality*. Moscow: URSS (in Russian).

Chernavskiy D.S. (2017) *Synergetics and Information: Dynamic Theory of Information*. Moscow: URSS (in Russian).

Engels F. (1961a) *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 21, pp. 269–317). Moscow: Gospolitizdat (Russian translation).

Engels F. (1961b) *Anti-Dühring: Herr Eugen Dühring's Revolution in Science*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 20, pp. 1–338). Moscow: Gospolitizdat, (Russian translation).

Engels F. (1961c) *Dialectics of Nature*. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 20, pp. 339–626). Moscow: Gospolitizdat (Russian translation).

Feynman R. (2002) There's Plenty of Room at the Bottom: An Invitation to Enter a New Field of Physics. *Russian Chemical Journal*. Vol. 46, no. 5, pp. 4–6 (Russian translation).

Girenok F.I. (2021) *The Pleasure of Thinking Differently*. Moscow: Prospekt (in Russian).

Habermas J. (1992) The Modern: An Unfinished Project. *Voprosy filosofii*, No. 4, pp. 40–51 (Russian translation).

Haken H. (1980) *Synergetics*. Moscow: Mir (Russian translation).

Hegel G.W.F. (1974) *Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1: The Science of Logic*. Moscow: Mysl' (Russian translation).

Hegel G.W.F. (1975) *Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 2: Philosophy of Nature*. Moscow: Mysl' (Russian translation).

Ivanov V.V. & Malinetskiy G.G. (2020) *Russia: 21st Century. Breakthrough Strategy. Technologies. Education. Science*. Moscow: URSS (in Russian).

Khaustov D.E. (2018) *Lectures on Postmodern Philosophy*. Moscow: RIPOL Classic (in Russian).

Kuznetsov V. (2014) Reconfigurator 2.0: Program Deployment. In: *Russian Philosophy of the 21st Century. Maxims* (pp. 79–180). Moscow: IOI (in Russian).

Lem S. (2018) *Literature and Philosophy, or "I Wanted to Save the World"*. Samara: Samarskaya Humanities Academy (Russian translation).

Lenin V.I. (1968) *Materialism and Empiriocriticism. In: Lenin V.I. Complete Collected Works (Vol. 18)*. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).

Malinetskiy G.G. (2021) *To Make a Fairy Tale a Reality. High Technologies – Russia's Path to the Future*. Moscow: URSS (in Russian).

Malinetskiy G.G., Voitsekhovich V.E., & Volnov I.N. (2019) Harmony, Evolution, Applied Mathematics and Interdisciplinary Approaches. *SocioTime*. No. 3 (19), pp. 17–29 (in Russian).

Marx K. (1964) Marx to Ludwig Kugelmann, March 6, 1868. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works (Vol. 32)*. pp. 447–449). Moscow: Gospolitizdat (Russian translation).

Penrose R. (2020) *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics*. Moscow: URSS (Russian translation).

Pereslegin S. & Pereslegina E. (2015) *Wild Cards of the Future: Force Majeure for Humanity*. Moscow: Algoritm (in Russian).

Prigogine I. & Stengers I. (2005) *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: KomKniga (Russian translation).

Russell B. (1993a) *A History of Western Philosophy. Vol. 1: Book 1: Ancient Philosophy. Book 2: Catholic Philosophy*. Moscow: MIF (Russian translation).

Russell B. (1993b) *A History of Western Philosophy. Vol. 2: Book 3: Philosophy of the New Age*. Moscow: MIF (Russian translation).

Rovelli C. (2020) *The Order of Time*. Moscow: AST: CORPUS (Russian translation).

Snow C.P. (1973) *The Two Cultures: A Collection of Non-Fiction Works*. Moscow: Progress (Russian translation).

Stepin V.S. (2018) *Man. Activity. Culture*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).

Wigner E. (1971) *Symmetries and Reflections*. Moscow: Mir (Russian translation).

Zhuravleva Z.E. (Ed.) (2010) *I Need to Be: In Memory of Sergey Pavlovich Kurdyumov*. Moscow: URSS (in Russian).

Преображение человека в эпоху глобальных перемен в философии космизма А.К. Горского и Н.А. Сетницкого

О.Е. Макеева

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация

В статье раскрыты подходы к сущности преобразования человека в малоизученном творчестве представителей русского космизма – Александра Константиновича Горского и Николая Александровича Сетницкого. Будучи последователями основателя космизма Николая Федоровича Федорова, ученые внесли свой оригинальный вклад в развитии философской мысли на фоне суровой реальности начала XX века, связанной с Первой мировой войной, Великой русской революцией и эпохой репрессий. Парадигмы, выстраиваемые философами, опираются на способности человека своими действиями не только стремиться и достичь воображаемого идеала, но и изменять мир, Вселенную. Горский и Сетницкий трактуют проблемы бессознательного человека как проблемы непознанного и всеобъемлющего мира внутри человека. Подобно Федорову, они находят в действительности подтверждение богочеловечности христианства и преподносят вопрос о культуре, творчестве, об истории через соучастие человека в исполнении как нравственных, так и бытийных заветов Христа. Несмотря на сходство философских позиций, каждый из ученых делает свои акценты в исследованиях человека и мира. Путь к новой действительности Горский видит в творческой работе человека над преобразованием собственной плоти и считает недостаточным подход человека к научному прогрессу лишь с точки зрения науки и техники. Сетницкий полагает, что в процессе глобальной и космической эволюции внешняя сила технического сооружения должна преобразиться во внутреннюю силу человека. В основе философских концепций преобразования человека Горского и Сетницкого лежит совершенствование внутреннего мира и осознание возможностей невидимого и еще непостижимого. В статье делается вывод, что в XXI веке, когда достижения научно-технического прогресса уже становятся фактором преобразования не только мира, но и самого человека, наследие Горского и Сетницкого с их безграничной верой одновременно в научный прогресс и духовное самосовершенствование приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: русский космизм, антропология, история философии, социальная философия, научный прогресс, самосовершенствование, бессмертие, внутренний мир.

Макеева Оксана Евгеньевна – аспирант Сургутского государственного университета.

o.makeeva@rreda.org

<https://orcid.org/0000-0002-0176-1085>

Для цитирования: *Макеева О.Е.* Преобразование человека в эпоху глобальных перемен в философии космизма А.К. Горского и Н.А. Сетницкого // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 1. С. 120–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-120-133

Human Transformation in the Epoch of Global Changes in the Philosophy of Cosmism of A.K. Gorsky and N.A. Setnitsky

O.E. Makeeva

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract

This article investigates the approaches to understanding human transformation in the underexplored works of Russian cosmist philosophers Alexander Konstantinovich Gorsky and Nikolai Alexandrovich Setnitsky. As disciples of cosmism's founder, Nikolai Fedorovich Fedorov, these scholars contributed original ideas to the development of philosophical thought amid the tumultuous early 20th century, marked by the First World War, the Great Russian Revolution, and a period of political repression. The paradigms established by Gorsky and Setnitsky hinge on the idea that human action can not only strive towards and achieve an ideal but also engender change in the world and the universe. They perceive issues of individual subconsciousness as manifestations of an unknown and all-encompassing inner world within humans. Echoing Fedorov, they identify the theanthropic (God-human) aspects of Christianity and address questions of culture, creativity, and history through human participation in fulfilling both the moral and existential teachings of Christ. Despite their shared philosophical positions, each thinker emphasizes different aspects of human and world studies. Gorsky envisions the path to a new reality through human creativity and the transformation of one's own flesh, while arguing that an exclusive focus on scientific and technological progress is insufficient. Setnitsky, on the other hand, posits that external technological forces must be transformed into internal human forces throughout global and cosmic evolution. Gorsky and

Setnitsky's philosophical concepts of human transformation revolve around the enhancement of the inner world and the recognition of potential that remains invisible and incomprehensible. The article concludes that, in the 21st century, when scientific and technological advancements are transforming not only the world but the very nature of human beings, the legacy of Gorsky and Setnitsky, with their boundless faith in both scientific progress and spiritual self-improvement, holds particular relevance.

Keywords: Russian cosmism, anthropology, history of philosophy, social philosophy, scientific progress, self-improvement, immortality, inner world.

Oksana E. Makeeva – postgraduate student, Surgut State University.
o.makeeva@rreda.org
<https://orcid.org/0000-0002-0176-1085>

For citation: Makeeva O.E. (2023) Human Transformation in the Epoch of Global Changes in the Philosophy of Cosmism of A.K. Gorsky and N.A. Setnitsky. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 120–133.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-120-133

Введение

Учение философов-космистов начала XX века, вдохновленных развитием научно-технической мысли на фоне общественно-политических преобразований, имеет характерные особенности. Именно в этот период в трудах космистов А.К. Горского и Н.А. Сетницкого основополагающая мысль философии космизма о необходимости преображения и совершенствования человека как планетного и вселенского существа, способного влиять на окружающую действительность, дополняется необходимостью действия для достижения желаемой цели. Идея активной эволюции человека в русском космизме всегда переплетается с идеей природной гармонизации и совершенствования Космоса. Инструментами такой эволюции Горский, пламенный агитатора и пропагандист учения Н.В. Федорова, и Сетницкий, экономист, статистик, исследователь социально-экономических проблем, видят преобразование культуры собственной природы людей с помощью творчества, вдохновения, с опорой на провиденциальный замысел Бога о человечестве. При анализе проблемы человека как одновременно земного и космического, разумного и творческого

существа религиозно-метафизическое направление определяет тон исследования.

Теоретическое наследие Горского и Сетницкого занимает промежуточное положение между религиозно-метафизическим и естественно-научным направлениями отечественного космизма, вместе с тем формирует особую парадигму философии космизма. Субъектом преобразований у Горского и Сетницкого по-прежнему является человек как носитель разума, призванный направлять эволюцию природы для достижения высшей цели, а мир выступает в качестве объекта. Но в то же время в учении философов объектом служит и человек, т.к. именно он проходит через процесс эволюции в своей творческой жизнедеятельности, что имеет решающее значение при достижении важнейшего для развития человечества результата.

Вера соборного соучастия людей в божественном творении мира в философии космизма Горского и Сетницкого – это фундаментальная основа. Однако основополагающая мысль о том, что научно-технический прогресс как средство современной действительности способствует реализации высшей цели, также играет важнейшую роль. Человек выступает в качестве социального творящего существа и является центром мироздания, но условием проявления такого начала в человеке была активная деятельность. В этом отношении Горский и Сетницкий позиционируют себя в качестве последователей философских идей Федорова. Теоретические основы его философии базировались на активно преобразующей трудовой деятельности и, как следствие, борьбе со смертью в целях планетарного и космического преобразования человека для изменения всего «природного, дарового в произведенное трудом», о чем писал основоположник отечественного космизма [Горский 1995а]. Однако работы Горского и Сетницкого не просто разъясняют идеи Федорова, а расширяют область их применение, являются началом «перехода от строгого федоровизма» к более широкой и разработанной теории, к тому, что в полной мере можно назвать философией космизма [Young 2021, 203].

Как полагает Борис Гройс, «в наше время утрачена вера в возможность души существовать отдельно от тела. И телесное бессмертие остается единственной возможностью жизни после смерти. Надежда на технологии замещает надежду на божественную благодать. Русский космизм был первым и самой радикальным

проявлением такой замены» [Groys 2018, 14] Но, как мы увидим, в трудах Горского и Сетницкого технологическое развитие не рассматривался как то, что отменяет необходимость внутреннего преобразования. Наоборот, их наследие представляет собою удивительный пример соединения религиозной веры с верой в научно-технический прогресс.

Непознанный мир человека в философии А.К. Горского

Александр Константинович Горский (1886–1943) предложил в контексте русского космизма оригинальную трактовку проблемы внутреннего мира человека, которые относятся к категории бессознательного. Имя А.К. Горского, мыслителя и поэта, рожденного в семье священника, в истории русской философии в начале XX века словно находилось на втором плане среди его известных современников: П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, Л.И. Шестова, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского. Основой формирования внутреннего мира философа была учеба в духовном училище, в Черниговской семинарии, а затем в Духовной академии Троице-Сергиевой лавры, где соприкасались природа, культура и религия, что давало источник для преобразования духа и души. Внутренний мир Горского нашел отражение в его философии, в которой он призывает все человечество к совершенствованию собственной природы и работы с духом и внутренним миром. Горскому, одному из самых талантливых выпускников Академии, предлагали сан епископа в Санкт-Петербурге, но он выбрал путь подвижника в миру.

Детально исследуя основы психоанализа Зигмунда Фрейда, Горский начинает трактовать проблемы бессознательного человека как проблемы непознанного и всеобъемлющего мира внутри человека. Именно психоанализ, по Горскому, является своеобразным симбиозом науки и искусства, что служит источником создания картины мира нового типа. Как наука может дополняться искусством? Горский считает, что в научном прогрессе только естественно-научного и технического подходов недостаточно. Именно творческое начало в виде искусства может синтезировать разные науки, придавать им целостный и органический характер. Важным аспектом выступает то, что этот синтез науки и искусства, находящийся в постоянном развитии, дает возможность познать и человека. Таким образом, Горский приходит к выводу о том, что бессознательное, во-первых, таит в себе огромный

пласт информации, во-вторых, представляет эту информацию в форме образов.

Творческую инициативу человека, способную придать новый импульс науке, Горский сравнивает с его половым возбуждением, формулируя проблему преобразовательной регулятивной эротики как главную проблему философско-антропологической и философско-культурологической концепции в «Огромном очерке» (1924) и других работах [Бурханов 2016]. Путь к «новому небу» и «новой земле» он видит в творческой работе над преобразованием плоти, над обретением «нового тела», всемогущего и духовного, которое не было бы подвержено распаду и тлению. Жажда «космического расширения существа», протест против времени и смерти, как полагает Горский, исходит из глубин эроса, где неосознанно и скрыто таится стремление к полноте и совершенству. По его теории, эротическое стремление может преобразоваться в творчество, что способствует возникновению импульса к земной и космической эволюции человечества. Горский в то же время подчеркивает, что в этом проявляется и противоречие цивилизации: у многих индивидов стремление к творчеству и эротическое устремление разделены, управление энергией эроса не обусловлено подчинено разуму. Только «просветление» религиозным и нравственным сознанием может, по Горскому, преобразовать человека, «пересоздать» его природу, направить темную эротическую энергию в созидательное русло. Тем самым философ ставит задачу перед человечеством искать способ «поддерживать и воспроизводить жизнь не бессознательным (животным), но сознательным», собственно человеческим, образом [Горский 1995б, 242–243]. Регуляция психики, как считает Горский, труд внимания, душевной и духовной концентрации должны не отсекают эротические центры, а озарять их светом, направлять концентрируемую энергию в должное русло: на преобразование тела, восстановление и истинное творчество жизни. В связи с этим Горский проявлял интерес к теории Фрейда, которая в его понимании открывает путь к контролю над эротическому инстинктами, что создаст возможность для перехода к «психократии» [Young 2021, 202].

Анализируя природу научного, творческого, религиозного акта, Горский призывает к необходимости синтеза религии, науки и искусства, к их союзу в деле общего воскрешения. Проект такого синтеза Горский представляет в очерке «Организация мировоз-

действия» (1928) [Горский 1993]. Горский вслед за Федоровым рассуждал о необходимости космической «регуляции природы». Он приходит к выводу о том, что посредством лишь науки и техники решить эту задачу нельзя. Следует в полной мере осознать нравственный долг перед ушедшими поколениями, кардинально перестроить организм человека, преобразовать его мировоззрение, нравственность и психику. Достижение этих результатов на основе христианских ценностей приведет к реальной победе над смертью и позволит воскресить всех умерших предков. Горский утверждает: «Самая мысль о возможности действенного управления космосом возникает в человеке и становится определяющей его поведение силой лишь по мере происходящего в нем психологического поворота – “обращения сердец сынов к отцам”» [Горский 1993, 215]. Так рождается вера в то, что в результате на смену механическому и техническому прогрессу придет прогресс духовно-нравственный и органический, посредством которого люди осуществят «прорыв» в глубины человека и Вселенной.

Как ученик Федорова, космист Горский предлагал возродить идею бессмертия не только в образовании, но и в науке. По мнению философа, человек XX века потерял внутреннюю связь со Вселенной, он находится в «плёну полунауки». И лишь подлинное образование может возродить органическое знание, которое объединяло бы искусство, религию и науку. Как считал Горский, настоящая научная организация не может быть совместима с полуполученной механизацией, а без одновременно художественной организации науки и религиозной организации искусства подлинная научная организация немыслима [Гачева 2018; Gacheva 2020]. Рассуждал Горский и о том, что всемирный ум может легко сдаться в плен всемирному безумию, если темные страсти коллективного подсознания одержат верх и станут главенствующими. Только религиозные и нравственные ограничения планетарного интеллекта дадут возможность сознанию человека чувствовать собственные границы и делать правильный выбор.

Идеалы и горизонты в философии космизма Н.А. Сетницкого

Значительная роль в популяризации идей Н.Ф. Федорова принадлежит Николаю Александровичу Сетницкому (1888–1937). В истории философии, наряду с типом мыслителя-первопроходца, открывателя новых, еще неизвестных путей в мысли и духе, при-

существует всегда и тип последователя-продолжателя, вероятно, незаслуженно остающегося в тени вместе с А.К. Горским, В.Н. Муравьевым. Для бескорыстного подвижника Сетницкого важно не столько «приходить с новым словом» (Достоевский), не столько «высечь собственный завет на скрижалях истории и культуры», сколько отыскать во множественности течений философии «последнее слово», которое будет верой и смыслом, подвигом служения [Гачева 2018]. Творчество и судьба этого ученого с мировым именем, философа, поэта, эстетика, экономиста, статистика, последователя идей Федорова стали служением науке и родине.

В процессе глобальной и космической эволюции внешняя сила технического сооружения должна преобразиться во внутреннюю силу человека, как полагал Сетницкий. Позднее, в 1937 году, и его раздавит «политическая машина» репрессий. Но вера в космическое «регулирование природы» с помощью использования идеалов христианства космиста Сетницкого останутся навсегда в истории философии.

Показательна и своеобразна с точки зрения понимания сути преобразования человека трактовка идеала у Сетницкого. Свою книгу «О конечном идеале» он выстраивает как разумность исторических действий, как оправдание человеческого бытия, утверждает возможность и необходимость участия человечества в «восстановлении мира в то благолепие нетления, каким он был до падения», как завещал Федоров [Федоров 1995б, 401]. Частично опубликованная в 1929 году в «Известиях юридического факультета в Харбине» (№ 7) и изданная полностью в 1932 году в Харбине тиражом 250 экземпляров книга «О конечном идеале», к сожалению, представлена только в зарубежных библиотеках. Н.А. Бердяев в рецензии на книгу Сетницкого указал, что это – «наиболее значительное и интересное явление» в «федоровской литературе», «шаг вперед в христианском учении об активном призвании человека» [Бердяев 1932].

Необходимо отметить, что в наследии космизма Сетницкого категории идеала и действия непосредственно связаны друг с другом, т.е. проблема идеала рассматривается им как проблема действия. Если речь идет о действии, значит, оно должно предприниматься для того, чтобы осуществить идеал, а идеал, в свою очередь, воплощается лишь в результате действия. Сетницкий пишет: «Всякий идеал должен мыслиться как некоторый кон-

кретный результат деятельности, как предел какого-то действия. Действительность идеала есть конкретный предел действия, есть его действенное воплощение» [Сетницкий 1995, 290].

Еще один подход Сетницкого к человеку относится к его деятельности, являющейся средой, в которой идеал может воплотиться в действительность. Только в этой среде наполнены смыслом суждения об идеале, о приближении к идеалу или отдалении от него, о взаимоотношении действительности и идеала. Сетницкий приходит к выводу о «бесконечном совершенствовании», что приводит к «конечному совершенству», т.е. ученый предлагает две вариации идеала или две фундаментальные модели. Если обратимся к «конечному совершенству», то обнаружим, что оно рассмотрено философом как метафора рая на земле, т.е. как воплощенный, осуществленный идеал, который мыслится в качестве предельной цели стремлений человечества. Этот идеал, как полагает ученый, принципиально достижим. В «бесконечном совершенствовании», согласно трактовке Сетницкого, видна метафора линии горизонта или путеводной звезды. Идеал, подобно линии горизонта, мыслится принципиально недостижимым, разрыв между идеалом и действительностью с самого начала рассматривается как непреодолимое, а действие человека бессильно преодолеть этот разрыв. Идеал выступает, таким образом, не в качестве предельной или конечной цели деятельности человечества, а в качестве ее ориентира, текущего состояния. Этот ориентир является своеобразной «приманкой» для действующего человека. Иными словами, человек стремится к идеалу, пытаясь его достичь, и в то же время понимает, что он недостижим. Конечно, возникают вопросы. Можем ли мы приблизиться к линии горизонта? На основании каких критериев можем зафиксировать приближение к идеалу или отдаление от него? Что делать, если линия горизонта не приближается, а только отдаляется? В традиции русского космизма мы сталкиваемся с оригинальным, иным пониманием и наполнением идеала, чем, например, в кантовской трактовке, где идеал рассмотрен как максимум совершенства, но не достижимого на практике, а лишь являющегося ориентиром прогресса.

В философии русского космизма в целом и у Сетницкого, в частности, идеал есть нечто большее, иное, чем совершенное общество или рай на земле. Согласно В.И. Вернадскому, живое вещество – это космическое явление, живое вещество, как и ма-

терия, является вечным, человечество – ничтожная часть массы всей планеты, но в то же время ее главная геологическая сила. Поэтому мощь человека, по Вернадскому, связана не с его материей, веществом, а с его мозгом, разумом и направленным этим разумом трудом [Вернадский 2004]. К.Э. Циолковский, разрушая стереотипы смертности человека, также в своем стремлении к идеалу снимает ограничение человеческих возможностей и верит в вечный прогресс, когда лучшая часть человечества обретет себе вечную жизнь, переселяясь от солнца к солнцу, поскольку «нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечества. Прогресс его вечен. А если это так, то невозможно сомневаться и в достижении бессмертия» [Циолковский 1964, 152]. Сетницкий также подчеркивает масштабность и глобальность цели, стоящей перед человеком, – преобразование природы человека, преодоление смерти, а не просто оптимизация общественных отношений. И при этом достижение этого идеала не означает прекращение развития или вечный покой, напротив, достижение идеала, является переходом к состоянию абсолютного совершенства, где категория развития является новым качеством человеческого бытия. Очень важно, что космист. Сетницкий закладывает в парадигму идеала природу человеческой деятельности, соотношение действительности и идеала.

Идеал «конечного совершенства» сам по себе уже предполагает, что в действительности заложен потенциал для достижения идеала, т.е. существует мощь и сила, способная реализовать потенциал и достичь идеала. Наоборот, идеал «бесконечного совершенствования» исходит из мысли об отсутствии в действительности подобного рода потенции. Мысли о потенциальном всемогуществе человека и признание его принципиального бессилия – таковы основы, на которых построены оба рассматриваемых идеала. Еще один существенный аспект, рассматриваемый Сетницким, – соотношение идеала, действия и действительности. Воплощение идеалов в действительность, их осуществление мыслится философом как упорядочивание действительности, создание порядка. Смысл действия усматривается философом в том, «чтобы беспорядочную, хаотичную действительность сменить усовершенною и завершенною действительностью идеала» [Сетницкий 1995, 293]. В терминологии Федорова осуществление идеала – это также упорядочивание, утверждение порядка, регуляция природы [Федоров 1995а]. Ключевым моментом в концепции

Сетницкого выступает отождествление понятия цели идеала или соотношения идеала с конечной целью, т.е. идеал, по Сетницкому, есть конечная цель. В строгом смысле слова, подлинный идеал у человечества может быть только один, поскольку он и служит конечной целью, предельной целью человеческих стремлений. Действия наполнены смыслом лишь в том случае, если цель, на которую они направлены, полагается принципиально осуществимой. Если же цель удаляется от нас по мере того, как мы к ней приближаемся, т.е. удаляется «линия горизонта», то проявляемую нами форму активности, согласно Сетницкому, нельзя назвать деятельностью. Движение к линии горизонта, которое ни на шаг не приближает нас к цели, является топтанием на одном месте, сизифовым трудом, безрезультативной формой активности или бессильной и бесцельной деятельностью. Такова, по мнению Сетницкого, природа усилий, направленных на воплощение идеала «бесконечного совершенствования». Идеал является указанием цели и одновременно повелением, существующим благодаря воображению и посредством воображения. Но это не означает, как считает философ, что идеал есть нечто воображаемое или пустая фантазия. Идеал действителен, императивен и проактивен. Он всегда уже есть для человека конечная цель наших действий и проект. В частности, Сетницкий пишет: «Идеал по самому смыслу своему есть крайнее, последнее и величайшее задание, к которому стремится человечество» [Сетницкий 1995, 299]. Интересна и еще одна мысль философа. Всеобщее спасение мыслимо лишь как результат труда и усилий, всеобщая гибель – как простой результат естественного хода вещей. Если плыть «по течению», результат будет именно таким.

Сетницкий вслед за Федоровым ставил задачу победы человека над силами природы, над распадом и гибелью, за которыми следует смерть, и выражал стремление ко всеобщему воскрешению в следующих словах: «Жизнь, ее осуществление и возвращение всем – таково то устремление, которое должно сделать человека подлинным орудием божественного преобразования мира» [Бурханов 2016, 11].

Заключение

А.К. Горского и Н.А. Сетницкого неслучайно называли федоровцами. В качестве основной идеи своей философии они обозначали необходимость преобразования человека как существа

планетного и вселенского согласно провиденциальному замыслу Бога о человечестве. Они представляли образ совершенного человеческого общества «без гнета и без розни», все члены которого были бы объединены общим делом, не ущемляли бы друг друга, а действовали сообща и нераздельно, сознавая связь с Именем Божиим, гармонично и совершенно соединяющим слово и дело, что несет образец совершенного общества.

Горский и Сетницкий отстаивали возможность человека стать проводником и орудием осуществления Божией воли в мире или непосредственным участником преобразования. Горский начинает трактовать проблемы бессознательного человека как проблемы непознанного и всеобъемлющего мира внутри человека. Сетницкий рассуждает на тему, особенно актуальную и в XXI веке, возможности достижения цели, а также о том, что является сизифовым трудом и не способствует достижению цели, потому не является деятельностью. Исповедуя христианское дело, которое не замыкается в стенах храма, Горский и Сетницкий вмещали в него поистине вселенское содержание: регуляцию стихийных природных сил, одухотворение материи, упразднение смерти, обожение мира и достижение идеала.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1932 – *Бердяев Н.А.* Н.А. Сетницкий. О конечном идеале // Путь. 1932. № 36. С. 93–95.

Бурханов 2016 – *Бурханов Р.А.* Концепция культуры в философии русского космизма: А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев // Общество: философия, история, культура. 2016. № 9. С. 9–12.

Вернадский 2004 – *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис Пресс, 2004.

Гачева 2018 – *Гачева А.Г.* Апокатастасис в русской религиозно-философской мысли последней трети XIX – первой трети XX в. Статья третья: Апологеты целостного идеала: тема всеобщности спасения в творчестве мыслителей Советской России А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, Д.Л. Андреева // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3. С. 19–31.

Горский 1993 – *Горский А.К.* Организация мировоздействия // Русский космизм. Антология философской мысли / сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 214–238.

Горский 1995а – *Горский А.К.* Николай Федорович Федоров и современность // *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Сочинения. – М.: Раритет, 1995. С. 97–184.

Горский 1996 – Горский А.К. Огромный очерк // Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. С. 185–266.

Сетницкий 1995 – Сетницкий Н.А. О конечном идеале // Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения / сост. Е.Н. Берковская (Сетницкая), А.Г. Гачева. – М.: Раритет, 1995. С. 287–358.

Федоров 1995а – Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1995. С. 37–308.

Федоров 1995б – Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1995. С. 388–441.

Циолковский 1964 – Циолковский К.Э. Реактивные летательные аппараты. – М.: Наука, 1964.

Gacheva 2020 – Gacheva A.G. The Writing of Cosmist Philosophers Alexander N. Gorsky, Nikolai A. Setnitsky and Valeryan N. Muravyov as a Synthesis of Literature and Philosophy // Studies in East European Thought. 2020. Vol. 72. No. 3–4. P. 333–349.

Groys 2018 – Groys B. Introduction: Russian Cosmism and the Technology of Immortality // Russian Cosmism / ed. by B. Groys. – Cambridge, MA: EFlux-MIT, 2018. P. 1–14.

Young 2021 – Young G.M. The Russian Cosmists. – Oxford: Oxford University Press, 2021.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (1932) N.A. Setnitsky. On the Ultimate Ideal. *Put'*. No. 36, pp. 93–95 (in Russian).

Burkhanov R.A. (2016) The Concept of Culture in the Philosophy of Russian Cosmism: A.K. Gorsky, N.A. Setnitsky, V.N. Muravyev. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. No. 9, pp. 9–12 (in Russian).

Fedorov N.F. (1995a) The Issue of Brotherhood or Kinship, on the Causes of Unbrotherly, Unrelated, i.e., Unpeaceful, State of the World and the Means of Restoring Kinship. In: Fedorov N.F. *Collected Works in 4 Vols.* (Vol. 1, pp. 37–308). Moscow: Progress (in Russian).

Fedorov N.F. (1995b) Supramoralism, or Universal Synthesis (i.e. Universal Unification). In: Fedorov N.F. *Collected Works in 4 Vols.* (Vol. 1, pp. 388–441). Moscow: Progress (in Russian).

Gacheva A.G. (2018) Apocatastasis in Russian Religious-Philosophical Thought in the Last Third of the 19th Century – the First Third of the 20th Century. Article 3: Apologists of the Integral Ideal: The Theme of Universal Salvation in the Works of Soviet Russian Thinkers A.K. Gorsky, N.A. Setnitsky, V.N. Muravyev, D.L. Andreev. *RSUH/RGGU Bulletin. Philosophy. Sociology. Art History*. No. 3, pp. 19–31 (in Russian).

Gacheva A.G. (2020) The Writing of Cosmist Philosophers Alexander N. Gorsky, Nikolai A. Setnitsky and Valeryan N. Muravyov as a Synthesis of Literature and Philosophy. *Studies in East European Thought*. Vol. 72, no. 3–4, pp. 333–349.

Gorsky A.K. (1993) Organization of World Influence. In: Semenova S.G. & Gacheva A.G. (Eds.) *Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought* (pp. 214–238). Moscow: Pedagogika-Press (in Russian).

Gorsky A.K. (1995a) Nikolay Fedorovich Fedorov and Modernity. In: Gorsky A.K. & Setnitsky N.A. *Works* (pp. 97–184). Moscow: Raritet (in Russian).

Gorsky A.K. (1995b) The enormous essay. In: Gorsky A.K. & Setnitsky N.A. *Works* (pp. 185–266). Moscow: Raritet (in Russian).

Groys B. (2018) Introduction: Russian Cosmism and the Technology of Immortality. In: Groys B. (Ed.) *Russian Cosmism* (pp. 1–14). Cambridge, MA: EFlux-MIT.

Setnitsky N.A. (1995) On the Ultimate Ideal. In: Gorsky A.K. & Setnitsky N.A. *Works* (pp. 287–358). Moscow: Raritet (in Russian).

Tsiolkovsky K.E. (1964) *Reactive Flying Apparatus*. Moscow: Nauka (in Russian).

Vernadsky V.I. (2004) *Biosphere and Noosphere*. Moscow: Airis Press (in Russian).

Young G.M. (2021) *The Russian Cosmists*. Oxford: Oxford University Press.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-134-147

Рецензия

Book review

Становление, реальность и перспективы общества благ и привилегий

Рецензия на книгу:

Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов.

Рентное общество:

в тени труда, капитала и демократии. —

М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 416 с.

П.Н. Кондрашов

*Институт философии и права Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

В настоящей рецензии проведен анализ монографии «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии». Рассмотрены факторы и условия перехода от социального государства и общества массового труда к рентному типу общества. Основными причинами этой трансформации служат исчерпание ресурсов в мировом масштабе и техническое замещение человека, что влечет за собой рост социальных групп, живущих за счет различных форм ренты (пособий, безусловного базового дохода, доплат, иных льгот). Между тем в производстве богатств участвуют всё меньше и меньше людей. В этих условиях единственным активным политическим субъектом становится недемократическое и неэгалитарное государство, занимающееся распределением рент различным социальным группам. Одновременно с трансформацией экономических, политических и социальных структур при переходе от общества труда к рентному обществу изменяется и содержание морального сознания. Происходит переход от трудовой морали к морали рентно-паразитической, которая ввиду объективных условий существования рентного большинства интериоризируется и постепенно становится новой нравственной нормой. Проанализированы два предполагаемых сценария дальнейшего развития рентного

общества. Позитивный сценарий обусловлен развитием науки, личности, социализацией общества, формированием нового типа экономики. Негативный – связан с углублением и глобализацией рентных процессов, ведущий к «неолиберальному феодализму», обществу без массового труда и экономического роста, но с иерархией сословно-рентных групп, между которыми государство внеэкономическими методами распределяет ренты и привилегии. Кроме того, автором рецензии показаны существенные недочеты монографии: диверсифицированное понимание термина «рента», слишком широкое понимание субъектов ренты, неправомерная экстраполяция рентных отношений на историю человечества (рентный презентизм) в целом.

Ключевые слова: социальная философия, социальное государство, естественное государство, техническое замещение, общество труда, исчерпание ресурсов, социальное неравенство, рентный презентизм.

Кондрашов Петр Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

pnk060776@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9816-5979>

Для цитирования: Кондрашов П.Н. Становление, реальность и перспективы общества благ и привилегий (рецензия на книгу: Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019) // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 134–147. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-134-147

Formation, Reality, and Prospects of the Society of Benefits and Privileges

Book review:

L.G. Fishman, V.S. Martyanov, & D.A. Davydov.
Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy.
Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019
(in Russian).

P.N. Kondrashov
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract

This review analyzes the book *Rental Society: In the Shadow of Labor, Capital, and Democracy*. The book's authors consider factors and condi-

tions for the transition from a social state and a society of mass labor to a rental type of society. The main reasons for this transformation are the depletion of resources on a global scale and the replacement of humans by machines, which entails the growth of social groups living off various forms of rent (benefits, unconditional basic income, additional payments, etc.). Meanwhile, fewer and fewer people are involved in the production of wealth. Under these conditions, the only active political subject becomes a non-democratic and non-egalitarian state, which distributes rents to various social groups. Simultaneously with the transformation of economic, political, and social structures, the content of moral consciousness also changes during the transition from a labor society to a rent society. There is a transition from labor morality to rent-parasitic morality, which, in view of the objective conditions for the existence of the rent majority, is internalized and gradually becomes a new moral norm. Two possible scenarios for the further development of the rental society are discussed. The positive scenario is a formation of a new type of economy due to the development of science, personality, new socialization forms. Negative scenario is associated with the deepening and globalization of rent processes, leading to “neoliberal feudalism,” to a society without mass labor and economic growth but with a hierarchy of class-rent groups, between which the state distributes rents and privileges using non-economic methods. In addition, the article shows significant shortcomings of the reviewed research: inconsistent understanding of the concept of rent, overly broad understanding of the subjects of rental processes, unjustified extrapolation of rent relations to the whole history of mankind (so called rent presentism).

Keywords: social philosophy, welfare state, natural state, technical substitution, labor society, depletion of resources, social inequality, rental presentism.

Pyotr N. Kondrashov – D.Sc. in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

pnk060776@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9816-5979>

For citation: Kondrashov P.N. (2023) Formation, Reality, and Prospects of the Society of Benefits and Privileges (Book review: L.G. Fishman, V.S. Martyanov, & D.A. Davydov. *Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019). *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 134–147. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-134-147

Мы живем в особую эпоху радикальных и почти молниеносных перемен. Речь идет не только о пандемии коронавируса, военных

конфликтах, глобальном потеплении, массовых миграциях и реструктурировании системы мирового господства, но и не менее фундаментальных преобразованиях в самом основании нашего мира – неолиберальном капитализме. В последние несколько лет открыто очень много его разновидностей. Не может не удивлять тот факт, насколько быстро он трансформируется, порождая все новые и новые формы. На фоне этого многообразия открыт, если и не новый «вид», то неожиданный вектор развития глобализирующегося капитализма – рентное общество. Анализ этого нового измерения мирового развития предложен известными политологами из Института философии и права Уральского отделения РАН – Л. Фишманом, В. Мартьяновым и Д. Давыдовым, которые представили свое открытие научной общественности в виде монографии «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии».

Попробуем реконструировать общую авторскую логику становления рентного общества, причин его формирования, главных механизмов протекания, специфических особенностей и вероятных сценариев его будущего. В этой концептуальной реконструкции будем следовать в традиционном марксистском ключе (которого не чужды и авторы рецензируемой монографии), а именно: от изменений в экономико-технологическом базисе через трансформации в социальной структуре общества и политической надстройке к радикальным изменениям в сфере морали.

После Второй мировой войны из недр фордистского общества в западных странах сформировалось государство всеобщего благоденствия, которое было демократическим, социальным и более-менее эгалитарным. Его основаниями стали:

- ресурсная обеспеченность стран центра капиталистической миросистемы, что было напрямую связано с «эксплуатацией природы, трудовых ресурсов стран полупериферии и периферии и мировым неравенством» (с. 98)¹;
- массовый труд в промышленности и сельском хозяйстве в наиболее развитых капиталистических странах;
- глобальная технологическая монополия стран Запада, «когда остальной мир представлял рынки сбыта и источники сырья» (с. 98–99);

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы по изданию [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019].

– экономический рост, описываемый производительной моделью капитализма, когда «экономический рост и увеличение трудовых доходов населения (g) преобладают над темпами накопления капитала (r), т.е. $g > r$ » (с. 86).

Из этих базисных условий вытекает и соответствующая социальная структура, в рамках которой наблюдаются и классическая антагонистическая классовая стратификация (буржуазия/трудящиеся), и сокращение социального неравенства (в связи с ростом доходов у всех групп населения), что выразилось в обуржуазивании значительной части народных масс. Эта тенденция обуржуазивания (и по уровню дохода, и по образу жизни) выдвинула на первый план постоянно растущий средний класс, оказавшийся и социально обеспеченным, и вследствие этого политически лояльным, став стабилизирующим звеном в соответствующей социальной структуре. При этом (под влиянием советских практик и научно-технической революции) росли и многообразные формы социальной мобильности, расширялись политические, экономические права и свободы, становились более доступны образование и здравоохранение. В исследуемый период действовали демократические институты, поскольку широкие массы населения, будучи активными субъектами, участвовали в политике. Несмотря на наличие социальных противоречий, стационарной безработицы, расовой сегрегации, угнетение сексуальных меньшинств и женщин, наиболее опасные социальные группы были обеспечены все-таки пособиями, выплатами, льготами, т.е. существовала рентная обеспеченность низших классов, которая стала возможной из-за особого геополитического и экономического положения империалистического центра.

Но в конце 1970-х годов начался процесс свертывания социального государства. Анализируя данное явление вкупе с глобализационными процессами, авторы монографии выделяют ряд его причин:

– обнаружена исчерпанность ресурсов в мировом масштабе, т.е. теперь «механизмы инфраструктурной ренты» (с. 95), посредством которых поддерживались и обеспечивались социальная стабильность, относительное равенство, рост доходов в странах центра, перестают действовать;

– ресурсная эксплуатация стран периферии и полупериферии постепенно сходит на нет, что связано и с крахом колониальной системы, и с упомянутой ресурсной исчерпанностью;

– начинается техническое замещение живой рабочей силы, т.е. постепенное сокращение массового труда; отныне все меньшая и меньшая часть трудоспособного населения принимает участие в создании национального богатства, большая же часть превращается в социальные слои, живущие на разного рода «ренты»;

– наконец, мировая экономика вступает в фазу прекращения экономического роста не только в странах периферии, но и в странах центра, поскольку он напрямую зависит от неоимпериалистической эксплуатации остального мира. Авторы монографии отмечают: «В исторической перспективе глобальная рентная модель капитализма усиливается, т.к. прибыль на капитал (r) начинает превышать общие темпы экономического роста (g), что выражается формулой $r > g$ » (с. 86).

В связи с этими процессами происходит трансформации и социально-политических структур: «В обществе сокращающегося труда наблюдается постоянное и повсеместное расширение безработицы, которую все сложнее будет компенсировать с помощью модели социального государства, рассчитанной на экономический рост. Все большее количество людей оказывается вне глобальных производственных цепочек в мироэкономике. Оплата рентных компенсаций растущей массы нерентабельного населения через механизмы социального государства становится все более серьезной нагрузкой для национальных бюджетов» (с. 169).

В новых условиях государству и элитам приходится лавировать между различными социальными группами, требующими все больше и больше рент, льгот, подачек, преференций, привилегий как само собой разумеющегося. Особенно это относится к «опасным классам» (Г. Стиглиц) безработных, прекариата, «лишних людей», необеспеченной молодежи, являющихся протестными, подрывающими общественный «консенсус», который в *Welfare state* обеспечивался сытым и лояльным средним классом [Мартыянов 2016]. При этом единственным активным политическим субъектом становится укрепляющее свои позиции недемократическое и неэгалитарное государство, занимающееся распределением рент различным социальным группам: одних оно назначает достойными той или иной ренты, других этих рент лишает. Иными словами, недолго просуществовавшее социальное государство снова трансформировалось в государство естественное, «раздающее привилегии и ренты в основном имущим классам, а у прочих постепенно отнимающее политическую

ренту как справедливую часть зарплат, которая теперь обретает характер необоснованной привилегии» (с. 53).

Новые экономические и политические условия детерминируют поистине радикальные трансформации социальной структуры. С одной стороны, исчерпание ресурсов и элиминация инфраструктурных глобальных экономических преимуществ приводит к резкому сокращению массового труда в странах центра. С другой – возникают ведущие социальные группы (креативный класс, технократия), происходит резкое увеличение работников сферы услуг, IT-тружеников, персоналиата/имперсоналиата, экологического пролетариата, селебрити; появляются и дополнительные формы занятости (фриланс, удаленная работа, проектные сообщества). Ввиду сокращения доходов у всех групп населения (кроме незначительной высшей элиты), особенно у двух последних поколений (миллениалов и поколения Z), возрастает социальное расслоение и неравенство. Происходящие процессы приводят к возникновению опасных классов: постоянно и временно безработных, прекариата, «лишних людей», «которые требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» (с. 70). В монографии отмечается, что «структурная безработица становится необходимой составной частью рентного капитализма, представленной рентозависимыми от государства социальными группами, которые меняют политическую лояльность на ренту выживания и тем самым создают антимодерный консенсус» (с. 96).

Вместе с тем рентная перспектива в ее авторском политэкономическом понимании (с. 8) позволяет выявить множество ранее невидимых тенденций. Одна из них – экспликация исторической динамики морального отношения к ренте. Полагаем, этот анализ, наряду с экспликацией имманентных взаимосвязей между базисными и социально-политическими структурами в обществе труда и аналогичными структурами в рентном обществе, – самое важное достижение авторов рецензируемой монографии. Они детально показывают, как структуры и механизмы общества труда и структуры становящегося рентного общества формируют совершенно разное отношение к «ренте», т.е. к разного рода льготам, пособиям, выплатам, никак не связанным с трудом, а полагаемым просто в силу того или иного социального положения субъектов (об этом более подробно ниже).

Обращаясь к марксистским категориям, логично утверждать, что в монографии отражено то, каким образом общественные отношения определяют общественное сознание.

Динамика детерминации такова. Поскольку в обществе труда «труд является основанием идентичности» (с. 283), то рантье *a priori* рассматривается как «социальный паразит» (с. 13, 53, 72–73, 290). Только труд и профессия делают из *homo sapiens* собственно человека, обладающего достоинством, правами, субъектностью (способностью к социально активному действию).

В промежуточном периоде, характеризуемом авторами монографии как «закат общества труда» (с. 68, 281) и как «общество всеобщей занятости любой ценой» (с. 280), постепенная элиминация трудовой идентичности (в связи с сокращением массового труда и высвобождением широких масс из непосредственного производства) приводит к смешанным эмоциям. С одной стороны, душу щемит инертное чувство: нетрудовые, даровые «ренты для масс» неправильны. Люди еще стесняются быть рантье. Массовый труд уходит, но память о нем остается. В частности, Л. Фишман, В. Мартыанов и Д. Давыдов справедливо пишут: «В этом трансформирующемся обществе правит труп мертвого труда» (с. 280). С другой стороны, объективные обстоятельства вынуждают жить на ренту (пособия, льготы), а значит, «для большинства населения поиск ренты как альтернативы отчуждению труда или вовсе безработице становится единственно возможной стратегией поведения» (с. 69).

Итак, «закат общества труда привел к кризису идентичности прежнего трудового социального субъекта вне зависимости от его классового статуса» (с. 281). Например, возникают и постоянно растут в этот период прекариат, класс «лишних людей», класс структурных безработных. Все эти социальные группы уже нельзя считать «субъектами преобразования социальных условий» (с. 282). Следовательно, «с ослаблением трудовой идентичности вновь встает вопрос об основаниях идентичности социальных субъектов». Авторы на это обращают особое внимание: «В качестве таковых все чаще акцентируются раса, нация, пол, гендер, религия и т.д. Отсюда – распространение политики идентичности, вплоть до идеи о том, что государства должны разрешить множественную идентичность и гарантировать права каждой из них. Трансформация характера политических требований новых политических сил может быть описана как борьба за компенсацию потери социальной субъектности» (с. 281).

К тому же на современном этапе откровенного ренессанса диктатуры буржуазии все небуржуазные агенты начинают вос-

приниматься господствующим классом не как получатели заработной платы, а «как соперники в борьбе за политическую ренту... И тогда вся политическая борьба приобретает характер борьбы за распределение ренты» (с. 51). Видимо, вместо классической классовой борьбы развернется борьба за место под рентным солнцем множества групп. Более того, «следует ожидать, что разные социальные слои войдут в рентное общество по-разному и установится нечто вроде иерархии рантье» (с. 284).

В данных обстоятельствах происходит переход к новой – антитрудовой, рентной, попрошайнической и паразитической (пусть и объективно вынужденной) – морали, основанной на восприятии привилегий, рент, льгот, пособий как чего-то естественного. Согласно этой морали, человек не хочет работать, но хочет жить достойно, а значит, государство обязано ему такую жизнь обеспечить. Хотя бы лишь потому, что он – полноправный гражданин этого государства. Сегодня граждане получают привилегии и права (по сравнению с мигрантами, гастарбайтерами, иностранцами) не с учетом своих вассальных военно-трудовых повинностей в пользу сюзерена (как было при феодализме), а лишь ввиду места рождения. В таких условиях «эти привилегии уже выглядят исключительно как банальный источник ренты» (с. 51). Гражданин уверен, что государство все это ему должно. Хотя сегодня порой приходится наблюдать и ситуацию, в которой «государство никому ничего не должно».

Наконец, в грядущем рентном обществе отсутствие трудовой идентичности будет само собой разумеющимся фактом, а рента как таковая в ее многочисленных формах «будет рассматриваться как компенсация за утрату (трудовой. – П. К.) идентичности» (с. 283). Своего положения рантье никто стесняться не будет. Авторы монографии убеждены в следующем: «Переход к обществу, в котором большинство открыто стремится стать рантье, если не закономерен, то ожидаем... Есть основания предполагать, что именно это и происходит сегодня» (с. 69). Различные виды рент будут выглядеть естественными и необходимыми благами, «которыми грех не воспользоваться» (с. 32).

Хотя авторы монографии и не обращают на это внимания, становится очевидным, что в рамках этих переходов осуществляется трансформация не только отношения к ренте и труду, трансформация сознания и морали, но и трансформация человека. По сути, речь идет о разных типах человека как общественного

существа: в одном случае можно говорить о человеке как существе трудовом *par excellence*, а в другом – как о своеобразном *Homo renticus*. При этом, безусловно, все аспекты родовой сущности его сохраняются, только включаются в новые контексты. Уместно вспомнить о критике К. Марксом учения И. Бентама, «экстраполировавшего» человека буржуазного общества на все эпохи человеческой истории².

Как нам представляется, авторская концепция имплицитно содержит возможность исторического анализа изменений человека в аспекте соотношения «труд – рента». Было бы интересным проследить переход от общества труда к рентному обществу именно в этой философско-антропологической перспективе. Подобный анализ позволит взглянуть на социально-исторические трансформации человека в ином ракурсе. Думается, что авторы в будущем попытаются выполнить соответствующий анализ.

Установлено, что в результате глобальных экономических, социальных, политических, технологических и моральных трансформаций «усиливается национализм и протекционизм, глобальная центр-периферийная поляризация нарастает, а на горизонте будущего возникает образ недемократического и неэгалитарного общества без экономического роста и массового труда, но с растущими опасными классами прекариата и безработных, которые требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» (с. 70). Поэтому «рыночная модель капитализма постепенно трансформируется в рентную, где основным мотивационным фактором вместо рыночной погони за прибылью становится поиск ренты или передел рынков внеэкономическими способами. В подобном контексте роль ключевого экономического субъекта уже играет государство, распределяющее ресурсы внерыночными способами среди иерархии рентных групп, образующих каркас новой структуры политического сообщества» (с. 70).

Хотя, как подчеркивают авторы рецензируемой монографии, «нарисованная картина рентного общества носит гипотетический

² К. Маркс писал: «С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера – и притом, в частности, английского филистера – с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее» [Маркс 1960, 623].

характер» (с. 388), и оно «еще не стало реальностью» (с. 285), тем не менее исследование развития в оптике процессов рентизации позволяет не только увидеть в ином ракурсе прошлое и настоящее, но и заглянуть в будущее (с. 27). Относительно альтернатив будущего целесообразно предположить, что перспективы, намеченные в монографии, можно свести к двум трендам развития.

Во-первых, если описанный выше процесс рентизации продолжится (а эта тенденция радикально усилена в глобальном масштабе вследствие пандемии коронавируса), то на уровне отдельных государств нас ждет «общество без массового труда и экономического роста, но с иерархией сословно-рентных групп (с. 70, 284), среди которых естественное недемократическое государство внеэкономическими методами распределяет ренты и привилегии. Большинство же тех, кто не смог по разным причинам инкорпорироваться в новые социальные структуры, «с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение доступных возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения» (с. 152). Безусловно, такой «неофеодальный» вариант развития вполне вероятен [Kotkin 2020]. Сегодня наблюдается тренд формирования неолиберального феодализма как неограниченной диктатуры мировой элиты финансового капитала, основанной на радикальной эксплуатации и цифровом допуске к ресурсам (экономике), диктатуре (политике), тотальном контроле (социальной сфере), «репрессивно-толерантном» сознании масс (морали). В структуре этого неофеодализма изложенные в монографии механизмы рентного общества, ведущие к естественному государству как тотальному дистрибутивному неэгалитарному аппарату, вполне релевантны.

Во-вторых, вероятна и противоположная перспектива развития. Исследования (в том числе и авторов рассматриваемой монографии) показывают, что в «теле» постсовременного капитализма постепенно вызревают «локусы» других экономических отношений, формируются новые потребности, которые, в свою очередь, детерминируют новые общественные и межличностные отношения, основанные на доверии, внутригрупповой сплоченности и взаимопомощи, где доминируют социальные связи как таковые, а не социальный капитал, который нужно «инвестировать», где экономика – это хозяйствование, обеспечение жизнедеятельности общества, а не хрематистика как обеспечение максимальной

выгоды и/или погоня за рентой. Такое постепенно формирующееся общество можно назвать «неореципрокным» сообществом [Lebowitz 2021]. В монографии позитивная перспектива позиционируется так, что рентное общество рассматривается «как возможная переходная стадия к социализму» (с. 378–386).

Очень важна мысль авторов о том, что негативный вариант развития осуществится сам собой, а для реализации позитивного тренда потребуются усилия мирового сообщества. Авторы считают, что человечество способно преодолеть отрицательные тенденции, вызовы рентизации и сознательно перенаправить их в позитивное русло (с. 282).

Завершая рецензию, отметим, что самый существенный недостаток авторской концепции, на наш взгляд, состоит в предельно широком понимании феномена ренты. В связи с этим под концептуально размытую метафору представляется возможным подвести все, что угодно, – от исключительно рентных отношений до отношений дара, обмена, подачек, взяток, подкупов, до экономических, политических и социальных гарантий, привилегий и даже интимных отношений.

Диверсификация объема понятия «рента» привела авторов к ряду «перегибов»:

- во-первых, к слишком широкому пониманию субъектов ренты, когда в рантье превратились в том или ином отношении фактически все индивиды, все социальные группы и даже государства (с. 86, 169, 201);

- во-вторых, к географической «размытости» в понимании того, где находится рентное общество, носит ли оно глобальный или локальный характер (см. с. 73, 79, 85, 86, 192–274).

- наконец, в-третьих, это – неправомерная антиисторическая экстраполяция рентных отношений, когда вся человеческая история рассматривается как всегда и везде существующее рентное общество (рентный презентизм) [Wood 2002, 3–4], только изменяющее свои имманентные конфигурации. Неслучайно авторы утверждают: «В этом смысле феномен “погони за рентой” выступает в нашей работе как универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю» (с. 25; ср. с. 32, 38).

В совокупности изложенное нивелирует специфику ренты. Однако перечисленные выше «перегибы» в действительности вступают в резкое противоречие с фактическим и аналитическим содержанием монографии. Думается, что в ней речь идет

в большей степени не столько о рентных отношениях, сколько об отношениях, основанных на преимуществах, привилегиях и вытекающих из них различных материальных и нематериальных благ, частично связанных с «социально-политическим положением кого-то в социальной структуре», частично – не связанных. Непосредственно рентные отношения выступают в данном случае в качестве видовых, а отношения преимуществ и предпочтений – в качестве родовых. Таким образом, охарактеризованное в монографии общество называть рентным просто некорректно. Тут, наверное, надо говорить либо о квази/пара-рентном обществе, либо о некоем обществе благ и привилегий (*society of benefits and privileges*).

Если в таком плане понимать общую модель материальных и нематериальных преимуществ и привилегий, связанных с институциональным положением субъекта (будь то индивид, социальная группа или государство), то исчезает и «грех» радикально диверсифицированного понимания рантье, поскольку речь будет идти не о ренте, а о выгодах. Исчезает при этом и вопрос о локальности или глобальности становящегося общества привилегий, которое в описанной парадигме перехода от ресурсообеспеченного общества массового труда к ресурсной истощенности и при постоянно растущей доле нуждающихся в «рентах», пособиях, поддержке будет присутствовать лишь в *наиболее развитых* капиталистических странах, но с постепенным втягиванием в свою орбиту мира в целом.

Рентный презентизм вступает в противоречие с исторической точкой зрения авторов, проявившейся в проведенном ими всестороннем, глубоком анализе изменений морального отношения к ренте, т.е. изменений в содержании общественного сознания, в связи с изменениями в базисных (экономических и социально-стратификационных) и надстроечных (социально-политических) структурах, т.е. изменениями в содержании общественного бытия. Несмотря на все наши критические замечания, резюмируем: монография представляет огромный интерес для тех, кто изучает современный мир, тенденции его развития, возникающие новые экономические, социальные, политические и этико-регулятивные реалии и ростки будущего. Полагаем, авторы в последующих открытиях и исследованиях относительно т.н. рентного общества перейдут от метафор к строгим понятиям.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс 1960 – Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960.

Мартьянов 2016 – Мартьянов В.С. Прощай, средний класс // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 53–70.

Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019 – Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2019.

Kotkin 2020 – Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism. A Warning to the Global Middle Class. – New York: Encounter Books, 2020.

Lebowitz 2021 – Lebowitz M. Between Capitalism and Community. – New York: Monthly Review Press, 2021.

Wood 2002 – Wood E.M. The Origin of Capitalism. – London: Verso, 2002.

REFERENCES

Fishman L.G., Martynov V.S., & Davydov D.A. (2019) *Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York: Encounter Books.

Lebowitz M. (2021) *Between Capitalism and Community*. New York: Monthly Review Press.

Martynov V.S. (2016) Goodbye, Middle Class. *Svobodnaya mysl*. No. 5, pp. 53–70 (in Russian).

Marx K. (1960) Capital. Vol. 1. In: *Marx K. & Engels F. Collected Works* (Vol. 23). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Wood E.M. (2002) *The Origin of Capitalism*. London: Verso.

**Конференции,
семинары, круглые столы**

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-148-159

Обзор конференции

Conference summary

**Международная научная конференция
«Федор Михайлович Достоевский
и европейская культура:
к 200-летию великого русского писателя».
Апрель 16–23, 2021**

Е.А. Солошенко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье делается обзор Международной научной онлайн-конференции «Федор Михайлович Достоевский и европейская культура», проведенной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» совместно с Музейным центром «Московский дом Достоевского». На конференции ведущие специалисты в различных областях гуманитарного знания представили разносторонние доклады, посвященные взаимному влиянию Достоевского и европейской культуры. В центре исследовательского внимания была поставлена проблема воздействия русского писателя на творческое развитие европейской философской, художественной мысли. Докладчики продемонстрировали историю переводов романов Достоевского на иностранные языки. Участники конференции также отразили влияние концепций западноевропейской философии, литературы и культуры на творчество и религиозную мысль писателя. Ряд докладов конференции был посвящен культур-философской проблематике текстов Достоевского. Исследователи рассмотрели религиозно-философские диалоги романа «Бесы», уделив особое внимание противоречивому образу центрального персонажа романа – Николаю Ставрогину. Ведущие достоеведы обратились к малоизученным аспектам публицистики Достоевского, определив роль и место «еврейского вопроса». На конференции были представлены малоисследованные литературоведческие интерпретации романов Достоевского, история экранизаций его произведений в европейском кинематографе и музыкальные прочтения.

Ключевые слова: философия литературы, интеллектуальный диалог, религиозная философия, русская философия, культурная история.

Солошенко Евгения Александровна – аспирант Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

casoloshenko@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2645-7757>

Для цитирования: Солошенко Е.А. Международная научная конференция «Федор Михайлович Достоевский и европейская культура: к 200-летию великого русского писателя». Апрель 16–23, 2021 // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 148–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-148-159

**“Fyodor Mikhailovich Dostoevsky
and European Culture:
On the 200th Anniversary of the Great Russian Writer”
International Scientific Conference.
April 16–23, 2021**

E.A. Soloshenko

*National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia*

Abstract

The article provides a summary of “Fyodor Mikhailovich Dostoevsky and European Culture” International Scientific Online Conference, held by the International Laboratory for the Study of Russian-European Intellectual Dialogue of the National Research University Higher School of Economics in cooperation with the Dostoevsky’s Moscow House Museum Center. At the conference, leading experts in various fields of the humanities presented various reports on the mutual influence of Dostoevsky and European culture. Research attention was paid to the problem of the influence of the Russian writer on the creative development of European philosophical and artistic thought. The speakers demonstrated the history of translations of Dostoevsky’s novels into foreign languages. The participants of the conference also reflected the influence of the concepts of Western European philosophy, literature, and culture on the fiction and religious thought of the writer. A number of conference reports were devoted to the cultural

and philosophical problems of Dostoevsky's works. The researchers examined the religious and philosophical dialogues of the novel *Demons*, paying special attention to the controversial image of the protagonist of the novel – Nikolai Stavrogin. Leading Dostoyevsky specialists turned to the little-studied aspects of his journalism, defining the role of the “Jewish question.” The conference presented literary critics’ interpretations of Dostoevsky’s novels, the history of screen and musical adaptations of his works in European and Russian art.

Keywords: philosophy of literature, intellectual dialogue, religious philosophy, Russian philosophy, cultural history.

Evgeniya A. Soloshenko – postgraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics; Research Intern, International Laboratory for the Study of Russian-European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics.

easoloshenko@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2645-7757>

For citation: Soloshenko E.A. (2023) “Fyodor Mikhailovich Dostoevsky and European Culture: On the 200th Anniversary of the Great Russian Writer” International Scientific Conference. April 16–23, 2021. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 148–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-148-159

Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» совместно с Музейным центром «Московский дом Достоевского» Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля организовали и провели трехдневную (16–23 апреля 2021 года) Международную научную онлайн-конференцию «Федор Михайлович Достоевский и европейская культура». Она приурочена к двухсотлетию со дня рождения великого русского писателя. Конференция собрала ведущих достоеведов, а также крупных отечественных и зарубежных специалистов в области русской и мировой литературы, философии, кинематографа, музыки.

Организаторы конференции предложили восемь панельных секций, объединенных общей тематикой. Перед открытием первой панели докладов с приветственным словом выступил декан факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, заведующий научно-учебной лабораторией медиевистических исследований

НИУ ВШЭ, доктор исторических наук **М.А. Бойцов**. На конференции, посвященной творческому наследию Достоевского, Михаил Анатольевич представил развернутый доклад о романе «Преступление и наказание», сосредоточившись на ключевом фрагменте убийства Раскольниковым старухи-процентщицы. Докладчик высказал предположение о наличии политической составляющей в действиях главного героя романа, определяя Раскольникова как политического заговорщика и революционера. Подобное прочтение романа, по мнению ученого, не получило должного научного развития, однако оно небезосновательно. «Революционная» линия продолжена писателем впоследствии в литературных произведениях «Бесы» (Ставрогин) и «Братья Карамазовы» (Алеша Карамазов).

Первые две панели модерировали главные научные сотрудники лаборатории: доктор философских наук **М.С. Киселева** и доктор философских наук **О.А. Жукова**. Участники указанных секций выступили с докладами, в которых отражена проблематика взаимосвязи фигуры Достоевского и европейской мысли. Открыл первую панельную секцию инициатор настоящей онлайн-конференции, заведующий лабораторией, главный научный сотрудник, доктор философских наук **В.К. Кантор** докладом «Европейское открытие Ф.М. Достоевского». В своем выступлении Владимир Карлович выделил ряд имен крупных европейских мыслителей, которые подтверждали существенное влияние Достоевского на их творческое развитие. Немецкие философы и писатели, в частности Х.-Г. Гадамер, Р.-М. Рильке, Г. Гессе, Ф. Ницше, О. Шпенглер, австрийский писатель С. Цвейг, теолог и философ итальянского происхождения Р. Гвардини, французский мыслитель А. Камю, «познакомили» европейскую интеллектуальную мысль с идеями русского писателя. Нельзя не отметить, что процесс признания Достоевского как писателя и мыслителя был длительным в России (в сравнении со Л.Н. Толстым). Значительную роль в данном процессе, как отметил Владимир Карлович, сыграл литературный критик Д.С. Мережковский.

В продолжение раскрытия темы европейского прочтения Достоевского выступил кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного литературного музея **П.Е. Фокин**. Он представил историю переводов произведений Федора Михайловича на европейские языки (по материалам собрания А.Г. Достоевской). Павел Евгеньевич уточнил, что

прижизненных переводов было мало. Вследствие этого при жизни писатель европейскому читателю был малоизвестен. После смерти Достоевского в Европе наблюдался рост переводов его художественных произведений, появились аналитические и критические статьи, отклики в периодической печати. Докладчик обратил внимание на то, что среди первых переводов текстов Достоевского на европейские языки практически отсутствовали его публицистические очерки.

В совместном докладе доктора философии *Терезы Оболевич* и кандидата философских наук *А.С. Цыганкова* тема знакомства Европы с Достоевским раскрыта на примере первых нидерландских переводов его текстов, осуществленных не с русского, а с немецкого и французского языков. Александр Сергеевич проследил рецепцию идей писателя нидерландским славистом Н. ван Вейком и продемонстрировал, что для нидерландского слависта творчество Достоевского было средством при исследовании русского национального характера. Докладчик также обратился к нидерландским лекциям русского философа и религиозного мыслителя С.Л. Франка. В них творчество писателя рассматривалось как христианское преодоление кризиса гуманизма. Александр Сергеевич резюмировал, что для Франка главной заслугой Достоевского стала попытка религиозного обновления гуманизма.

И.Л. Волгин, основатель и президент Фонда Достоевского, вице-президент Международного общества Ф.М. Достоевского (*International Dostoevsky Society*), выступил с докладом под названием «Достоевский – турист: открытие Европы», посвященным наименее изученным «Зимним заметкам о летних впечатлениях». Игорь Леонидович сделал акцент на синтетическом жанре исследуемого текста: формально – «дорожная болтовня», но одновременно и «духовное странствие» по странам Европы, «переход от анекдота к притче», изучение России сквозь призму восприятия Запада. Достоевский, посетивший несколько крупных европейских городов, оставил «ментальное» описание только Лондона и Парижа. Лондон изображен эпически: столичный город «с толпами продажных женщин». Игорь Леонидович процитировал один из фрагментов «Заметок...», где автор описывает сцену диалога между мужчиной и женщиной в лондонском кафе. На этом примере исследователь подтвердил собственное определение «Заметок...» как творческой лаборатории писателя: фрагмент,

скорее, напоминает «набросок романа», «сюжет для небольшого рассказа, который зарождается на лондонских улицах». Докладчик упомянул о присутствии в тексте «великого подразумеваемого» – тайных встреч Достоевского с Герценом, совместного посещения ими Всемирной выставки. По мнению исследователя, лондонскими впечатлениями навеян текст в «Записках из подполья». Другой европейский столичный город – Париж – представлен Достоевским как место «ханжеского буржуазного образа жизни», город, «прогнивший в моральном отношении». В результате приведенный текст Достоевского был определен как авторская художественная концепция Запада.

Об «итальянских путешествиях» писателя речь шла в двух отдельных докладах главного научного сотрудника лаборатории, доктора философских наук **А.А. Кара-Мурзы** и доктора филологических наук **И.В. Дергачевой**. Предметом внимания Алексея Алексеевича стали путешествия 1862 и 1868–1869 годов. Исследователь сравнил «бросок на юг» 1962 года с перемещением писателя в «человеческий рай» из «человеческого ада», поскольку поездка была совершена на гонорар за повесть «Записки из подполья». Ирина Владимировна продолжила раскрытие темы флорентийского периода Достоевского. Она продемонстрировала обнаруженные ею архивные документы, относящиеся к фигуре майора гусарского полка и публициста С.П. Колошина, в переписке с которым состоял русский писатель. Дальнейшее обсуждение проблемы влияния итальянского периода на Достоевского проходило в первой панельной дискуссии.

Культурфилософскую проблематику текстов Достоевского исследовали доктор философских наук **И.В. Кондаков** и доктор исторических наук **Ф.А. Гайда**. Игорь Вадимович обратился к категории Другого в интерпретации русского философа, культуролога М.М. Бахтина, выступив с докладом на тему «Другой в творческом самосознании Ф.М. Достоевского». Он перечислил писателей, которых Федор Михайлович оценивал в качестве Других. Среди них – Фет, Чернышевский, Некрасов, Толстой. Не подлежали такой оценке только Ломоносов, Пушкин, отчасти Гоголь, находящиеся «над схваткой». По словам Кондакова, в произведениях Достоевского категория Другого приобретает разный смысл и разные системы репрезентаций. Он дополнил, что Достоевский находил в русском человеке стремление замаскироваться под Другого. Гайда обратился к концепции личности в докладе

«Запад и эволюция концепции личности у Ф.М. Достоевского». Докладчик отметил широкое понимание данного концепта писателем: иронично, с сарказмом, возвышенно. Исследуя эволюцию такого концепта, Федор Александрович выявил два восприятия личности у Достоевского.

Следующая панель конференции была выстроена вокруг романа «Бесы». Ее открыл ведущий научный сотрудник лаборатории, доктор философии **Х. Куссе** с докладом на тему «Достоевский как мастер коммуникативных катастроф». Хольгер Куссе рассмотрел диалоги в «Бесах» в качестве примера агрессивной коммуникации. Докладчик также представил литературные иллюстрации «коммуникативных катастроф» из «Мертвых душ» Гоголя и «Братьев Карамазовых» Достоевского. Примером коммуникативной катастрофы в последнем романе писателя, по мнению ученого, является диалог / невозможность диалога между Христом и Великим инквизитором.

Религиозно-философским диалогам в романе «Бесы» посвятил свой доклад доктор филологических наук **А.А. Гапоненков**. Алексей Алексеевич проанализировал ряд диалогов романа: два диалога Шатова и Хромоножки, диалог Ставрогина и Кириллова, кульминационный диалог романа – изнурительный разговор Ставрогина и Шатова – в контексте религиозной мысли Достоевского.

Доктор философских наук **Б.И. Пружинин** и доктор философских наук **Т.Г. Щедрина** выступили с совместным докладом «Ставрогин и его душа, или О современных трансформациях скептицизма». Исследователи обратились к теоретическим представлениям русского философа Г.Г. Шпета (название доклада – парафраз его статьи «Скептик и его душа», написанной в 1919 году). С точки зрения Бориса Исаевича, на протяжении романа Ставрогин демонстрирует «последовательный самодовольный скептицизм, замкнутый на себя». Ученый провел аналогии с современностью и констатировал опасность скептицизма. Выступление Татьяны Геннадьевны было основано на результатах анализа архивных документов, с которыми работал Г.Г. Шпет. Автор доклада расшифровала конспект Густава Густавовича о романе «Бесы». По словам Татьяны Геннадьевны, Ставрогин для Шпета – апогей скептицизма, «неговорящая фигура» (т.е. верим тому, что говорят о нем или за него).

Младший научный сотрудник лаборатории, кандидат философских наук **И.О. Щедрина** продолжила тему скептицизма в докладе

«Достоевский и медиареальность». Ирина Олеговна предложила интерпретацию «Бесов» как современного ток-шоу (Ставрогин – центральный персонаж, вокруг которого организовано действие, роль ведущего принимает на себя Верховенский, хроникер ведет запись происходящего и т.д.).

Противоречивый образ Ставрогина оказался предметом исследовательского интереса доктора философских наук *А.А. Данилевского*. В докладе «Генезис “гражданина кантона Ури”» Александр Алексеевич проанализировал архитектуру произведения «Бесы». Ученый констатировал, что Ставрогин помещен в зону генетической памяти предшественника (П. Верховенского), выявлен и «хлестаковский генотип» Ставрогина. По окончании панельной секции, посвященной «Бесам», состоялась краткая дискуссия участников конференции. При этом указанный роман охарактеризован как самый «насыщенный сатирическим и комическим началом» среди романов Достоевского.

Второй день конференции начался с доклада «Философская теология Ф. Шлейермахера и религиозное реформаторство И.В. Киреевского и Ф.М. Достоевского» ведущего научного сотрудника Института русской литературы (ИРЛИ) РАН, доктора филологических наук *К.А. Баршта*. Константин Абрекович выявил влияние шлейермахеровских концепций на религиозную мысль русского писателя, осуществленное посредством русского религиозного мыслителя И.В. Киреевского. Например, в риторическом вопросе «Если Бога нет, то какой же я после того капитан?» из «Бесов» прослеживается шлейермахеровское «чувство Бога», «безусловное чувство зависимости от Вселенной». Подобное понимание религии «как способа связи с целым мирозданием» присуще Достоевскому.

Доклад «Достоевский читает Гете (“Тоды учения Вильгельма Мейстера” и “Подросток”))» представила главный научный сотрудник лаборатории, доктор филологических наук *И.Н. Лагутина*. Обратившись к высказыванию Константина Абрековича о «молчании Достоевского об авторах, оказавших на него влияние», Ирина Николаевна сделала аргументированный вывод. Несмотря на устоявшееся мнение о том, что Гете для Достоевского вытеснил Шиллер, влияние Гете на творчество писателя существенно. Автор доклада выделила ряд гетевских текстов, связанных с Достоевским. По ее мнению, немецкий писатель «растворен» в текстах русского мыслителя.

О проблеме взаимоотношений России и Европы в творчестве Федора Михайловича говорила доктор философских наук **О.А. Жукова** в докладе «Немцы в оценке Достоевского: впечатления и историософские рефлексии». Исследователь процитировала критические высказывания Достоевского о Берлине и о немцах: «Жить за границей очень скучно где бы то ни было». Она указала на «мизантропическую тональность» немецкого периода в целом. Вместе с тем Ольга Анатольевна выделила высказывания писателя с интенциями к созданию культурного союза между двумя государствами.

Замыкал ряд выступлений в рамках первой панели научный руководитель лаборатории, доктор философии **Леонид Люкс**. Ученый сравнил роль и место «еврейского вопроса» в публицистике Достоевского и немецкого историка Генриха фон Трейчке. Несмотря на различное положение российский и немецких евреев, исследователь отметил сходство аргументов двух современников.

Вторую панель открыл доклад «Россия и Европа в духовно-творческом диалоге Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова» ведущего научного сотрудника Института мировой литературы РАН, главного библиотекаря Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова, доктора филологических наук **А.Г. Гачевой**. Анастасия Георгиевна осветила проблематику диалога между русским писателем и русским религиозным философом. Доктор филологических наук **Елена Аркадьевна Тахо-Годи** представила доклад «Россия и Европа: Ю. Айхенвальд об ошибке Ф.М. Достоевского», посвященный вопросу восприятия Достоевским России и Европы в работах литературного и театрального критика Ю.И. Айхенвальда. Кандидат филологических наук **М.А. Васильева** выступила с сообщением на тему «Один сюжет из Достоевского: В. Набоков vs Д. Чижевский». Писатель В.В. Набоков и славист, философ Д.И. Чижевский выдвигали антагонистические интерпретации творчества Достоевского. Мария Анатольевна находит идейные переклички между двумя мыслителями в философской интерпретации «Двойника» Достоевского.

Нина Михайловна Сегал-Рудник представила доклад «Стратегия поэтической цитаты в работах Вяч. Иванова о Достоевском», в котором речь шла о проблеме выстраивания мифа Достоевского в творчестве Вяч. Иванова. Доктор философии, литературовед и лингвист **Д.М. Сегал** провел сравнительный анализ прозаического творчества Ф.М. Достоевского и К.К. Вагинова, опираясь

на бахтинский концепт мениппеи. Дмитрий Михайлович выявил различие мениппей у Достоевского и у Вагинова (христианская/эллинистическая), высказав суждение о том, что в творчестве Вагинова данная концепция выражена точнее.

Dr. hab Януш Добешевский посвятил доклад книге о Достоевском польского публициста и политического деятеля Станислава Цата-Мацкевича. Исследователь опровергал и доказывал центральный тезис труда Цата-Мацкевича: «не было бы Федора Михайловича Достоевского без Анны Григорьевны Достоевской».

«Философская» оптика применительно к текстам Достоевского выбрана доктором философских наук *Т.П. Лифинцевой*. В докладе «“Обвиняется разум”: абсурд у Ф.М. Достоевского и А. Камю» Татьяна Петровна на примере диалогов и монологов героев произведений русского и французского писателей проанализировала ситуации абсурда, отраженные в философии и литературе.

Киновед и культуролог *К.Э. Разлогов* рассмотрел историю экранизаций художественных произведений Достоевского в европейском кинематографе. По словам Кирилла Эмильевича, самым трудным романом для кинематографистов остаются «Бесы», самым популярным – «Преступление и наказание».

Доктор философских наук *Т.Ю. Сидорина* выступила с докладом «Музыкальная достоевиана: опера, рок, песня». Татьяна Юрьевна изучила музыкальные предпочтения русского писателя, а также известные музыкальные прочтения его произведений. В заключение доклада прозвучал фрагмент оперы С.С. Прокофьева «Игрок».

В завершение панельной секции американский славист, директор Русского, восточноевропейского и евроазиатского центра Иллинойского университета *Ричард Темпест* выступил с докладом «Федор Достоевский и Александр Солженицын». С его точки зрения, двух очень разных писателей объединяет художественный поиск личной/коллективной идентичности на фоне социальных потрясений. Концептуальную связь между Достоевским и Солженицыным Р. Темпест определил в теме эстетизации зла, причастности литературы ко злу. Докладчик обратился к «Преступлению и наказанию» Достоевского и «Раковому корпусу» Солженицына. В итоге он вывел ряд очевидных параллелей: 1) писатели фиксируют читательское внимание на «убогой одежде» и «убогой шапке» главных героев; 2) в романе Достоевского фигурирует «ломовая лошадь, под которую чуть не попадает Раскольников»,

у Солженицына – «москвич, направленный на героя»; 3) убийство как форма эксперимента.

Третий день онлайн-конференции объединил выступления о малоизученных аспектах публицистики Достоевского. **В.А. Викторович**, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества Ф.М. Достоевского, открыл панельную секцию докладом под названием «Указать исход европейской тоске (к пониманию Пушкинской речи Достоевского)». В докладе Владимир Александрович проанализировал определение феномена русской литературы в текстах писателя как литературы, вобравшей в себя всю мировую культуру.

В.Н. Захаров, доктор филологических наук, почетный президент Международного общества Ф.М. Достоевского, представил вниманию слушателей доклад о «колумнисте» Достоевском – политическом обозревателе и комментаторе. По утверждению Владимира Николаевича, журналистская деятельность составила около 40 % всех печатных текстов писателя. Некоторые гражданские убеждения мыслителя также были зафиксированы в цикле стихотворений.

«Дневнику писателя» Достоевского было посвящено три развернутых исследования. **Лазарь Милендиевич** (Нови-Садский университет, Сербия) выступил с докладом о религиозном понимании истории в «Дневнике писателя», анализируя взгляды Достоевского на исторические перспективы России. Доктором искусствоведения **О.Д. Баженовой** дан искусствоведческий комментарий о культе страдающего Христа в народной изобразительной культуре к фрагменту «Дневника писателя» 1873 года. Главный научный сотрудник лаборатории, доктор философских наук **М.С. Киселева** осветила проблему двойничества на материале «Дневника писателя» 1877 года. Понимание феномена двойничества, по мнению автора доклада, дает представление о развитии творческой мысли писателя, о процессе становления идей Достоевского.

Работа панельной секции молодых исследователей началась с доклада «Достоевский и Кант в интерпретации Я.Э. Голосовкера» стажера-исследователя **Д.А. Морозова**. С позиции Голосовкера, роман «Братья Карамазовы» как «исповедь горячего сердца»

(Мити) противостоит формально-логическому методу И. Канта и служит орудием против него. **П.А. Блинникова** выступила с презентацией под названием «Символ Христа в романе Ф.М. Достоевского “Идиот” (о роли образа Христа в построении образа Мышкина)». **Н.В. Рябчинский** обратился к теме образа Другого в религиозно-экзистенциальной мысли Ф.М. Достоевского, отсылая к тексту Священного писания. **О.А. Глебов** посвятил доклад «Красота вещей: В. Розанов о преодолении европейского рационализма в эстетике Ф. Достоевского» исследованиям русского религиозного философа В.В. Розанова. **Т.А. Карпова** познакомила аудиторию с презентацией «Дёблин и Достоевский: Берлин, Александрплац», посредством которой показала идейное влияние писателя на роман А. Дёблина.

По окончании выступлений докладчиков и конференции в целом старший научный сотрудник Государственного литературного музея **И.М. Дробышевская** провела виртуальную экскурсию по экспозиции Музея-квартиры Ф.М. Достоевского.

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 16.01.2023 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info